Последние тайны

Ватикана

Бернар Леконт

Феникс

Бернар Леконт

Последние тайны Ватикана

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2014

УДК 272
ББК 86.375
КТК 022
Л43

Les derniers secrets du Vatican
Bernard Lecomte

Леконт, Бернар.
Л43 Последние тайны Ватикана / Бернар Леконт. — Ростов н/Д : Феникс, 2014. — 365 с.

ISBN 978-5-222-21558-6

Ватикан! Тайны, музеи, финансы, подвалы, дым из трубы! Как и Белый дом, Кремль или Запретный город, Ватикан прежде всего олицетворяет власть. Это одно из самых загадочных мест на планете. И дело даже не в том, что все секреты, которые скрываются в нем, хранятся за семью печатями или являют собой угрозу для современного мироустройства. Резиденция римско-католической Церкви представляет собой уникальное место, где никогда не подчинялись никаким светским правилам. Там не проводят расследования, как в Белом доме или Кремле...

Первая книга — «Тайны Ватикана» — стала настоящим бестселлером и была переведена на 10 языков, в том числе и на русский. Автор приоткрывает завесу над секретами римско-католической Церкви и делает это бесстрастно и невозмутимо, руководствуясь лишь соображениями исторической достоверности.

Могила Святого Петра, непогрешимость папы, сестра Паскалина, Пий XII и де Голль, Бенедикт XVI, Церковь и франкмасоны, педофильские скандалы — обо всем этом было написано уже немало. Но всегда остаются намеки и недомолвки, которые заслуживают более тщательного расследования.

Для детей старше 16 лет

ISBN 978-5-222-21558-6

УДК 272
ББК 86.375

Содержание

Предисловие

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу...

От Марка 4:22

Завораживающий Ватикан!

В этом маленьком символическом государстве площадью 44 гектара, управляемом папой и римской курией, бьется сердце католической церкви — единственного в своем роде организма, насчитывающего более двух тысяч лет существования и более миллиарда последователей. Здесь и речи не может быть о демократии. Даже несмотря на то, что меняющееся время и любопытство средств массовой информации начинают постепенно проникать за ажурные решетки, бронзовые двери и тяжелую старинную драпировку, — о какой-либо прозрачности говорить не приходится.

Ватикан, как Белый дом, Кремль или любая другая закрытая территория, хранит множество тайн, загадок, домыслов и легенд. В книге «Тайны Ватикана», вышедшей в 2009 году, я постарался более или менее осветить такие факты, как третья тайна Фатимы, молчание Пия XII, закулисье II Ватиканского собора, Туринская плащаница,

история Опус Деи, смерть Иоанна Павла I и др. Успех, который книга имела во Франции и за ее пределами, вдохновил меня на продолжение поисков.

Чтобы написать «Последние тайны Ватикана», я провел дополнительное расследование, расспрашивая кардиналов, работая с архивами, изучая различные публикации и сопоставляя свидетельства. Все это я делал для того, чтобы ответить на вопросы, которые задает себе любой неравнодушный к окружающему его миру человек, притом совершенно неважно, верующий он или нет. Подлинны ли могила и мощи Святого Петра? Кем была сестра Паскалина, жившая рядом с папой Пием XII? Помогал ли Ватикан после войны скрыться нацистским преступникам? Можно ли одновременно быть и католиком, и франкмасоном? Правда ли, что папа Иоанн XXIII помог предотвратить третью мировую войну? Кто скрыл и кто обнародовал скандалы, связанные со священниками-педофилами?..

Как и в предыдущем случае, я ограничился рамками современности, остановив свой выбор на документах, лицах и интригах, прямо касающихся людей нашего времени. Настоящая книга не несет в себе ни агрессии, ни идеологической тенденциозности, ни полемичности, ни сухого наукообразия. Ее единственная цель — точно изложить исторические факты, чтобы читатель мог составить о них свое собственное мнение.

1

Могила Святого Петра

Тщетное пари археолога по имени Пий XII

Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...

От Матфея 16:18

В Риме в ночь на 10 февраля 1939 года внезапно скончался папа Пий XI. Ответственным за организацию похорон кардиналом-камерлингом стал государственный секретарь усопшего понтифика Эудженио Пачелли. Именно ему суждено было вскрыть завещание Пия XI, который просил похоронить себя под собором Святого Петра у южной стены «Древних пещер» (*Grotte Vecchie*), рядом с могилой папы Пия X в непосредственной близости от исповедальни Святого Петра — подземной ниши, покоящейся на огромных витых бернинских колоннах над предполагаемым захоронением апостола. Для папы близость к Симону Петру являлась благодатью, к которой он стремился при жизни и даже после смерти. Ничего удивительного, ибо к Петру относятся как к первому епископу Рима и первому «папе» в истории церкви.

В тот же день камерлинг распорядился подготовить место для погребения, однако протоиерей собора сообщил ему, что выбранное покойным пространство слишком узко. Пачелли приказал расширить его, опустив уровень почвы и прокопав пол за фундаментной стеной. За дело принялись ватиканские каменщики, даже не подозревавшие, какие сюрпризы таят в себе подвалы собора. Сначала на глубине двадцати сантиметров они увидели фрагменты каменной кладки первой базилики, построенной в IV веке императором Константином. Но еще более поразительными оказались открывшиеся за стеной извилистые ходы, ведущие в таинственную комнату, полную строительного мусора.

Тройное пари Пия XII

Рим, 28 июня 1939 года. Как и предполагалось, кардинал Пачелли в марте взошел на папский престол под именем Пия XII. Новый понтифик готовился к традиционному празднику Святых апостолов Петра и Павла. Становление нового понтификата, дела церкви и особенно активная дипломатическая деятельность Ватикана в преддверии мирового конфликта заставили всех забыть о любопытных находках каменщиков, обнаруженных в подвале собора четырьмя месяцами ранее. Однако один человек продолжал помнить о них: сам папа.

Непосредственно перед церемонией он спустился в подземелье и попросил показать ему место, где покоился его предшественник, а также работу, которая была проведена по подготовке его захоронения. После этого он долго размышлял, стоя под куполом собора Святого Петра на священной плите исповедальни. Именно там во время молитвы Пий XII принял сенсационное решение, которое давно

уже зрело в его сердце: выяснить, можно ли обнаружить могилу апостола Петра, а то и мощи основателя церкви через две тысячи лет после его погребения, если начать раскопки прямо на месте захоронения Пия XI.

Пий XII пригласил секретаря священной археологической папской комиссии монсеньора Респили и официально поручил ему расширить область исследования соборных подвалов. Своему другу монсеньору Каасу, секретарю «Фабрики Святого Петра», ответственному за содержание собора, он доверил моральную опеку над будущими раскопками. Пий XII призвал своих помощников использовать самые передовые технологии и пообещал им не скупиться на средства, попросив лишь сохранить втайне все, что будет происходить в подвалах базилики.

Зачем нужно было засекречивать археологические раскопки, которые сегодня выглядят вполне законными? Затем, что в тот день папа Пий XII как бы заключил чрезвычайно рискованное тройное пари-вызов с наукой, архитектурой и религией, могущее привести к негативной реакции и даже скандалу. По его собственному признанию, он никогда не принял бы подобного решения, если бы не почувствовал, молясь, Божественную силу, властно направлявшую его мысли. Для такой смелости одного человеческого разума было бы недостаточно.

Первое пари Пия XII относилось к области науки. Подвал собора Святого Петра представлял собой такую монументальную архитектурную и историческую мешанину, что даже у самых компетентных археологов было очень мало шансов пробраться к развалинам мавзолеев, погребальных урн и развороченных склепов. Как могила апостола могла в целости и сохранности выдержать две тысячи лет мрачных и кровавых перипетий, особенно в первые века после его кончины?

Второе пари касалось архитектуры: работа землекопов в соборном подземелье грозила серьезно повредить фундамент здания: осыпи, трещины и влага могли не только нанести серьезный ущерб, но и привести к обрушению самой большого в мире храма, к которому на протяжении пяти веков относились как к шедевру христианского зодчества! Соблюдение предосторожности требовало долгих лет работы и астрономических затрат.

И наконец, Пий XII рисковал поставить под сомнение одну из основ католического вероисповедания, согласно которой собор как символ апостольского наследия был основан на месте захоронения Святого Петра. Неудача раскопок сыграла бы на руку протестантам, которые вслед за Лютером (написавшим книгу «Против римского папства — изобретения дьявола») продолжали утверждать, что на самом деле тело Петра покоится в Риме. Что же касается православных, то они со своей стороны, безусловно, подвергли бы сомнению непогрешимое первенство западного патриархата по отношению к Антиохии, Александрии, Иерусалиму, Никее и Константинополю. И даже среди католиков, особенно во Франции и Германии, авторитет папы начал бы неумолимо падать. Против главенства Рима могла бы выступить любая недовольная епархия, как это произошло в VII веке в Равенне!

Поэтому раскопки должны были происходить в атмосфере строжайшей секретности. В соборе, который ежедневно принимал потоки верующих, соблюсти ее было непросто. Еще тяжелее пришлось в годы войны. Однако именно это условие было поставлено папой перед участниками головокружительного погружения в историю церкви.

От Нерона до Константина

Рим, осень 64 года. В начале правления Нерона Ватикан представлял собой нездоровую местность, переполненную, по словам Плиния Старшего, «змеями и комарами». Там росли сады, принадлежавшие государству, а стало быть, самому императору. Они располагались за пределами города, простираясь от Яникульского холма до Тибра, где несколькими годами позже был возведен мавзолей Адриана, ставший впоследствии замком Святого Ангела. Там, примерно в километре от города, Калигула выстроил цирк. Украшавший его египетский обелиск в XVII веке был установлен в центре площади Святого Петра. Основание цирка было обнаружено спустя две тысячи лет к югу от современного собора.

После пожара Рима в июле 64 года Нерон открыл упомянутую территорию для пострадавших от бедствия, которые вскоре застроили ее добротными домовладениями. Однако очень скоро Нерон обвинил в поджоге Рима христиан и подверг их массовому преследованию. Глава поносимой общины Петр как знаковая жертва гонения на христиан был схвачен и публично казнен в неиспользуемом ватиканском цирке (*Circus maximus*), находившемся в южной части Авентинского холма.

Согласно апокрифическому тексту, Петр попросил распять себя вниз головой в знак смирения перед Спасителем. И поскольку римский закон позволял хоронить человека рядом с местом его мученической казни, тот факт, что ученики апостола перенесли его останки в некрополь, прилегавший ко второй римской дороге на склоне холма с противоположной стороны цирка, в историческом плане выглядит вполне правдоподобным. Историки до сих пор спорят, о каком именно пути в лабиринте дорог, ведущих

из столицы империи на север, идет речь: о виа Корнелия (что вероятнее всего), виа Орелия или виа Триумфалис...

Считается, что именно второй преемник Петра папа Анаклет (76–88) распорядился изготовить реликварий — терракотовый или выдолбленный в камне ларец для хранения останков мученика. Но в то время христиане составляли меньшинство, подвергавшееся время от времени преследованиям со стороны императорских властей, и им было не до пышных церемоний и величественных памятников. Это касается и могилы апостола Павла, обезглавленного в местечке под названием Аква Сальвиа на Остийской дороге, о которой также практически ничего не известно.

Во времена папы Зефирина (199–217) священник по имени Гай утверждал, что «трофеи» (т.е. останки) основателей римской церкви Петра и Павла находятся соответственно в Ватикане и рядом с Остийской дорогой. При этом он не уточнял, скрывают ли эти «трофеи» «святые мощи» апостолов либо являются всего лишь могильными памятниками. Если опираться на второе предположение, то раскопки Пия XII могли обнаружить какую-нибудь стелу, кенотаф или обычное надгробие...

По словам ученых, во время гонений на христиан в 258 году останки Петра и Павла были перенесены и спрятаны в катакомбах виа Аппиа, а когда все успокоилось, реликвии вернулись на свои места: мощи Павла вновь оказались в склепе рядом с Остийской дорогой, а мощи Петра — в некрополе Ватиканского холма.

Именно здесь, на Ватиканском холме, император Константин после признания христианства единственной «законной» религией в 313 году и решил возвести базилику, посвященную первому епископу Рима. Для постройки этого монументального здания Константин без колебаний

пожертвовал большей частью старого языческого кладбища, которое избрали для себя первые ученики Петра. Археологам XX века пришлось приложить немало усилий, чтобы проникнуть к старым нагромождениям из стен, кирпичей с рельефными надписями, черепицы, черепков от погребальных урн, обломков амфор, монет и, разумеется, человеческих останков.

Поскольку выбранное место располагалось «за стенами», то есть за возведенными в недавнем прошлом императором Аврелианом укреплениями, построенная Константином базилика стала доступна для разного рода нашествий и завоеваний: вестготов Алариха (410), вандалов Гензериха (455), остготов Витигеса (537) и Тотилы (550)... Можно представить, какая участь при каждом вторжении и каждой осаде ожидала то, что находилось «вне стен». Все это становилось легкой добычей воинственных кочевников.

Мало что из богатства: мраморных, бронзовых предметов, золотых и серебряных чаш, украшений, мозаики — смогло уцелеть во время этих грабежей. Но грабила и разрушала ли варварская солдатня места захоронений и человеческие останки, не представлявшие для них никакой материальной ценности? Трудно сказать. Лишь после очередного разрушительного вторжения сарацинов в 846 году папа Лев IV приказал соорудить массивное укрепление — леонинскую стену, что явилось первой попыткой оградить базилику Святого Петра и скрываемую ею священную могилу от разрушительных исторических потрясений.

С тех пор никто больше не прикасался к месту погребения апостола. Когда в 1513 году папа Юлий II начал строительство новой базилики на руинах прежней, он запретил

архитектору Браманте что-либо менять в исповедальне Святого Петра. Не больше, чем его предшественники, но и не меньше, чем его последователи, этот великий понтифик не желал рисковать проведением раскопок под исповедальней. Конечно, он опасался, что раскопки приведут к обрушению, но еще больше боялся испытать разочарование! Кто мог знать спустя одиннадцать веков после возведения базилики Константина, какой непоправимый ущерб нанесли останкам основателя церкви первые годы христианской эры? Лучше упрочить веру, чем разрушить миф!

Осторожность и... дилетантство

Раскопки начались осенью 1939 года и длились целых десять лет. Монсеньор Людвиг Каас по желанию Пия XII должен был привлечь к раскопкам небольшое число известных ученых, по возможности молодых и тщательно отобранных. Таковыми стали: иезуиты Антонио Ферруа (40 лет) и Энглеберт Киршбаум (39 лет), профессора Папского института христианской археологии Энрико Джози (59 лет) и Бруно Аполлоний-Гетти (36 лет), к которым присоединились специально нанятые каменщики, в частности Джованни Сегони и Оливьеро Дзинобиле.

Мировой конфликт не пошел на пользу раскопкам. Не принесла им пользы и опека монсеньора Кааса. Бывший немецкий политический деятель, доверенное лицо и советник монсеньора Пачелли монсеньор Каас был любителем-знатоком без всякого археологического образования. Очень скоро отношения между старым странноватым прелатом и четырьмя профессиональными учеными-исследователями обострились. Случилось так, что Каас допустил несколько прискорбных методических ошибок, начав

с того, что забыл вести «дневник раскопок», который через много лет оказался бы крайне важным документом!

Команда искателей, заботясь о безопасности собора, решила сначала откопать и очистить целиком комнаты и ниши. Об этой безопасности заботился еще папа Пий VII, когда приказывал в ноябре 1822 года прорыть пол здания, чтобы установить перед исповедальней Святого Петра тяжелую мраморную статую Пия VI. Архитектор Ватикана Джузеппе Валадье максимально укрепил балдахин над исповедальней и поддерживающие купол собора колонны.

Пий XII знал эту историю и понимал, что с собором следует обращаться очень бережно. В том же 1939 году мастера обнаружили, что на основе барабана купола появились трещины, не связанные с проблемами подземелья. Уже кое-где обнажилась мозаичная роспись и откололось несколько каменных фрагментов. Архитектору Энрико Пьетро Галеацци, брату личного врача папы, было поручено заменить трухлявые деревянные балки основания барабана прочным стальным канатом.

Осторожность прежде всего! Под полом собора с неукоснительным соблюдением мер предосторожности бурили, прокладывали тоннели через старые толстые стены, выгребали тонны земли и мусора и, борясь с просачивавшейся влагой, устанавливали насосы, которые работали день и ночь на протяжении нескольких месяцев. Попутно удалось укрепить несколько соседних стен и сооружений. Догадывались ли приходившие в собор люди о том, что происходило за большими брезентовыми покрытиями и строительными заборами?

Бесценные открытия

С конца 1940 года раскопки были сосредоточены под исповедальней Святого Петра посередине центрального нефа. Необычные поиски привели к бесценным археологическим открытиям. Прежде всего они позволили воссоздать историю местности со времен садов Нерона и откопать внушительную череду могил и мавзолеев — в общей сложности около двадцати единиц на участке протяженностью 400 метров, — датируемых временем первого Ватиканского некрополя, и сам некрополь, где предположительно было захоронено тело Петра.

Но самое главное — благодаря раскопкам стало возможно изучить базилику, возведенную императором Константином около 324 года, уже тогда представлявшую собой великолепное воплощение архитектурной мысли. Опираясь на склоны Ватиканского холма, архитекторы того времени должны были принимать во внимание глинистую почву, наличие воды и неровность рельефа. Одиннадцатиметровая разница в уровнях южной и северной сторон старой базилики требовала глубокого фундамента и очень толстых опорных стен. Для строительства базилики в таком глухом, плохо защищенном месте с неровным рельефом должна была быть очень веская причина, такая, например, как находившаяся там могила Святого Петра!

Именно этим уклоном и объяснялось наличие объемных пустот, обнаруженных между кладкой первой базилики и поддерживающим сводом базилики современной. Неизведанные пространства, которые на протяжении более тысячи лет никто не исследовал, несказанно обрадовали команду ученых папы Пия XII. Саркофаги, настенные

росписи, урны, человеческие останки, монеты, фрагменты глиняной посуды и всевозможные надписи стали совершенно новыми гранями этого необычного археологического эксперимента.

Главное же открытие было сделано под исповедальней, точно вертикально над так называемой «омофорной» нишей — скульптурным укреплением под папским алтарем, где в специальном ларце всегда хранили шерстяные епитрахили, предназначенные для будущих архиепископов. Там были найдены остатки стены, названной «красной» по цвету покрывавшей ее штукатурки. Эта древняя стена ограждала собой некое погребальное сооружение, состоявшее из двух уровней, а именно нишу, покоившуюся на мраморной плите и окаймленную двумя небольшими колоннами...

Археологи датировали найденные предметы примерно 160 годом после Рождества Христова, что соответствовало возрасту установленного в честь Петра памятника, представлявшего собой описанный священником Гаием «трофей». Итак, этим знаменитым «трофеем» оказался, по всей вероятности, небольшой украшенный мрамором и порфирой памятник, вокруг которого Константин выстроил свою базилику и над которым на протяжении столетий появились алтари Льва IV (IX век), Каликста II (XII век) и Климента VIII (XVI век): все папы вплоть до наших дней стремились служить мессу прямо над предполагаемой могилой их первого предшественника.

Ученые были категоричны: все, абсолютно все указывало на то, что этот маленький памятник действительно скрывал мощи святого Петра.

Могила пуста!

Рим, 24 декабря 1950 года. По случаю своего Рождественского «радиопослания», венчавшего святой 1950 год, Пий XII сообщил миру удивительную новость:

— Найдена могила верховного апостола!

Папа с волнением описал «изначально скромно убранную гробницу, над которой с течением веков благодаря почитанию и чудесной преемственности вырос самый большой христианский храм». Пий XII заявил, что скоро научная публикация представит данное открытие вниманию широкой публики. Документ будет называться *Esplorazioni sotto la Confessione di San Pietro in Vaticano eseguite negli anni 1940–1949.* Этому двухтомному труду суждено было стать и надолго остаться исключительным источником знаний для всех археологов и историков античности.

Каким бы необыкновенным ни было это объявление о сделанном открытии, ему не удалось однако скрыть глубокого разочарования: действительно, могила Петра была найдена, но она оказалась пустой. Исследователи смогли найти в нише «красной стены» некоторые фрагменты костей и даже сфотографировать их, прежде чем поместить находки в 1945 году в специальную урну, но ничто не доказывало, что это были мощи Святого Петра. Авторы *Esplorazioni* были весьма сдержанны по этому поводу: никаких обобщений и никаких домыслов.

Сам же папа был вполне откровенен.

Действительно ли была найдена могила Святого Петра? На этот вопрос можно без всякого сомнения дать утвердительный ответ. Таков вывод, к которому привели работы и исследования последних лет. Второй, дополнявший пер-

вый вопрос относился к мощам Святого Петра. Рядом с могилой были обнаружены останки человеческих костей. Однако нет никакой возможности утверждать, что они принадлежат апостолу…

Несколько месяцев спустя Пий XII доверил своему личному врачу Галеацци-Лизи классификацию и изучение найденных в нише «красной стены» костей, поручив ему дать ответы на следующие вопросы:

1. Принадлежат ли эти кости человеку?

2. Одного ли человека эти кости?

3. Если да, то возможно ли определить пол и возраст скелета?

4. Есть ли среди костей фрагменты черепной коробки?

В своих мемуарах Рикардо Галеацци-Лизи писал, что, прежде чем начать изучение костных останков в специально оборудованной для него лаборатории, он освободил их от чужеродных фрагментов: монет, черепков, гвоздей и деревянных обломков. «Опираясь на помощь различных специалистов и технологов, — вспоминал он, — я использовал всевозможные радиографические, химические и микроскопические методы исследования. Мы разложили все кости на фотографии скелета взрослого человека среднего роста, сделанной в полный рост, зафиксировав их мягкими латунными нитями и покрыв лаком для предотвращения возможного разрушения».

В своих воспоминаниях Галеацци-Лизи говорит, что скелет оказался практически полным, за исключением черепа. Он принадлежал человеку ростом выше среднего, мужского пола, пожилого возраста. Доктор не сомневался, что речь шла именно об апостоле Петре. Но главный врач

Его Святейшества заявил, что, прежде чем представить публике полученные результаты, церковь должна «провести длительное дополнительное исследование и подумать», что ему самому было не все ясно и т.д. На самом деле ни один ученый не разделял ни категоричных и одновременно неточных выводов исследователя, ни его таинственных оговорок. Но не могло ли быть настоящей тайной Галеацци-Лизи то, что в действительности он был... офтальмологом, ничего не смыслившим в антропологии?

В 1952 году некоторые итальянские ученые, основываясь на *Esplorazioni sotto la Confessione di San Pietro*, начали новую серию раскопок. Среди них выделялись профессора Адриано Пранди и Доменико Мустилли, а также специалист по эпиграфике, профессор Римского университета, знаток греческих граффити Маргарита Гуардуччи, которая была поражена, когда прочла надпись, сделанную рядом с нишей в опорной стене, построенной перпендикулярно «трофеям» и названной археологами «стеной g». Эта состоящая из греческих букв высотой 7 мм надпись, выгравированная в месте соприкосновения «красной стены» и «стены g», очень сильно напоминала собой фразу: PETROS ENI, что переводится как «Петр здесь внутри». Внутри, но где? Конечно, есть *loculus*, грубая ниша внизу, в «стене g», скрывающая нечто вроде шкатулки с мраморными стенками без крышки. Однако это место выглядит уже давно пустующим.

Забытый ларец

Ни Маргарита Гуардуччи, ни авторы *Esplorazioni* не представляли, что это второе углубление, похожее скорее на тайник, чем на реликварий, раньше скрывало в себе еще

и другие человеческие останки: несколько побелевших, смешанных с известью костей, так заинтриговавших некогда монсеньора Кааса. Однажды вечером этот выдающийся прелат, не предупредив ни о чем ученых, в сопровождении рабочего Сегони собрал обнаруженные останки и бережно сложил их в небольшой деревянный ящик, находившийся в предназначенном для подобных вещей местечке — большом, мрачном и сыром сооружении напротив часовни Святого Коломбана...

Преподобный Каас скончался в 1952 году. В это время Маргарита Гуардуччи была занята расшифровкой граффити, встреченных ею в зоне раскопок. Некоторые из них на самом деле упоминали об апостоле Петре. Особого внимания заслуживала длинная надпись христианского толка, сделанная в соседнем с семейным склепом Валериев мавзолее, гласившая о заступничестве апостола за души похороненных рядом с ним людей. Эксперт, рассчитывавший совершить обычный экскурс в подземелье собора, задержался там на целых шесть лет! Нельзя сказать, что это пребывание было лишено серьезных трудностей: некоторые древние надписи на открытом воздухе начинали понемногу стираться, а порой и полностью исчезать. Кое-где из-за влажности осыпалась и отпадала штукатурка вместе с нанесенными на нее граффити.

Однажды неутомимая мадмуазель Гуардуччи работала над надписями знаменитой «стены g». Осмотрев в очередной раз пустой тайник, она спросила у рабочего Джованни Сегони, действительно ли там никогда ничего не находили.

— Там должно было что-то быть, — ответил Сегони. — При монсеньоре Каасе из этого углубления что-то доставали...

Что-то доставали! И об этом умерший прелат никому ничего не сказал! Тогда Сегони отвел молодую женщину в находившийся напротив часовни Святого Коломбана тайник, где по-прежнему покоился тот самый ларец, к которому на протяжении десяти лет никто не прикасался. В тот момент никто еще не догадывался о важности его содержимого, состоящего из фрагментов побелевших костей со следами почвы, двух кусков красной штукатурки, нескольких мотков дорогой золотой пряжи и др. Ни один прелат и ни один ученый не спешили изучить эти останки, рассматривая их как на нечто второстепенное.

Нужно было дождаться 1956 года, когда известный антрополог профессор Венерадо Корренти провел тщательный анализ собранных под исповедальней костных останков. После нескольких лет исследований его работы явили собой полное противоречие выводам доктора Галеацци-Лизи: те кости, которые благоговейно изучал личный врач Пия XII, принадлежали трем разным индивидам, одним из которых была женщина.

Зато спрятанные монсеньором Каасом фрагменты костного скелета, которые исследовал в 1962 году профессор Корренти, оказались весьма интригующими: они принадлежали одному человеку мужского пола в возрасте примерно 60–70 лет, крепкого телосложения, череп которого был отделен от остального скелета. Эти останки были захоронены прямо в земле, но позже завернуты в шитую золотыми нитями пурпурную материю. Согласно анализу, сделанному профессором Римского университета Карло Лауро, состав почвы полностью соответствовал земле некрополя, в котором, как считается, был захоронен Петр. Изученная профессорами Марией-Луизой Стейн и Паоло Малатестой

материя демонстрировала необыкновенное благоговение перед ее содержимым. На этот раз все совпадало, даже если и нельзя было с полной уверенностью подтвердить все имевшиеся предположения...

Данные результаты подтвердили интуицию французского историка Жерома Каркопино, увлекшегося раскопками еще в начале 1950 годов. Академик предположил, что в необычном тайнике могли находиться мощи апостола. Он считал, что именно папа Григорий Великий положил драгоценные останки в эту пещерку в конце VI века, чтобы сохранить их от вероятного разграбления (сорока годами раньше местность была опустошена готами), а также от предприимчивых паломников. Это мнение опроверг один из исследователей подземелья отец Киршбаум, полагавший, что вырытая в опорной «стене g» полость восходит к XVI веку. К чему все эти споры о дате находок, важно лишь их содержание!

Личное убеждение Павла VI

Рим, ноябрь 1963 года. В июне папу Иоанна XXIII, не проявившего за пять лет понтификата ни малейшего интереса к археологическим раскопкам, начатым его предшественником, сменил новый папа — Павел VI. Будучи еще субститутом Пия XII, монсеньором Монтини, Павел VI стал свидетелем начала работ, и теперь откровения профессоров Гуардуччи и Корренти его сильно взволновали. Он приказал продолжить исследование и все тщательно проверить: фрагменты земли, кусочки материи и т.д. Можно ли было надеяться, что на сей раз цель будет достигнута?

В январе 1964 года Павел VI предоставил профессору Корренти право провести самый последний и самый сложный эксперимент: сравнить найденные кости с черепом Петра, который хранился в реликварии Латеранского собора Святого Иоанна Крестителя. Там с 1370 года под соборным киворием внутри серебряного, инкрустированного бриллиантами бюста хранились «главы» Петра и Павла. Однако это изучение было затруднено тем, что реликварии в 1790 году были разграблены французскими завоевателями, оставившими после себя лишь небольшую горсть останков, не представлявших для них никакой ценности: фрагменты костей, позвонки и челюсти с неполным набором зубов.

Мнения историков разделились, некоторые из них были настроены скептически. Первые документы, удостоверявшие пребывание глав Петра и Павла в Латеранской базилике, были датированы XI веком. Кто же укрыл в VII веке головы двух апостолов внутри городских стен? Папа Гонорий I? Известно, что он перенес туда главы наиболее почитаемых святых того времени: Агнессы, Эфемии и Панкраса, поэтому вполне логично предположить, что он сделал то же самое с головами Петра и Павла. Однако ни один письменный источник это не подтверждал. А может быть, так поступил в 846 году во время нашествия сарацинов папа Лев IV?

В действительности никто не мог точно сказать, когда черепа как наиболее ценная часть мощей мученика были отделены от остального костного скелета. По мнению отца Киршбаума, череп Петра изначально мог быть погребен вместе с его скелетом на ватиканском кладбище, а позже отделен от него после перенесения оного в III веке в ката-

комбы. Однако это была всего лишь одна из многочисленных гипотез. Какой историк в подобных условиях мог бы взять на себя смелость подтвердить, что останки черепа Петра были подлинными?

Впрочем, рассказ Маргариты Гуардуччи таил в себе некую двусмысленность. «Профессор Корренти работал с этими останками шесть месяцев, — вспоминает она, — после чего составил отчет, который остался засекреченным. После прочтения в 1964 году его реляции для перенесения всех мощей в ларцы, находившиеся в Латеранской базилике и соборе Святого Петра, была организована целая церемония». Мадмуазель Гуардуччи говорит, что «получила позволение» сообщить публике о том, что упомянутый отчет «не нарушил собой сделанные ранее выводы». В этом витиеватом заключении усматривается некое отсутствие уверенности и точности.

Потребовалось еще более года, чтобы данные работы были представлены на рассмотрение всемирно известных ученых: археологов, искусствоведов, антропологов, специалистов по тканям, семиологов... И только 26 июня 1968 года в ходе обычной общей аудиенции Павел VI поделился, наконец, официальной новостью:

«Проведенные с особой тщательностью и терпением новые исследования дали результаты, которые Мы считаем позитивными, и, по мнению компетентных, осмотрительных и надежных людей, мощи Святого Петра были идентифицированы способом, который Нам кажется вполне убедительным...»

Итак, официальное заявление звучало следующим образом: вне всякого сомнения, обнаруженные мощи принадлежат Святому Петру. В тот же день папа обнародовал

и свое личное убеждение. Конечно, никакой тайны уже давно не было, поскольку еще 18 февраля 1965 года при публикации книги «Мощи Святого Петра» Маргарита Гуардуччи сделала сенсационное признание и осветила как в средствах массовой информации, так и в научных кругах тысячу и одно противоречие, от самого явного до самого тайного. Однако подобное высказывание папы, как правило, кладет конец всем спорам, по крайней мере, внутри церкви.

Осторожный Павел VI тем не менее ничего не исключал: «В настоящее время исследования, проверка и дискуссии еще не окончены...». Папа не был наивным, он ничего не выдумывал, равно как и ничего не преувеличивал, он понимал, что всегда могут найтись ученые, способные оспорить то или иное доказательство: достоверные, но малозначительные подробности, реальные, но хрупкие совпадения, неоспоримые, но расплывчатые рассуждения...

Неуловимая сдержанность Павла VI была призвана управлять нерациональным зерном веры его прихожан. Ну, разве папа не должен был обеспечивать поклонение святому основателю церкви, и неважно, были для этого определенные основания или нет?

***

Рим, 27 июня 1968 года. На следующий день после торжественного заявления Павла VI в соборе Святого Петра в 19.30 состоялась необычная церемония, которую возглавил протоиерей собора кардинал Паоло Марелла. Без помпы, пышности, почти тайно помещенные надлежащим образом в коробки из плексигласа мощи были перенесены в мраморный тайник знаменитого «трофея» — маленький

памятник, вокруг которого император Константин шестнадцать веков назад выстроил свою грандиозную базилику. Ларец с мощами верховного апостола был оснащен хрустальным ограждением с двумя замками. Сокровище... А разве не бесценное сокровище нашли в итоге римские ученые?

Больше никто и никогда не будет раскапывать место под папским престолом ниже исповедальни собора Святого Петра. Ну разве если только какой-нибудь другой понтифик через несколько столетий захочет, в свою очередь, выяснить что-нибудь еще.

2

Непогрешим ли папа?

Как I Ватиканский собор упрочил папскую власть

В глубине души я верю, что в Ватикане нет никаких тайн. Просто одни факты становятся явными, а другие нет.
Луи Вейо

Рим, 6 декабря 1864 года. В соседнем с собором Святого Петра дворце под председательством папы Пия IX проходит заседание Конгрегации обрядов. Швейцарские гвардейцы строго следят за тем, чтобы никто не беспокоил собрание, которое, впрочем, ничем необычным не отличалось. На нем присутствовали префект конгрегации, а также кардиналы, прелаты, богословы, эксперты и чиновники курии. После торжественного открытия заседания Пий IX попросил всех присутствующих... покинуть зал! Остались только кардиналы. Именно в их присутствии и прозвучала смелая, если не сказать взрывоопасная, идея созыва Вселенского собора.

Собор! Значит, католическая церковь как самая яркая в мире ассамблея сможет собраться вместе! За всю свою историю она делала это всего лишь восемнадцать раз, а последний Собор состоялся триста лет назад в Тренте. Встреча епископов всего мира, несомненно, стала бы событием исключительным. Конечно, она могла бы иметь определенный риск в политическом плане и, возможно, составила бы угрозу единству всего института, которому в ту сложную эпоху и без того приходилось весьма непросто. Но, по правде говоря, разве политические и социальные потрясения последних лет не свидетельствовали о желании приостановить всеобщее замешательство, в которое начала погружаться Европа, и вернуть христианский мир под власть церкви?

Кардиналы понимали всю важность сделанного заявления. Никто из них не взял слово. Пий IX попросил их подумать над предложенной идеей и лично, письменно, под строжайшим секретом изложить ему свои умозаключения. Итак, все основное было сказано, и теперь можно было возвращать в зал прелатов, богословов и чиновников, чтобы спокойно продолжить обсуждение вопроса о литургии.

Сопротивление пап

Одиннадцать кардиналов быстро ответили на просьбу папы, чуть позже их примеру последовали еще шестеро. И только двое, одним из которых был государственный секретарь кардинал Антонелли, высказались против созыва Собора, который, по их мнению, был излишним, слишком деликатным и слишком рискованным предприятием! Четверо других выразили сомнение. Последний из малодушия положился на мнение самого понтифика. Все остальные с предложением папы согласились. Неужели Священная

Коллегия ощутила себя окрыленной? Неужели на Ватиканском холме чудесным образом повеяло ветром перемен?

Вовсе нет. В глазах всех предстоятелей церкви Собор был необходим для восстановления порядка в этом бренном мире. И прежде всего епископы единогласно осудили все новые, вызывающие сожаление принципы, ложные течения и другую вредную идеологию, как, например, натурализм, рационализм, пантеизм, социализм, коммунизм, либерализм, индифферентизм и т.д. Пий IX составил список всех этих смертоносных понятий и вписал их в текст под названием «Силлабус» *(Syllabus)*, приложенный к опубликованной 8 декабря 1864 года энциклике *Quanta Cura*[1].

В этом историческом документе папа выразил полное, абсолютное и определенное неприятие «современности». Сторонники Собора в целом придерживались той же точки зрения: не могло быть и речи об уступках провозвестникам «прогресса, либерализма и современного общества», возвышающихся над «теологическим, философским, религиозным, бытовым и моральным замешательством»! Никакого прогресса, гласности, свободы и релятивизма!

Последний Собор состоялся в Тренте в 1563 году. С тех пор мир сильно изменился, его успели всколыхнуть и Французская революция (1789), и Весна народов (Европейские революции 1848–1849 гг.). Потрясения не пощадили и само папство: в 1799 году в Валенсе скончался Пий VI, жалкий и одинокий, заставивший многих подумать, что это был последний папа в истории церкви. В 1848 году едва избранный Пий IX вынужден был покинуть Рим и укрыться в Гаэте, в Неаполитанском королевстве. С 1861 года папа был

[1] Энциклика Пия IX 1864 года, направленная на защиту целостности католической веры.

лишен своего влияния на подконтрольные ему государства, и только благодаря протекции базирующихся в Чивитавеккье французских войск смог вернуться в Вечный город...

Папы начали сопротивление, однако у них для этого были смягчающие обстоятельства. Пий VII, Лев XII, Пий VIII, Григорий XVI осуждали новые принципы, регламентировавшие гражданское общество и отводившие на второй план римско-католическую святую церковь или, что еще хуже, призывавшие к ее полному исчезновению. На следующий день после своего избрания в 1846 году молодой Пий IX даже попытался разрушить этот реакционный круг путем глубоких административных реформ, амнистирования политических заключенных, возвращения к церковной дисциплине и т.д. Все было напрасно. Повторяющиеся после 1848 года нападки на церковь и ее главу заставили папу отступить в лагерь консерваторов, избравших своим катехизисом «Силлабус».

Для чего нужен был Собор?

Девятого марта 1865 года Пий IX созвал первую комиссию из пяти кардиналов, в состав которой вошли префекты Конгрегации римской и вселенской инквизиции (Патрици), Конгрегации индульгенций (Панебьянко) и Конгрегации пропаганды (Катерини), начавшие внимательно изучать письменные ответы своих собратьев. Вопрос о непогрешимости папы затрагивали всего лишь два послания. Пий IX был рад: он не хотел, чтобы его инициативу интерпретировали как способ упрочения папской власти...

Этот именитый ареопаг, окрещенный вскоре «управляющей конгрегацией», поспешил создать (как всегда в обстановке строжайшей секретности) пять подготовительных секций: доктрины, дисциплины, священнослужителей,

миссии, отношения церковь–государство. Каждая из секций состояла из кардинала-президента и порядка двадцати «консультантов», в большинстве своем богословов и юристов, отобранных в религиозных конгрегациях и римских университетах. Около тридцати консультантов были приглашены из-за рубежа по предложению нунциев, которые в погоне за чрезмерной предосторожностью выбирали исключительно «ультрамонтанов»! Присоединение в последний момент этой небольшой группы, на горе таким «либералам», как монсеньор Фреппель (Анже) и монсеньор Хефель (Тюбинген), стало следствием произошедших во Франции и Германии протестов.

Начинали разгораться и внутренние прения. Первый поднятый епископами вопрос касался *полезности* и *легитимности* Собора. Хотел ли Христос, чтобы епископы как главы Его церкви собирались вместе в назначенный момент? Никогда. Однако церкви было необходимо вырабатывать общие правила, отвечать на различные нападки и разрешать споры между богословами. Для всего этого одного папы могло быть недостаточно. За восемнадцать столетий Соборы созывались всего восемнадцать раз, в большинстве своем для борьбы с той или иной ересью. Принесли ли пользу эти Соборы? Да, но эта польза, согласно неподражаемым изречениям богословов, была весьма «относительной». Это означало, что для укрепления авторитета церкви «абсолютной» необходимости в них не было...

Второй вопрос ставил своей целью выяснить, можно ли было созывать Собор после всех политических потрясений последних лет. Ответ не заставил себя ждать: Собор в Тренте начал свою работу в разгар войны между Франциском I и Чарльзом Квинтом. Собравшись через десять лет

после созыва, он дважды прерывал свою деятельность: первый раз на два года, второй раз на десять лет — и за два десятилетия проработал в общей сложности не более пяти лет. Тем не менее, этот Собор на все времена остался самым полезным и плодотворным! Скрупулезный Пий IX поинтересовался мнением главных нунциев: Парижа, Вены, Мадрида, Мюнхена и Брюсселя. Для протокола...

В то же время вставала и другая проблема: нужно ли было приглашать на Собор католических принцев, как сделал папа Павел III тремя веками ранее? Кардиналы и епископы не были в этом уверены. Прежде чем давать отрицательный ответ, стоило спросить: что представлял собой «католический» правитель второй половины XIX века? Принцы и другие христианские правители — таковых оставалось в Европе около десятка — отныне являлись лишь носителями своего титула. Их государства и правительства были избавлены от всякого религиозного почитания и не повиновались больше ни Святому Престолу, ни его представителям. Разве не был отлучен от церкви сам король Италии? И разве многие южноамериканские президенты не были явными франкмасонами? Архиепископ Вестминстерский кардинал Мэннинг жаловался по этому поводу:

— Это было бы похоже на то, как если бы на заседание британского парламента пригласили американского президента!

Итак, политических представителей на Собор не пригласили.

2 Зак 478

Кто решает в церкви?

Существовал еще один вопрос, который волновал всех, но которого никто никогда не задавал, по крайней мере вслух: кто в церкви занимал главенствующее положение, был верховной властью? Кто здесь являлся последней инстанцией: папа, епископы, Собор? Когда Христос облекал Своей властью Симона Петра: «Ты — Петр, и на сем камне...» — к кому Он обращался: к ученику, епископу, главе первой христианской общины или первому папе? Евангелист Матфей приводит другое высказывание Иисуса: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них». От этих ли собраний произошла «Божественная» власть?

На протяжении восемнадцати веков над этой темой бились сотни, а то и тысячи богословов. Конечно, согласно существовавшей до периода Реформации традиции, решения верховного понтифика являлись непреложными для всего христианского мира. А согласно постановлениям Флорентийского собора 1439 года, папа становился «доктором всей церкви и всех христиан». Но потом пришли Лютер, Цвингли, Кальвин и Генрих VIII Английский и всё изменили. Часть обращенной в протестантизм Европы отныне считала, что можно быть христианином и при этом игнорировать папу и его предписания.

Даже в недрах католического мира не все было просто. Начиная с Филиппа Красивого, французские короли не признавали за папой его светской власти, а французская церковь разработала «галликанскую» доктрину, согласно которой догматические решения римского епископа считались законными только в том случае, если они заручались согласием всей церкви. В Германии начиная с 1763 года движение «фебронианство» (названное так по псевдониму викарного епископа из Тревса Феброния) полагало, что папа

был всего лишь епископом, как и все прочие, наделенный правом большего почитания, и что Христос доверил ключи от Своего земного царства всей церкви в целом...

На протяжении восемнадцати столетий церковь ни разу не осмелилась преступить установленную грань и официально заявить о непогрешимости своего главы. Пий IX, обеспокоенный отделением церкви от сообщества наций и падением ее авторитета в обществе, решил, что настало время раз и навсегда провозгласить *догму о папской непогрешимости*. Такое мнение совпадало с убеждением подавляющего числа кардиналов. Однако ему следовало сохранять гибкость, чтобы не вызвать ураган недоброжелательных реакций в светской европейской прессе и не навлечь на себя гром и молнии многих оппозиционно настроенных католиков!

Ибо в Европе, особенно во Франции и Германии, католики отныне делились на «либералов», пытавшихся сочетать политические инновации со следованием христианской вере, и «ультрамонтанов», мечтавших вновь видеть Рим во главе всего христианского мира. Первые старались преодолеть рефлекторную неприязнь церкви к техническому прогрессу и гражданским свободам, вторые же придерживались мысли о возможности реставрации в самом прямом смысле этого слова. В таких условиях церкви единогласно и категорично говорить о «непогрешимости» было очень сложно!

Тем не менее, при чтении официальной «Правдивой истории Ватиканского собора», написанной несколькими годами позже кардиналом Мэннингом, одним из самых яростных сторонников провозглашения упомянутой догмы, кажется, что Собору в 1870 году удалось свершить чудо.

Церковь единодушна!

Пий IX предполагал начать работу Собора 28 июня 1867 года в знак чествования восемнадцатого столетия со времени мученической кончины Святого Петра. Символичность была налицо. Однако вспыхнувшая между Пруссией и Австрией война, к сожалению, изменила его планы. Тем не менее, 28 июня грандиозные церемонии собрали в Риме около 500 епископов. Это был рекорд, поскольку в 1854 году, чтобы услышать догму о Непорочном Зачатии, вместе собрались 206 епископов, на канонизации японских мучеников в 1862 году присутствовали 265 епископов. Никогда в своей истории ни Рим, ни другой какой-либо город не видели собрания из полутысячи епископов, съехавшихся со всего мира...

В тот день в Риме наблюдался исключительный наплыв верующих. Перед глазами десятков тысяч паломников, прибывших в Вечный город, чествование годовщины мученической смерти Святого Петра негласно выступало как чествование его главенства в мире, воплощенного папой Пием IX как достойным наследником «верховного апостола». Кто в тот день мог усомниться в авторитете или непогрешимости папы? Однако сами инициаторы этой догмы сохраняли осторожность, избегая какого бы то ни было проявления самоуверенности.

Перед Священной Коллегией, открывавшей церемонию, торжественно и без лишнего хвастовства Пий IX объявил о своем намерении созвать «святой Вселенский главный Собор». Четыре дня спустя при закрытии этой показательной демонстрации единства, универсальности, единодушия и авторитета римско-католической церкви Святой Отец предоставил аудиенцию пятистам епископам. Все они — или почти все — были убеждены в том, что «престол

Петра» являлся той самой «скалой», на которую опиралась их церковь во время бурь и ненастья. Эту мысль епископы выразили потрясающей фразой:

— Устами Пия говорил Петр!

Фраза понравилась. Среди аплодировавших ей преподобий мало кто знал, что накануне во дворце Альтьери собравшаяся во главе с кардиналом Де Анжелисом комиссия из семи человек долго обсуждала, что именно должны были ответить епископы папе, старательно вычеркивая слово «непогрешимый», которое славный архиепископ Калокский бесхитростно внес в черновой вариант текста. Папское окружение бдительно следило за каждой деталью. Не стоило искушать дьявола.

Минул год. Все шло хорошо; 22 июня 1868 года в ходе тайной консистории Пий IX представил вниманию кардиналов буллу назначения (или созыва) Собора, озаглавленную *Aeterni Patris*[1], и предложил им назначить открытие оного на 8 декабря 1869 года, то есть на день пятнадцатилетней годовщины провозглашения догмы о Непорочном Зачатии. Выбор был сделан подсознательно: нужно ли было папе созывать Собор, чтобы провозгласить эту новую, пусть даже и фундаментальную мариалогическую догму?

Итак, цель была намечена: «Определение постулатов веры, разрушение злостных заблуждений, защита и развитие католической доктрины, восстановление церковной дисциплины, исправление человеческих нравов», — всего, что служит «величайшей славе Божией, неприкосновенности веры, красоте богослужения, вечному спасению человечества» и т.д. При этом папа не раз уточнял, что он

---

[1] Булла, в которой оговаривались цели Вселенского собора, призванного очистить вероучение от вкравшихся в него заблуждений.

опирался на власть Самого Бога, «власть, которую Мы осуществляем на земле». К этой короткой фразе отнеслись как к чему-то само собой разумеющемуся.

Первые трещины

В начале лета 1868 года окружение папы являло собой полную удовлетворенность. Государства же демонстрировали практически полное безразличие, светская пресса — явное пренебрежение, а католический мир спокойно ожидал Собора, на котором естественным образом должна была быть явлена непогрешимость папы. Именно к этому, исключая некоторые варианты, стремились официальные представители Пия IX, римские кардиналы и главы ультрамонтанов вплоть до прекращения работы Собора и даже после.

Однако в реальности дела обстояли иначе. Видя, как активно вела себя курия, как она тайно вмешивалась во все дела, не допуская каких бы то ни было противоречий, французские и немецкие либерально настроенные католики начали беспокоиться. До этого 1867–1868 годы объединили в обманчивом согласии французских ультрамонтанов и либералов: епископ Дюпанлу, писатель Монталамбер и их друзья надеялись, что Собор изменит антимодернистские взгляды папы Пия IX, позволит адаптировать к реальности каноническое право и справедливо распределит власть между курией и епископами. Их постигло горькое разочарование.

В хорошо смазанный механизм первая соринка в виде книги за авторством таинственного «Януса» попала из Германии. Этот небольшой опус был вскоре переведен на английский, французский, итальянский, испанский и армянский языки. Считается, что автором книги был аббат Дё-

лингер, прево капитула Мюнхенского собора, враждебно настроенный в отношении какого бы то ни было провозглашения догмы о непогрешимости папы. Священник и богослов Игнас фон Дёлингер был известен своим сочувствием либералам, желавшим примирения церкви с современным миром. Однажды на стене Латеранского дворца одним из журналистов была обнаружена гневная надпись: «Смерть Пию IX! Дёлингер — папа!»

Тезисы таинственного Януса вызвали споры, подпитываемые «адресом» «светской» группы Кобленца и памфлетом номинального епископа и декана Сорбонны монсеньора Маре. Эти дебаты, не касавшиеся широкой публики, длились до самого открытия Собора. В пользу либеральных кредо высказались некоторые именитые личности, такие как академик Шарль де Монталамбер и не скрывавший своей сдержанности по поводу усиления папской власти, пылкий Орлеанский епископ монсеньор Дюпанлу, автор «Письма о будущем Вселенском соборе».

Первая волна критики вызвала определенную реакцию в виде опубликованных в ультрамонтанских газетах Испании, Франции и даже Америки письмах и статьях: архиепископ Вестминстерский кардинал Мэннинг и примас Бельгии монсеньор Дешам ясно высказались в пользу непогрешимости папы. Ради требования внесения в программу вопроса о непогрешимости папы во Франции газета Луи Вейо *L'Univers*[1] организовала среди своих читателей настоящий опрос.

Спор достиг своего апогея 6 февраля 1869 года, когда близкий к папе иезуитский журнал *Civilta Cattolica*[2] опубли-

---

[1] Фр. ежедневная католическая газета XIX в. ультрамонтанского толка, основанная французским аббатом Жаком-Полем Минем.

[2] Журнал, выпускаемый орденом иезуитов (Италия, 1850 год).

ковал анонимную «Французскую корреспонденцию», недвусмысленно изложившую доводы, согласно которым Собор должен был утвердить Силлабус и торжественно провозгласить догму о непогрешимости. «Мы надеемся, — добавил редактор анонимной статьи, — что провозглашение Собором непогрешимости папы встретит одобрительные возгласы».

Одобрительные возгласы! Такое предложение наделало много шуму, особенно в Германии, где пятнадцать епископов написали папе письмо, в котором изложили ему свои намерения. При мысли, что курия может вот так, без дебатов, заставить принять инициативу, которую церковь не осмеливалась принять на протяжении восемнадцати столетий, у монсеньора Дюпанлу вскипела кровь: нужно было защищаться! Епископ Орлеанский опубликовал пасторальное письмо, озаглавленное «Взгляды на усиливающееся противодействие относительно определения непогрешимости на будущем Соборе», в котором изложил все свои аргументы: «Так ли необходимо для церкви, чтобы данный принцип стал догматом веры?»...

Вейо и Дюпанлу

Шестого декабря 1869 года Рим проснулся ранним дождливым утром. Колокольный звон бесчисленных церквей, крики уличных торговцев и хозяев кафе, шум кабриолетов и грохот экипажей выманили с раннего утра на улицы многочисленных паломников, съехавшихся в Вечный город ради присутствия на открытии Вселенского собора. Пестрая толпа римлян и паломников готова была устремиться к базилике Святого Петра, чтобы взглянуть на зал, где через два дня должен был открыться Ватиканский Собор. Как только солнце осветило площадь Святого

Петра, в воздухе раздались многочисленные голоса, которые молились, восклицали и воспевали Бога.

В соборе, перед исповедальней Святого Петра, стоя на коленях среди толпы верующих, молились два человека. Оба были французами. Один — журналист и публицист, талантливый хроникер газеты *L'Univers* Луи Вейо, другой — известный французский педагог и академик, епископ Орлеана монсеньор Дюпанлу. Первый был главным светским глашатаем ультрамонтанов; второй, прибывший одновременно с первым, являлся самым титулованным главой «либеральной» католической ветви. Оба относились друг к другу с уважением. Несколькими днями ранее Вейо решил опубликовать в своей газете собранные Дюпанлу аргументы «Предупреждение монсеньору Вейо», оставив их без комментариев.

Прибыв первого декабря в Рим, Луи Вейо остановился в просторной квартире рядом с Пинчио, окна которой выходили на площадь Испании. По утрам он присутствовал на мессе в церкви Святой Троицы на горе, затем читал газеты в Кафе Греко; после обеда совершал прогулку по вилле Боргезе, после чего спешил во французскую семинарию на виа Санта Чиара; остаток времени у него занимали бесконечные встречи и дискуссии; ночью же он писал. Вейо обожал Рим. Известный полемист был, помимо всего прочего, родоначальником светской католической прессы, явившей бóльшую эффективность в защите папы, чем все церковные газеты, наводнившие собой мир во времена Второй империи. В прошлое воскресенье он был принят Пием IX и теперь с неиссякаемым энтузиазмом свидетельствовал о «его уме, улыбке, находчивости и ясной речи», таких далеких от гнусных сплетен бульварной прессы.

Что же касается монсеньора Дюпанлу, то со своими друзьями и соратниками он остановился на большой

элегантной вилле, предоставленной в его распоряжение герцогом Грациоли, которая находилась между Римским вокзалом и базиликой Сен-Лоран-ор-ле-Мюр, в небольшом удалении от центра, к огорчению его многочисленных посетителей. Несколько раз в неделю епископ Орлеана давал обеды и ужины, на которые в большом количестве собирались французские, итальянские, немецкие епископы, дипломаты и эксперты... Иногда бывали некоторые короли и королевы, а также журналисты. Целью каждого присутствующего было выведать, кто что говорил по поводу событий в соборе Святого Петра.

На протяжении всего Собора Рим бурлил слухами, которые распространялись за многочисленными обедами. Наиболее модными римскими салонами стали салоны княгини Роспильози, мадам Гравен и маркиза Спинолы, которые Вейо позже колко окрестил «Соборными сплетнями». Наивысшей роскошью считалось приглашение князя и княгини Боргезе в их великолепный дворец, утопавший в элегантном убранстве и залитый светом тысячи свечей. Там можно было встретить и музыканта Ференца Листа, недавно завершившего работу над своей самой красивой ораторией «Христос», и писателя Эрнеста Ренана, которого второй раз плохо приняли потому, что за произведение «Жизнь Иисуса» на него сильно прогневался Пий IX...

Распахивала двери перед всеми знаменитостями своей эпохи и вилла Медичи, управляющим которой был знаменитый в то время художник Хеберт. Французский посол Гастон де Банвиль, озабоченный обострением отношений между Францией и Пруссией, предпочитал в дебаты не вступать. Однако некоторые из его коллег активно продолжали тормозить процесс созыва Собора, иногда в целях воспрепятствовать усилению папской власти, как делал

посол Австрии граф Трауттмансдорф, иногда в целях спровоцировать раскол в католическом мире, как делал прусский посол граф д'Арнем. Повсюду были дипломаты, шпионы и влиятельные агенты.

Открытие Собора

Восемнадцатый Всемирный собор, названный Ватиканским, открылся 8 декабря. Первая публичная сессия, под председательством кардинала Рейзаха, состоялась в большом соборном зале, расположенном в правом боковом крыле базилики, сообщающемся с апостольским дворцом. Из 1 050 приглашенных епископов присутствовало 793, а также около пятидесяти аббатов и высших религиозных деятелей, спевших в унисон *Veni Creator*[1] и *Te Deum*[2]. Звучным и важным голосом папа благословил собрание, состоявшее, по словам журналистов, из 35% итальянцев, 17% французов, 15% представителей Северной и Южной Америк... Здесь была собрана единая, сильная, выдающаяся церковь. Кто мог сомневаться, что после всех пережитых ею споров она заявит о себе единым голосом?

Позади папского престола перед приделом Святой Девы высилась старинная статуя Марии. С другой стороны помещалась мрачная картина с изображением распятого вниз головой Святого Петра. Во время главной мессы папа напомнил о целях собрания:

— Искоренение распространенных заблуждений, преобразование духовенства и христианского мира, всеобщие мир и согласие...

Начиная со следующего дня от всех участников, включая чиновников, рабочих и типографов, потребовали

---

[1] Лат. «Приди, Дух животворящий». Католический гимн.

[2] Лат. «Хвала Тебе, Боже». Христианский гимн.

соблюдения полной секретности... Целью этого, по всей вероятности, выступало нежелание подпитывать противников Собора неконтролируемой информацией. Однако это не помогло: отцы Собора с изумлением обнаружили, что вскоре, с двадцатичетырехчасовым опозданием, одно из периодических изданий Аугсбурга стало публиковать все их выступления! Неужели папа был не в состоянии призвать своих людей к молчанию? Увы! Кто же мог предвидеть, что один из корректоров папской типографии так легко позволит себя подкупить?

Напряжение стремительно нарастало. Неделей ранее примас Бельгии монсеньор Дешам опубликовал новое письмо в адрес своего бывшего друга монсеньора Дюпанлу: «Церковь определяет раскрытые истины только тогда, когда они либо отрицаются, либо оспариваются, и с ее стороны было бы ошибкой не делать этого». Так аргументировал свою позицию архиепископ Мехелена. Дюпанлу не заставил себя ждать и написал ответ в виде брошюры. Однако когда он отнес текст к типографу, последний потребовал, чтобы Дюпанлу показал ему выданное курией разрешение на печать… Курия, к величайшему удивлению епископа Орлеана, ему отказала! Глубоко униженный, епископ отправился в типографию Неаполя. Он не сразу понял, что правила для всех епископов, желавших публиковать частные письма и неофициальные брошюры, были одинаковыми!

Собор набирал темп. После трех недель, ушедших на выполнение всех формальностей, он приступил к рассмотрению первого проекта «конституции» против «заблуждений» своего времени. И только к концу декабря несколько десятков епископов составили петицию *(postulatum)*, призванную внести в дебаты «по поводу церкви» *(de Ecclesia)*

предложение об «освобождении авторитета папы от какой бы то ни было ошибки, когда он выносит решение в отношении веры и морали». Прежде своего представления в конце января на комиссию петиция собрала сначала 350, затем 400 и, наконец, 500 подписей. Среди подписавшихся были кардиналы Мэннинг (Вестминстер) и Дешам (Мехелен), много итальянцев, испанцев, швейцарцев, подавляющее большинство французов, а также епископы, прибывшие из Америки...

Тотчас же несколько десятков епископов, настроенных враждебно против всякого заявления о непогрешимости, выпустили петицию противоположного содержания, адресованную непосредственно Святому Отцу, которую старательно составил архиепископ Вены кардинал Йозеф фон Раузхер. Ее подписали 147 епископов, подавляющее большинство которых составляли немцы и французы. Среди них были: Кетлер (Майнц), Шварценберг (Прага), Симор (Будапешт), Штроссмайер (Хорватия), Кенрик (Сен-Луи), а также 31 француз, в том числе Матьё (Безансон), Дарбуа (Париж) и, конечно же, Дюпанлу (Орлеан). В этом списке фигурировали и восточные епископы, которые боялись, что, став «непогрешимым», папа сможет воспользоваться этим для «латинизации» их церквей!

Однако папа отказался читать данный документ, чем сильно обидел несчастного Раузхера. Просто Пий IX был так сильно завален личными и коллективными обращениями, просьбами об аудиенции и письмами, что взял для себя за правило не заниматься всем этим самому, а перенаправлять компетентным комиссиям. Как-то раз он сказал кардиналу Шварценбергу:

— Как Джованни Мастаи, я верю в непогрешимость, но как папа я не могу ничего требовать от Собора!

Эти две противоположные петиции заставили признать всех, включая Вейо, что отныне в недрах Собора существовали две различные группы: большинства и меньшинства.

— У нас есть уже свои правые и левые! — удивлялся епископ Нанси монсеньор Фулон.

Вокруг архиепископа Руана кардинала Боншоза образовалась даже «третейская партия», которая стремилась предотвратить разрыв между сторонниками и противниками непогрешимости.

Полемика, сарказм, горечь

В то время как внутри базилики утром епископы спорили о вопросах церковной дисциплины, за пределами соборного зала разгоралась своя полемика. Гнев и нетерпимость нарастали. Узнав, что против непогрешимости высказался примас Венгрии, уважаемый кардинал Симор, Пий IX сказал некоторым близким к нему людям:

— Эх! Раньше мы думали, что монсеньор Симор хоть немного любит папу, который так сильно любит его! И вот сегодня он показал, что настроен против Святого Отца и перешел на сторону тех, кто объявил ему войну!

Неутомимый Луи Вейо клеймил своим пером всех, кто боролся против идеи непогрешимости. Более всего его гнев обрушивался на публицистов и журналистов *Moniteur*[1] и подобных ему изданий, отправлявших из Рима искаженную, противоречивую, порой откровенно надуманную информацию. Особенно сильно Вейо негодовал, когда этими пропагандистами оказывались «раздувающиеся от желчи» представители духовенства, такие как аббат Рукетт

---

[1] Французская ежедневная политическая газета, образец официозной прессы. Основана в 1789 г. владельцем типографии Агассом.

или отец Гратри, которого он обвинил в заговоре против святой матери церкви. Его упрекам и сарказму подвергся даже монсеньор Дюпанлу, когда в марте 1870 года в новой брошюре из шестидесяти страниц он безуспешно попытался объяснить, что провозгласить папу «непогрешимым» означало повернуться спиной к протестантам и обречь на неудачу обращение язычников. Измученный Вейо высмеивал эти «обидные поношения», вышедшие из-под пера епископа.

Спорили по всяким пустякам: по поводу плохой акустики соборного зала (что, по словам посмеивавшихся представителей меньшинства, доказывало полную бесполезность дебатов). А также о составе комиссий, которые обвинялись в политической неуравновешенности; о регламенте, когда после двух месяцев болтовни папа, наконец, выразил желание уклониться от затяжных дискуссий; по поводу ложной свободы епископов, ограниченных рамками курии...

Один из лучших латинистов, монсеньор Шроссмайер, епископ Сирмия (Хорватия), 22 марта произнес вполне достойную речь, в которой осмелился утверждать, что некоторые протестанты могут искренно любить Иисуса и, возможно, даже больше, чем некоторые католики. Едва Штроссмайер сказал это, как базилику наполнил гвалт:

— *Hoereticus! Hoereticus!* («Еретик!») *Damnatus eum* («Да будет проклят!»)

И поскольку суматоха увеличивалась, мертвенно-бледный несчастный Штроссмайер спустился с трибуны, бормоча:

— *Protestor! Protestor! Protestor!* («Я протестую!»)

Все помнили, что формально протестанты были приглашены Пием IX на Собор при условии, что они признают

Божественную власть церкви и ее главы. «Отделенные братья» подумали, вероятно, о провокации. До настоящего экуменического диалога между католиками и «еретиками» было еще очень далеко!

Злобные споры привели даже к серьезному инциденту. В своем письме французский писатель Шарль де Монталамбер выразил беспокойство по поводу высказанного некоторыми личностями пожелания «воздвигнуть в Ватикане идола». После того как этот каламбур появился в некоторых французских газетах, кто-то показал его понтифику.

— Прежде чем в него поверить, нужно его увидеть! — произнес смертельно оскорбленный папа.

Монталамбер внезапно скончался 13 марта 1870 года в возрасте 50 лет. Его зять монсеньор де Мерод и многочисленные друзья и поклонники назначили отпевание на четверг 17 числа на 10 часов утра в римской церкви Санта Мария в Ара-Коэли. Они разослали сотни приглашений, одно из которых легло на стол папе. Пий IX тотчас вызвал к себе приора капуцинов Ара-Коэли:

— Я категорически запрещаю проведение этой траурной церемонии!

Это вызвало всеобщее огорчение. Особенно были потрясены епископы, специально прибывшие в четверг на церемонию и натолкнувшиеся на закрытую дверь. Тогда главный противник Монталамбера Луи Вейо заказал мессу за упокой души умершего в маленькой церкви Санта Мария в Траспортино. Предупрежденный об этом папа отправился туда без огласки в сопровождении всего лишь четырех гвардейцев, присутствовал на служении и тотчас же отбыл.

Угрозы французского министра

И вот — о чудо! — в дело вмешалось французское правительство. Некстати! Власть имущие Европы давно решили не вмешиваться в дела папы, к которому они относились с некоторой долей пренебрежения. Однако в Париже интересами Собора проникся назначенный в январе 1870 года министром иностранных дел граф Наполеон Дарю. Он, католик, боялся провозглашения папской непогрешимости, будучи убежден в том, что таковая может снабдить врагов религии определенными аргументами, и 20 февраля написал государственному секретарю кардиналу Антонелли с целью предостеречь его против такого искушения. А 9 марта послу Франции в Риме маркизу де Банневилю неоднократно поступали просьбы о содействии в аккредитации официального представителя Империи для его участия в заседании Собора. В газетах уже мелькали имена Адольфа Тьера и Альберта де Брогли…

Курия была озадачена. Антонелли знал, что Дарю не поддерживали ни Наполеон III, ни, тем более, его первый министр Эмиль Оливье. Тем не менее, это дело стало своеобразным минным полем: не давал ли понять таким образом французский министр, что готов снять расквартированный в Чивитавеккье французский гарнизон? Как долго император собирался не прибегать к подобному шагу, чтобы освободить себя от тяготевших на нем обязательств, особенно в то время, когда все большую угрозу для Франции приобретал ее заклятый враг Пруссия?

Антонелли 23 марта устроил Дарю личную встречу с понтификом. Министр в сопровождении своего посла прибыл на аудиенцию в пышном костюме и роскошном экипаже. Ему салютовали стоявшие вдоль лестницы папского дворца швейцарские гвардейцы. К папе министра провел

тайный мажордом Его Святейшества. Понтифик сидел на возвышении под балдахином, одетый в белую короткую мантию с епитрахилью. Дарю, сын имперского графа Пьера Дарю и крестник Наполеона I, привыкший к почестям, был сильно поражен увиденным.

В тот же день кардинал Антонелли с величайшей торжественностью принял послов других «католических» держав: Австрии, Испании и Португалии, — которые сообщили ему о беспокойстве своих государей. Дарю из Парижа смог взволновать своих европейских коллег и убедить их в том, что заявление о непогрешимости представляло собой немалый риск. Он боялся не того, что политические руководители вновь станут сообщниками папы, а того, что подчинявшиеся «непогрешимому» папе местные епископы смогут создать государство в государстве, отказываясь тем самым как от подчинения гражданским законам, так и от действующего конкордата...

Антонелли старался выиграть время. Он не ошибся. За несколько дней до Пасхи Ватикан получил две телеграммы с двадцатичетырехчасовым разрывом. Первая вызывала определенное беспокойство: «Дарю бравирует угрозой разрыва отношений с Римом». Вторая свидетельствовала о перестановке в министерстве: «Дарю отозван, на его место назначается Оливье. Собор свободен». Тревога унялась. Все вернулось на круги своя.

«Традиция — это я!»

Папа 24 апреля 1870 года торжественно обнародовал догматическую конституцию *De Fide catolica* («О католической вере»), за которую единодушно проголосовали 667 присутствующих. В заключительной части документ подтверждал осуждения Силлабуса и с сожалением напоми-

нал, что «европейская современность» зиждилась на «удалении от Бога». Это стало первой задачей Пия IX. Однако многие епископы от имени большинства представили святому отцу новую петицию, выразив тем самым желание, чтобы составленная с акцентом на папское превосходство вторая конституционная схема *De Ecclesia* («О Церкви») включала в себя декларацию о непогрешимости. Как и следовало ожидать, Пий IX колебался недолго: епископы получили благосклонный ответ.

Главная дискуссия развернулась 13 мая. Месяцем позже во время заключительных обсуждений были изучены все поправки, появившиеся в ходе одиннадцати сессий. Последовавшие за этим 11 июля 65 выступлений, а также римская жара начали утомлять отцов Собора, подошедших, наконец-то, к заключительному докладу. Некоторых результатов удалось добиться и «меньшинству». Так, было снято предложение о предоставлении привилегий непогрешимости папе как частному лицу. Касательно вопросов веры, папа должен был отныне говорить *ex cathedra*, то есть от имени всей церкви. Сторонники непогрешимости вынуждены были пойти на уступки.

Однако 13 июля четвертая часть всех отцов Собора (из 601 голосующего 88 были против и 62 воздержались) еще продолжала колебаться; 16 июля вниманию присутствующих был представлен заключительный доклад, включивший в себя 163 поправки, которые обсуждали и за которые голосовали на протяжении всех дебатов. Председательствующий кардинал обрушился в своей речи на тех, кто своим противостоянием мог сбить церковь с верного пути. Вспыхнул последний инцидент, обнаживший общее нервное перенапряжение. Почтенному кардиналу Гиди, полагавшему, что непогрешимость должна зиждиться на «Традиции», измученный Пий IX ответил:

— Традиция — это я!

Зал взорвался. Это категоричное и неловкое заявление подтолкнуло многих епископов из меньшинства укрепиться в своих оппозиционных взглядах. Обеспокоенный Дюпанлу последний раз попытался упросить папу отступить. Напрасно. Между тем, во всей этой истории необходимо было ставить точку. Но какую катастрофу могло вызвать финальное голосование, явившее собой разделение в вопросе о папской непогрешимости и открывавшее глубокий раскол в церкви! Вот скандал, на котором могли поживиться враги церкви по всей Европе.

Окружение Дюпанлу решило уклониться от демонстрации своего неодобрения. Накануне голосования, 17 июля, 55 епископов из «меньшинства» просто-напросто уехали из Рима. Однако 18 июля 1870 года на публичной сессии 535 голосами спорный документ был в итоге принят. К этому почти полному единодушию присоединились в последний момент двое из колеблющихся. При этом отсутствовали 114 участников голосования. И тут над Римом разразилась страшная гроза, окутав базилику, ее купола и витражи невероятными вспышками молний и раскатами грома. Неужели это гневался Сам Господь?

Гроза успокоилась. Эмоции остыли. Католическая церковь устроена так, что многие епископы из меньшинства очень скоро вернулись под власть папы. Ведь церковь не имеет ничего общего с демократией, а Собор с парламентом. Одна лишь маленькая группка непримиримых, собранная вокруг каноника Дёлингера в Мюнхене, отделилась от основной церкви, создав свою «старокатолическую», которая, впрочем, просуществовала недолго. Все остальные участники Собора, включая Дюпанлу, Штроссмайера, Хефеля, авторитету церкви и папы подчинились.

Некоторые из самых убежденных оппозиционеров надеялись «продлить» дискуссию, возобновив ее позже в ином ракурсе. Но в августе 1870 года над Вечным городом разразилась другая гроза. В разгар лета вступивший в борьбу с Пруссией Наполеон III отозвал свои войска из Чивитавеккьи, а 29 августа итальянское правительство решило осадить оставшийся без защиты Рим. По поручению короля Виктора Эммануила генерал Кадорна 20 сентября проделал брешь в Порта Пия и без битвы овладел городом. Папа объявил себя «узником» Ватикана. Начался «римский вопрос».

Собор 20 октября официально объявил о перерыве. Тем не менее, его работа только начиналась. Оставалось обсудить и вынести на голосование пятьдесят одну схему, которым никогда не суждено было воплотиться в жизнь. Единственным результатом прерванного Собора стала папская непогрешимость!

Обрадованный Пий IX резюмировал позже этот результат изречением, которое спустя столетие стало одним из комментариев II Ватиканского Собора:

— У Собора есть три периода: период дьявола, который старается всё возмутить; период человека, который старается всё смешать; и период Святого Духа, который чудесным образом всё просвещает, очищает и примиряет!

3
Молчание Бенедикта XV

Как Святой Престол проиграл войну 1914-1918 годов

Политика церкви заключается в том,
чтобы не заниматься политикой.
Пий X

Воскресенье 6 сентября 1914 года. Ватиканский дворец. Вдоль ведущей во двор Сан-Дамазо лестницы Скала Реджа и в двух больших комнатах, служащих вестибюлями папских капелл, позади дворцовой стражи стоят несколько сот верующих. Среди них и облаченные в сутану священники, и по-воскресному нарядные буржуа, и элегантные дамы, и приехавшие из деревень крестьяне, не перестававшие удивляться предоставленной им привилегии. Эти люди собрались здесь, чтобы наполнить своими аплодисментами все пространство Сикстинской капеллы:

— Да здравствует Бенедикт XV! Да здравствует папа!

Для провозглашения нового епископа Рима на площади Святого Петра собралась огромная шумная толпа. Сам папа, считавший себя «узником» Ватикана со времен нашествия папских государств в 1870 году, призывал к сдержанности, запрещая любые крики и рукоплескания. Во избежание чрезмерной пышности он сам распорядился перенести церемонию коронации из собора Святого Петра в Сикстинскую капеллу. Но возможно ли представить, чтобы интронизация нового понтифика прошла без помпы и восторженных восклицаний?

В этой великолепной капелле, где двумя днями ранее кардинал делла Чиеза стал Бенедиктом XV, протоколом были предусмотрены почетные места для наиболее видных деятелей церкви, а также для одетого в черный плащ магистра Мальтийского ордена, которого сопровождали кавалеры в красных куртках; для послов и министров Австрии, Баварии, Испании и других христианских государств, облаченных в изысканные костюмы, приехавших вместе со своими женами, утопавшими в разноцветии украшений, вышивок, мантилий и драгоценностей. Помимо них здесь находились и благородные гвардейцы в красной с золотом униформе, и тайные камергеры в испанских костюмах, и царственные представители римского высшего света. Все это великолепное пестрое собрание поднялось со своих мест, когда папа в сопровождении швейцарских гвардейцев, консисторских адвокатов и капелланов в черных и фиолетовых костюмах, взошел на *sedia gestatoria*[1] для получения золотой митры, символа епископской власти, и тиары из трех корон — эмблемы своего несравненного могущества.

---

[1] Переносной трон для перевозки римских пап.

К патриархам, архиепископам и епископам, блистающим разнообразием своих ослепительных нарядов, присоединились облаченные в белые митры и красные платья кардиналы Священной Коллегии, запевшие псалом *Tu es Petrus*[1]. В это время папа поднимался по ступенькам трона, куда вскоре должны были подойти их преосвященства для поклонения ему и целования его рук и ног. После этого папа произнес первую молитву великой коронационной мессы *Intronbo ad altare Dei*[2].

Объявление войны

Эта грандиозная церемония, во время которой Бенедикту XV не удалось избежать изобилия золота и ладана, была сюрреалистична, ибо Первая мировая война, успевшая уже поглотить часть Европы, восстановила друг против друга христианские государства.

В тот момент, когда в Сикстинской капелле начиналась папская месса, на франко-бельгийской границе немецкие войска генерала фон Мольтке, приводя в действие план Шлиффена, перешли в наступление, сопровождавшееся массовыми убийствами и пожарами. В тот день после Льежа, Шарлеруа, Брюсселя захватчикам был сдан Мобеж. Немного восточнее первым бомбардировкам подвергся Реймский собор. В Париже генерал Галлиени для защиты линии фронта в нескольких километрах от столицы на реке Марне мобилизовал все парижские такси.

Произошедшее в Сараеве 28 июня покушение стало жутким рычагом, втянувшим мир во всеобщее противо-

---

[1] Лат. «Ты – камень». Христианский псалом.
[2] Католическая молитва «Подойду я к жертвеннику Божьему».

стояние. Подстрекаемая Германией Австро-Венгрия 23 июля бросила вызов союзнице царской России Сербии. Другая союзница Российской империи, Франция, объявила общую мобилизацию. Немецкие армии 4 августа вторглись на территорию Бельгии, несмотря на ее нейтралитет, нарушив тем самым все международные установления и спровоцировав мобилизацию Англии. Эти страны — обладательницы разбросанных по всему миру колоний, первыми были принесены в жертву ужасной и непонятной трагедии.

В Риме за приготовлениями к войне следил беспомощный и отчаявшийся папа Пий X. Его государственный секретарь кардинал Мерри дель Валь неоднократно слышал, как, прочитывая дневную корреспонденцию и телеграммы, папа восклицал:

— Что это такое по сравнению с тем, что грядет?

Из-за всех этих событий несчастный понтифик серьезно заболел. А ведь он так хотел устраниться от всех политических потрясений и посвятить себя исключительно пасторским и духовным заботам! Перед тем как впасть в агонию, 18 августа, будто для подтверждения своей беспомощности, он перестал говорить, а 20 августа предал свою душу в руки Господа. Неслучайно выбор немедленно созванного конклава пал на закаленного дипломата — кардинала Джакомо делла Чиеза. Именно ему вверялось управление церковным кораблем в условиях надвигавшегося шторма.

На первых рядах скамей Сикстинской капеллы, откуда раздавалось чудесное пение коронационной мессы, сидели кардиналы противоборствующих государств: фон Хартманн и Беттингер (Германия), Аметт, Андриё, Люсон и Севен (Франция), Мерсье (Бельгия), Гаскет (Англия), Чернох, Хорниг и Скрбенски-Христе (Австро-Венгрия). Они

представляли охваченные военным безумием епархии, в которых вооружались и шли на смерть толпы несчастных католиков, убежденных, что Бог «на их стороне». Входя в конклав, архиепископ Кёльна кардинал фон Хартманн бросил кардиналу Мерсье, архиепископу Мехелена:

— Надеюсь, мы не будем говорить о войне!

Стиснув зубы, примас Бельгии парировал:

— Надеюсь, мы не будем говорить о мире!

Церковь и нейтралитет? Это казалось невозможным. Но как могло универсальное по своей природе всемирное образование стать на ту ли иную сторону? Ведь Австро-Венгрия, Франция и Германия являлись в то время самыми крупными католическими державами планеты! В первый же вечер своего избрания делла Чиеза, ставший Бенедиктом XV, провозгласил нейтралитет Святого Престола. Эту стратегию наметил еще в начале августа его предшественник Пий X, когда посол Австро-Венгрии Ганс фон Шёнбург-Хартенштайн добился его аудиенции, чтобы попросить благословения для императорских армий. Больной старый папа пришел в возмущение:

— Папа благословляет мир, сударь, и только мир!

Жалкий, с исказившимся лицом посол удалился в свой дворец на пьяцца Венеция.

Секретная дипломатия

Вслед за официальным объявлением нейтралитета Святого Престола за общими мирными церемониями в Риме, в старинных дворцах, ресторанах Борго и во время посольских коктейлей, ход набирали тайные дипломатические маневры. Это давало Антанте большие преимущества, поскольку в Ватикане лучше других столиц были представ-

лены Берлин и Вена. Для умножения прошений об аудиенции, контактов с государственным секретарем и светских приемов, на которые как бы случайно приглашались многочисленные представители курии, выпровоженный Пием X австрийский посол мог рассчитывать на своих коллег: прусского посла Отто фон Мюльберга и баварского представителя Отто фон Риттера.

Три дипломата вместе со своими соратниками при тайной помощи некоторых облаченных в сутану соотечественников организовали работу по распространению основной пропаганды. Прежде всего они старались уверить всех и вся, что сплоченные вокруг Рейха три католические державы сражались с протестантской Англией, православной Россией и светской Францией. Также они держали под пристальным наблюдением колеблющееся Итальянское государство, к которому, согласно многочисленным личным контактам, был очень близок и Ватикан. Италия, принадлежавшая до войны к Тройственному союзу наряду с Австро-Венгрией и Германией, предусмотрительно старалась держаться в стороне от конфликта, однако, испытывая давление и от тех и от других, свою позицию сохранить не смогла...

В этом светском дипломатическом спектакле отсутствовало одно из главных действующих лиц: Франция. С тех пор как в июле 1904 года республиканское правительство резко разорвало дипломатические отношения со Святым Престолом, в кулуарах Ватикана не появлялся больше ни один французский дипломат. Не спасло положение вещей и произошедшее в декабре 1905 года отделение церкви от государства. Следовательно, в ту пору о том, что творилось в Риме, французское правительство было информировано хуже всех.

В Ватикане не было также и ни одного английского дипломата. Зато у Англии был необычайно активный кардинал, именитый историк, 68-летний монсеньор Фрэнсис Гаскет, умноживший контакты в недрах курии и питавший *Foreign Office* длинными письмами, изобилующими информацией, не имевшей ничего общего с богословием. Особенно этот кардинал-патриот встревожил своих соотечественников сообщением о привилегированном положении, которым пользовались у папы центральные державы. Он настаивал на скорейшем открытии при Святом Престоле британского представительства. И вот в декабре 1914 года специальный представитель при папе Ее Королевского Величества сэр Генри Ховард уже приглашал весь Ватикан на грандиозный прием по случаю открытия дипломатической миссии, немедленно развернув активную деятельность при римской курии, — к великому неудовольствию своих немецких коллег.

Рим — шпионское гнездо

Дипломаты были не единственными, кто активизировал свою деятельность в ватиканских кулуарах. С близкими папе кардиналами и монсеньорами, а порой и самим папой постоянно встречались и некоторые ответственные политики. Так, весной 1915 года сорокалетний лидер немецкой католической партии «Центрум» Маттиас Эрцбергер неоднократно приезжал в Рим, где встречался с Бенедиктом XV и его государственным секретарем кардиналом Гаспарри, жертвуя деньги, много денег, которые поступали от неких тайных немецких благотворителей на церковные дела под видом «подаяния Святого Петра».

Ни папа, ни Гаспарри обману этих благовидных намерений не поддались. Не вызывало никакого сомнения, что

у Эрцбергера была определенная миссия. Его частые встречи с соотечественником — дипломатом Францем фон Штокхаммерном, основным агентом пропаганды Рейха в Риме и тайным финансистом многих итальянских газет, не оставляли никакого сомнения по поводу его истинной деятельности. Однако и окружение папы не преминуло воспользоваться Эрцбергером для сохранения тайных контактов между Святым Престолом и Рейхом, благосклонно, если не сказать участливо, следя за действиями немцев, старавшихся удержать Италию от вступления в войну.

Всё было напрасно. Ни тайные маневры Ватикана, ни усилия немецкой пропаганды, ни манипуляции апеннинской прессы, ни депутатские «конверты», ни давление католической итальянской церкви, прельстившей свою паству перспективой союза с Австро-Венгрией для возвращения провинции Трентино-Альто-Адидже, — ничто не помешало Италии 23 мая 1915 года объявить войну Австрии.

Это стало первым поражением Святого Престола, который, несмотря на заявление о своем нейтралитете, желал избежать подобного сценария. Ведь если Италия приложит руку к поражению Австро-Венгерской империи, Ватикан лишится самого могущественного своего союзника; если же Италия будет повержена Австрией, то неизбежно наступит анархия, могущая поглотить Рим и явить собой физическую угрозу для Ватиканского квартала, последнего папского бастиона. Во время аудиенции, данной бывшему французскому министру Габриэлю Анното, Бенедикт XV сказал:

— Что будет с нами? Ведь мы стали совершенно беззащитны!

В Ватикане много толков вызвал еще один аргумент: при вступлении Италии в войну многие молодые и блестящие

прелаты из окружения папы рисковали быть насильно вовлеченными в итальянскую армию. Это касалось и секретаря Конгрегации чрезвычайных церковных дел Эудженио Пачелли (будущего Пия XII), который числился на тот момент 39-летним резервистом. Во время своей беседы на данную тему с австрийским послом принцем фон Шёнбург-Хартештайном в январе 1915 года папа думал не только о судьбе швейцарских гвардейцев.

В тени Его Святейшества

Выступление Италии на стороне союзников вынудило послов центральных держав паковать чемоданы и покидать Рим. Местом своего пребывания они выбрали швейцарский город Лугано, который стал явочной квартирой дипломатов, влиятельных агентов и всевозможных шпионов. Однажды проездом в Рим был арестован один из таких агентов, оплачиваемый немецкий информатор, который выдал имя человека, близкого к Бенедикту XV. Это был Джузеппе Амброгетти, римский юрист, работавший на секретные немецкие службы. Амброгетти финансировал многие итальянские газеты, снабжая их едкими статьями в пользу итальянского нейтралитета.

И дело обернулось бы пустяком, если бы этот человек не направил итальянскую полицию на след другого немецкого агента — Рудольфа Герлаха, баварского священника, служащего... тайным камергером папы! Аббат Герлах познакомился с монсеньором делла Чиеза, когда тот был архиепископом Болоньи. После своего избрания новый папа принял Герлаха к себе на службу. Начиная с февраля 1915 года итальянская контрразведка зафиксировала несколько любопытных визитов, нанесенных камергером Бенедикта XV в

Русский дом, являвшийся местом отдыха Франца фон Штокхаммерна, известного агента Вильгельма II, за которым римская контрразведка уже долго следила.

Получив в январе 1917 года из управления итальянской полиции тайное уведомление, государственный секретарь позволил ей препроводить проштрафившегося прелата на центральный римский вокзал и посадить в поезд, следующий в Швейцарию. Это насильственное выдворение избавило Ватикан от необходимости быть свидетелем приговора, вынесенного римским военным судом весной 1917 года личному камергеру папы. Под большим секретом Гаспарри ходатайствовал перед начальником итальянского генерального штаба генералом Кардоной о приостановке действия военного приговора и аннулировании всего дела, представлявшего Ватикан двоедушным и беззаконным. Разве не был Герлах убежден в том, что посылал тайные конверты своим корреспондентам в Лугано посредством дипломатической почты через резиденцию папского нунция в Швейцарии?

Вызванный в качестве свидетеля субститут государственного секретаря монсеньор Тедечини подтвердил под присягой, что Герлах находился «под контролем». По его словам, поддерживание тайных каналов с центральными державами было особенно необходимо после отъезда немецких дипломатов в мае 1915 года! Что это было: ловкая защита, отчаянный аргумент, обезоруживающая наивность или новая ложь? Заочное пожизненное заключение Герлаха в тюрьму на поставленные вопросы ответа не дало и гнев итальянской общественности не успокоило.

Пусть папа знал, что его баварский камергер обделывал делишки с Германией. Пусть он даже использовал его для

передачи сообщений руководителям Рейха — это было понятно. Но Герлах был больше, чем просто случайный курьер. Не было ни малейшего сомнения в том, что он являлся одним из основных немецких агентов в Риме, получавшим сведения из первых рук благодаря частому присутствию на личных аудиенциях Его Святейшества. Вскоре после войны баварский шпион оставил священство и полностью ушел в дела. Он был награжден немецкими властями за службу родине.

Итальянская ставка

Другой близкой к папе фигурой, игравшей также немаловажную роль, был глава департамента культов при министерстве юстиции Италии барон Карло Монти, который, несмотря на «римский вопрос», определявший жесткое противостояние между двумя системами с 1870 года, получил конфиденциальное указание от папы и итальянского государства для наведения мостов между оными. Мало кто знал, что пятьдесят лет назад Монти и делла Чиеза учились в одном генуэзском коллеже и были близкими друзьями. Монти имел прямой доступ в Ватикан, посетив его в общей сложности 175 раз!

С тех пор как в 1870 году Италия завоевала папские государства и сделала Рим своей столицей, папа отклонил законное подчинение светскому итальянскому правительству и объявил себя «узником» Ватикана. Даже самый либеральный папа того времени Лев XIII не отступился от идеи восстановления пусть даже ограниченной части территории для учреждения власти папского государства. После своего избрания Бенедикт XV это намерение упрочил.

Война всколыхнула непрекращавшееся противостояние. Во-первых, итальянские католики, включая духовенство, доказали, что они такие же патриоты, как и все; во-вторых, после всех этих драматических событий больше ни один представитель церкви серьезно не оспаривал единство итальянской нации. Однако в 1914–1915 годах Итальянское государство еще рассматривало церковь как сборище опасных реваншистов. Правительству было чрезвычайно важно, чтобы Ватикан не набрал веса в момент грядущих мирных переговоров, ибо как он, так и некоторые из его союзников, например, Австрия, могли бы воспользоваться этими переговорами и потребовать себе новые папские территории.

В то время как Карло Монти поддерживал иллюзию доброй воли Италии в отношении папы (путем получения, к примеру, разрешения направлять в итальянскую армию католических священников или освобождения от воинской службы итальянских полицейских, обеспечивавших безопасность Ватикана), настоящие переговоры тайно проходили в Лондоне. Итальянский посол маркиз Империали 9 марта 1915 года вручил *Foreign Office* сверхсекретный меморандум, даже не посвятив в него представителей Франции (Поля Камбона) и России (графа Бенкендорфа). Месяцем позже, 26 апреля, для подтверждения вступления Италии в войну на стороне Англии и Франции в Лондон отправились премьер-министр Антонио Саландра и министр иностранных дел Сидней Соннино.

Вдобавок к тому, что переговоры разворачивались за спиной папы, итальянские руководители поставили свои решения в зависимость от неожиданного и категорического условия, ставшего 15 статьей Лондонского соглашения.

Это условие, призванное сохранить свою конфиденциальность, было выражено несколькими словами:

«Франция, Великобритания и Россия обязуются поддержать позицию Италии в отношении любого предложения о присутствии представителя Святого Престола на мирных переговорах и при урегулировании вопросов, поднятых настоящей войной».

Нужно было дождаться взятия Зимнего дворца и падения царского режима в Петрограде в 1917 году, чтобы узнать от новых российских руководителей об участии их предшественников двумя годами ранее в лондонском тайном заговоре против папы, которому Англия и Россия не придали особого значения, обратив все свое внимание на требования Италией чрезмерных территориальных уступок в обмен на свое вступление в войну!

Одна ложь покрывала другую: в действительности папа очень быстро узнал о лондонских манипуляциях (подозревают, что посвященный в дела Карло Монти не смог преодолеть искушение и предупредил обо всем своего старого друга), но решил, что всеобщая убежденность в обратном даст ему больше шансов для изменения хода исторического процесса. Напрасно!

Незаметный папа

В сторону, папа! И, тем не менее, если и был человек, который с первого дня защищал мир почти от всех европейских держав, этим человеком являлся именно Бенедикт XV. И это тогда, когда его никто не понимал, когда каждый ждал от него решительных действий в свою пользу. Едва избранный 8 сентября 1914 года папа обратился «к католикам всего мира» с патетическим словом о Европе, «где струилась христианская кровь», его призыв остался

гласом вопиющего в пустыне: все единые и объединенные нации повсюду стремились к войне. Включая католиков. Мирную речь никто не услышал, более того, она вызвала подозрение.

Так, страны, подвергшиеся немецкому нашествию, не понимали, почему понтифик не осудил ни грубое нарушение Рейхом международного права, ни разрушения и убийства, сопровождавшие продвижение в глубь Бельгии немецких войск. Неужели папе нечего было сказать, когда сжигали монастыри, убивали священников, насиловали монахинь, бомбили Реймский собор? Более того, неужели церковь не делала никакого различия между агрессором и жертвой?

Бенедикт XV 1 ноября 1915 года опубликовал энциклику *Ad beatissimi*[1], в которой эмоционально и серьезно высказывался против «резни» и «человеческого безумия», попрежнему не поддерживая при этом ни одну из противоборствующих сторон. Он подтвердил этот безоговорочный нейтралитет во время произнесенной перед консисторией речи 22 января 1915 года, в которой осудил как незаконное наступление Германии, так и «справедливую» войну, которую планировали начать союзники:

— Мы решительно осуждаем любую несправедливость, какой бы из сторон она ни была допущена. Но привлечение авторитета понтифика к разногласиям воюющих сторон не является ни достойным, ни полезным...

Конечно, папа был прекрасно осведомлен о зверствах немецких войск. Он не мог не знать, что своим нападением

---

[1] В этой энциклике папа Бенедикт XV вновь осудил модернизм и выступил против возвращения в лоно церкви богословов-модернистов.

на Бельгию они нанесли серьезный удар по справедливости и праву. Ему прекрасно были известны, благодаря выступавшим в роли посредников епископам, жалобы бельгийских, английских и французских католиков, которые не понимали, почему глава церкви молчал и медлил. В газете *La Croix*[1] он прочел горестное обращение писателя Б. Сьенна: «Мир ждал от папы слова; почему папа ничего не сказал?» Но папа продолжал стоять на своем.

Последней каплей стал 1916 год. Папа упорно игнорировал торпедирование в мае 1915 года британского судна «Лузитания» (более тысячи погибших) и депортацию гражданского населения на север Франции. Это ошеломляющее молчание вызвало новую волну резкой критики, включая несколько писем от лица именитых церковных деятелей, таких как кардиналы Мерсье (Бельгия), Гаскет (Англия) и Аметт (Франция). «Есть моменты, — писал английский кардинал, — когда молчание служит немым одобрением нарушения закона». «Католики и французское духовенство озадачены, разочарованы и обескуражены», — признавал архиепископ Парижа.

Шестнадцатого августа Бенедикт XV созвал нечто вроде кризисного комитета, состоявшего из кардиналов Гаспарри, Мерри дель Валя, Джустини, Де Лайя и Ванутелли. В повестке дня стоял вопрос: нужно ли реагировать на депортацию немцами гражданского населения? Первая неожиданность: доклад, ставший рабочим документом, был написан кардиналом Хартманном, архиепископом Кёльна и «капелланом» главной немецкой штаб-квартиры. Вторая неожиданность: советники папы единодушно призвали его

---

[1] Ежедневная французская утренняя газета христианского направления.

«не принимать ни одну из сторон» (Ванутелли), полагая, что за это печальное событие «несут ответственность отчасти все, а не одна только Германия» (Мерри дель Валь).

Конечно, кардиналы больше руководствовались интересами церкви, в особенности Святого Престола, чем симпатией к одной из армий центральных империй. Нейтралитет церкви защищала близкая к папе гвардия. Но факт остался фактом: в течение всех этих лет ватиканской дипломатии не удалось избавиться от прогерманского образа. Не удивительно, что однажды Клемансо гневно окрестил Бенедикта XV «папой бошей». Правда и то, что главнокомандующий немецкой армией генерал Людендорф назвал его «французским папой».

Общий отрицательный итог

В декабре 1914 года Бенедикт XV выдвинул идею о Рождественском перемирии между армиями, подавляющее большинство которых составляли католики. Эта инициатива, принятая с некоторой симпатией политическими деятелями обеих сторон, наткнулась на категорический отказ армейских военачальников. В своем Рождественском обращении папа не без горечи сказал:

— О! Мы всего лишь питали себя иллюзиями!

Имели место всего несколько случаев эфемерного братания, в основном между окопами эльзасских «пуалю» и баварских солдат, распевавших в ночь на 25 декабря одни и те же рождественские гимны. Однако эти короткие, почти сверхъестественные моменты проявления человечности к перемирию не привели.

Больше шансов имело предложение Святого Престола об обмене военнопленными, утратившими способность

участвовать в сражениях, с которым папа письменно обратился к главам воюющих государств. Опубликованные в *L'Osservatore Romano*[1] 6 января 1915 года отклики оказались позитивными. Этой идеей, которой папа придавал дипломатический, или, как сказали бы сегодня, «посреднический» статус, воспользовались десятки тысяч людей. Речь шла об облагораживании образа Ватикана как морального авторитета и собеседника великих держав. Однако за исключением этого «человечного» соглашения стремление папы превратить Святой Престол в незаменимого актера международной сцены, что когда-то удалось сделать Льву XIII, являло собой череду неудач и разочарований.

В рамках урегулирования конфликта Бенедикт XV не без колебаний обратился 1 августа с торжественным и патетическим призывом к миру:

— Неужели цивилизованный мир должен быть похож лишь на поле смерти? Неужели Европа приложит руку к собственному уничтожению?

Эти слова, повсеместно обсуждаемые дипломатами, вызвали недоверие воюющих сторон. Военное положение оставалось неясным, игра союзников — сложной, и если о плане папы иногда вспоминали, то лишь для того, чтобы от него отказаться. В том же году русская революция перевернула всю дипломатическую игру, изрядно потрепав нервы церкви: если свержение царя в марте обрадовало католиков, притесняемых старым режимом, то октябрьский большевистский переворот похоронил все их надежды.

---

[1] Итал. «Римский обозреватель» — официальный печатный орган Святого Престола. Издание охватывает всю публичную деятельность папы римского, публикует передовые статьи важных церковнослужителей и печатает официальные документы...

Другим осложнявшим положение дел фактором был «римский вопрос», которому Бенедикт XV придавал первостепенное значение. Однако этот вопрос бросал новую тень подозрения на предложения Святого Престола: интерес папы в интернационализации данного предприятия для всех был очевиден. Начиная с конца 1917 года для возвращения воюющих держав к знаменитой 15-й статье Лондонского соглашения были мобилизованы все церковные дипломаты. Новый Мюнхенский нунций, надежда ватиканской дипломатии монсеньор Эудженио Пачелли сделал все возможное для достижения этой цели. Однако ни один из европейских политиков, за исключением рьяного католика императора Австрии Карла I, не стремился к вмешательству папы в будущие мирные переговоры!

***

Великая война имела для Бенедикта XV негативные последствия. Папа проповедовал пацифизм и нейтралитет — католики всего мира выбрали патриотизм. Папа стремился сохранить своего покровителя Австро-Венгерскую империю — после поражения в войне она была разделена. Папа хотел дать ход «римскому вопросу» — Италия ниспровергла его планы. Папа желал предотвратить «православную угрозу» — она сменилась гораздо более опасной коммунистической. Но более всего папа хотел участвовать в определении нового мирового порядка — на переговорах в Версале его не было.

Несмотря на то, что ватиканская дипломатия воспользовалась этой войной для устройства своего будущего, чтобы создать конкордат в конкордате, несмотря на то, что война отвела католикам новое место в итальянском гражданском обществе, несмотря на то, что Ватикан

решительно выступил против подписанных в Версале соглашений, объявив их носителями новых потрясений, в ноябре 1918 года Святой Престол не фигурировал ни среди победителей, ни среди побежденных.

То, что годом позже за столом переговоров в Версале не было ни одного его представителя, и то, что Святой Престол был исключен из новой организации под названием Лига Наций, стало свидетельством самого большого провала государства Ватикан после 1870 года.

4

Тень Братства Пия X

Интегристская организация, разведслужба или новая инквизиция?

На что годится современный мир, если в нем изобретаются такие яды?

Артюр Рембо

«Братство Пия X» *(Sodalitium Pianum)*! Еще сегодня в Ватикане это название у многих вызывает шок. Речь идет о появившейся в Риме в самом начале XX века таинственной организации, некой странной сети, описание которой можно встретить во многих книгах — от скандальных романов до заумных исследований — по истории современного папства. На нее ссылаются, когда желают показать, что порой католическая церковь прибегала к постыдным методам для борьбы как с внешними, так и с внутренними врагами. Ее призывают на суд истории, чтобы реабилитировать папу Пия X по отношению к жутким репрессиям того времени, направленным против «модернистов». Ее цитируют, чтобы подкрепить общеизвестное утверждение

о том, что секретные службы Святого Престола являются, как все знают, «самыми осведомленными в мире».

Что это? Выдумка? Шаблон? Легенда? Или же наболевшая тайна, о которой церковь продолжает хранить гробовое молчание? Вспоминать о Братстве Пия X — значит тревожить старые истории, в которых витают призраки инквизиции, тревожные монсеньоры, тайные агенты, старательные доносчики, сломанные карьеры, запечатанные конверты, набитые банкнотами чемоданы и достойная шпионских романов коллекция оружия...

Таинственный Умберто Бенини

Знаменитую *Sodalitium Pianum* посвященные называли *SP*. За этим названием скрывалась полуподпольная организация под управлением прелата монсеньора Бенини, создавшего удивительную агентурную сеть в Европе (Париже, Вене, Милане, Фрибурге и др.), наводящую страх на дипломатов, университетских преподавателей, богословов и даже некоторых архиепископов. Странная организация, частично похожая на пресс-центр, частично на масонскую ложу, порой наводила на мысль, что ее глава был влиятельнее самого папы.

Необычной личностью был этот Умберто Бенини! Он родился в Перудже, в Умбрии, в марте 1862 года, в скромной семье, в которой был старшим из пяти детей. Он не отличался красотой и страдал заиканием, от которого не смог избавиться до конца своих дней. Но был одарен умом, что позволило ему поступить в епархиальную семинарию. Получив в 22 года сан священника, Умберто стал преподавателем истории. Он обладал легкостью и красотой слога, а также умением убеждать. Три года спустя, в 1887 году,

являясь участником многих католических движений Перуджи, он выпустил небольшой бюллетень под названием *Il Piccolo Monitore*. Это была первая из длинной серии всевозможных публикаций, явным или тайным девизом которых всегда оставались слова: «Только с папой и за папу!».

После публикации Львом XIII в 1891 году энциклики *Rerum novarum*[1] этот молодой, образованный и активный священник основал первый «общественный» католический журнал *Rassegna sociale*. В то время всех волновал вопрос: могли ли и должны ли были католики вмешиваться в политику. После захвата Рима в 1870 году итальянскими националистами папа Пий IX призвал свою паству к соблюдению знаменитого правила *non expedit (не полезно)*, запрещавшего им «избирать и избираться» *(«nu eletti, nu elettori»)*. Политика предназначалась государству, а церкви — «дела католические». В 1890 годах при Льве XIII этот вопрос обострился, вызвав горячие дискуссии. Для Бенини сомнений не было: католик должен вмешиваться и без колебаний вступать в борьбу за церковь и папу! И поскольку итальянским верующим дорога к политической борьбе была закрыта, он предался борьбе «общественной». Не все разделили его энтузиазм.

Нужно сказать, что первые годы XX века стали благоприятным временем для драчунов и задир. Прежде всего в Европе ожесточенно сражался за придание церкви нового международного статуса старый папа Лев XIII. В Италии неурегулированный болезненный «римский вопрос» превратил папу в весьма активного «ватиканского узника», разделившего общество на «белых» (благосклонно

---

[1] Энциклика папы Льва XIII от 15 мая 1891, отразившая процесс приспособления католической церкви и папства к капитализму и перехода к защите основ буржуазного общества

относящихся к папе) и «черных» (враждебно настроенных к церкви). Во Франции, где проповедуемое папой в 1892 году присоединение к Республике не дало ожидаемых результатов, против Ватикана ополчились тоскующие по монархии главы католических церквей, а также политические радикалы, мечтавшие раз и навсегда отделить церковь от государства. В Германии глубокий шрам оставило яростное выступление Бисмарка против католической церкви, именуемое «Культуркампф». Отныне вся Европа делилась на тех, кто воевал с папой, и тех, кто его защищал. В таких условиях нейтралитет сохранять было очень сложно...

Другая яростная баталия развернулась внутри церкви, когда в 1864 году Пий IX опубликовал свой пресловутый «Силлабус», ставший настоящим объявлением войны современному миру, его интеллектуальной ереси, политической агрессии и моральным послаблениям. Через полвека после публикации данного текста «либерализм» не перестал быть заклятым врагом официальной церкви, несмотря на то, что папу и епископов продолжал беспокоить быстро прогрессировавший социализм. Однако о явном расколе католиков речь пока не шла. Конечно, в недрах церкви постепенно появлялись течения, которые умели договариваться с современностью, обязывая тем самым церковь считаться со своей эпохой, симпатизировали социализму или же входили в переговоры с либералами, что вызывало бесконечные дискуссии, злостную дискриминацию и недостойные обвинения.

Можно было бы сказать, что церковь того времени была разделена на сохранивших верность «Силлабусу» «консерваторов» и на ратовавших за открытость миру «прогрессистов». Чересчур простое и обобщенное противопоставление! В этих баталиях и интеллектуальных поединках с

трудом можно было понять, кто с кем заодно. Так, публицист, который призывал идти до конца с социализмом, мог это делать во имя верности папе римскому, а нерешительный активист движения христианской демократии мог вступить на этот путь во имя *целостности католицизма*! Разве Лев XIII благодаря своей энциклике *Rerum novarum* не дал католикам общественную доктрину, позволившую им состязаться с социалистическими тезисами и, что более значимо, подтверждать свою политическую и историческую идентичность? И если церковь предлагала конкретные выходы резкому экономическому и социальному развитию светского общества, то не потому ли, что она желала собственной светской власти?

Преследование внутренних врагов

Итак, аббат Бенини, один из наиболее воинственных в этой идеологической, богословской и пасторской войне бойцов, был личностью, не поддающейся однозначному описанию. Генеральный секретарь итальянской компартии Антонио Грамши отзывался о нем как «об очень способном практике и теоретике и невероятно активном человеке», а истый католик, профессор Римского университета Эрнесто Буонайути охарактеризовал его как «циничного, безжалостного и неумолимого кукловода антимодернистской кампании». Мир перевернулся!

В мае 1893 года неугомонный Бенини стал главным редактором *L'Eco d'Italia* в Генуе. На тот момент ему был всего 31 год. Неизвестно, почему он уехал из Перуджи, этого тихого городка, в котором его безудержная воинственность должна была перевернуть всю привычную жизнь. В своих трудах он жестко клеймил врагов папы. «Святой Отец, осторожней справа, Святой Отец, осторожней

слева!» Бенини без устали находил слабые места, через которые сатана проник в церковь при содействии многих ее внутренних врагов. В 1895 году он оказался в Риме в качестве скромного ассистента при Ватиканской библиотеке. Почему же он покинул Геную? Новая загадка. Не смог усидеть на месте или пал жертвой своего непростого характера? Может, ему стало тесно в провинции? Или же он вступил в конфликт со своим архиепископом монсеньором Реджио, не согласным с его энергичным упорством? Следует признать, что Бенини не скупился в своих статьях на эпитеты, называя местных священников «бездарями», а порой даже «чинушами, святошами и старыми девами»!

В Ватиканской библиотеке он занимался инвентаризацией книг. Это малопривлекательное занятие не могло его долго удовлетворять. Устав от своей работы, в 1900 году Бенини стал сотрудничать с консервативной ежедневной газетой *La Voce della Verita* (периодическое римское консервативное издание), вскоре сделавшись ее директором. Он вновь оказался в своей стихии: защищать апостольскую и римскую «правду» от всего остального мира — вот его призвание! Однако уже в октябре 1904 года по не известным никому причинам Бенини подал в отставку. Возможно, он уступил давлению курии, когда избранный годом раньше новый папа Пий X призвал католиков проявлять терпимость в своих отношениях со светским государством? Загадка.

В Риме Бенини обзавелся знакомствами. В сентябре 1904 года в качестве рядового редактора он попал в Конгрегацию пропаганды под управлением кардинала Готти. Эта спокойная и неброская должность позволила ему завершить первый том своего амбициозного труда «Социальная история церкви», который не встретил поддержки у его коллег историков и оставил у него самого горький привкус.

Отныне аббат Бенини зависел от Римской епархии, в которой постепенно начинал приобретать известность. В силу различных обстоятельств собеседники описывали его и как «очень неприятного», «непреклонного и вспыльчивого», «обладавшего холодным и твердым, как сталь, умом», и как «блестящего преподавателя», «талантливого историка», «утонченного и рассудительного человека»! Принимавший его кардинал Бодрияр, ректор Парижской католической семинарии, признавался в своих дневниках в недоверии к его «пылкости». Двое других парижских хроникеров охарактеризовали его иначе: «Этот человек с умными, хитрыми и любопытными глазами [...] был полным и круглым, как шар, носил очки в золотой оправе, суетился и заикался и сидел в слишком глубоком для него кресле, как дьявол в кропильнице. [...] За его очками, жиром и вульгарностью просматривался недюжинный ум!»

«Его стоит опасаться!»

Будущий кардинал Гаспарри 26 мая 1906 года назначил Бенини помощником секретаря Конгрегации чрезвычайных церковных дел. Впоследствии кусавший по этому поводу локти Гаспарри оправдывался в своих мемуарах: «Он обладал большим умом, хорошей памятью, знанием языков, упорством в работе...» Речь шла о важной должности, координирующей деятельность всех нунциатур. Многие прелаты и религиозные наблюдатели были удивлены и даже озадачены таким необычным назначением, однако римская традиция не дозволяла критиковать внутренние решения.

Двумя годами позже вследствие полномасштабной реформы курии престижная Конгрегация чрезвычайных церковных дел вошла в состав государственного секрета-

риата, что превратило помощника ее секретаря в пятое лицо Святого Престола! Бенини получил право на самые высокие визиты и доступ к самой конфиденциальной информации. В круг его общения вошли наиболее одаренные кардиналы и монсеньоры, в том числе молодой и яркий государственный секретарь кардинал Мерри дель Валь и его помощник субститут делла Чиеза, будущий Бенедикт XV. Он часто видел и Пия X, ставшего для него настоящей культовой фигурой. В 1907 году энциклика *Pascendi*[1], в которой папа сурово клеймил «модернизм», помогла Бенини в укреплении его личных интересов: он был в своей стихии.

Тем не менее, этот неподражаемый взлет карьеры не превратил его в дипломата. Скорее наоборот. Неспособность Бенини скрывать свои экстремистские взгляды раздражала многих прелатов. «Бенини был слишком пылким для карьериста, — отмечал историк Эмиль Пула, — если бы он был более гибким, то смог бы стать кардиналом!» С прозелитами и чрезмерно возбудимыми курия не церемонилась. Там и тут в кулуарах Святого Престола слышались замечания о его «циничном скептицизме», «воинственных и бюрократических взглядах», убеждавших его в том, что его современники «не заслуживали ничего кроме инквизиции». Некий кардинал, которому Бенини не понравился, однажды сказал одному из своих собратьев:

— Его стоит опасаться!

И вот 7 марта 1911 года произошла неожиданная развязка: внимательные читатели *L'Osservatore Romano* узнали из рубрики назначений курии, что Бенини отстранен от

---

[1] Папская энциклика, обнародованная папой Пием X 8 сентября 1907 года. Папа осудил модернизм и целый ряд других принципов, описанных как «эволюционные»...

должности. Или, скорее, что он назначен «апостольским протонотариусом», что в сущности было одно и то же. Это внезапное «повышение» на закате его карьеры в 49 лет означало, что он останется монсеньором, но никогда не станет ни кардиналом, ни даже епископом. Это были похороны по первому разряду! Историческая справка: те же самые внимательные читатели *L'Osservatore Romano* прочли через пару строк, что на место монсеньора Бенини назначен один из его ближайших соратников некий Эудженио Пачелли, и никто, вероятно, не представлял себе, что двадцать восемь лет спустя тот станет папой под именем Пий XII.

Что это было? Банальное устранение? Грубое исключение? Немилость? Или тактический ход? Еще одна загадка. Архивы по этому поводу хранят молчание. Подлинный мотив этой завуалированной отставки был неизвестен. Она выглядела еще более необычной от того, что Бенини продолжал, казалось, оставаться при дворе и свободно появляться в Ватикане, где, однако, никто его больше не поддерживал.

Необычная пресс-группа

Во всяком случае, новый протонотариус от дел не устранился. Напротив, он удвоил свою активность. В то время он уже наметил вехи того, что в будущем станет «Братством Святого Пия V», или, по латыни: *Sodalitium Pianum.* Отныне он мог полностью посвятить себя своему детищу. Он привлек к нему одного из своих бывших помощников аббата Готфрида Брунера, назначив его генеральным секретарем. Он обратился к одному из влиятельных людей понтификата — секретарю Консисториальной конгрегации кардиналу де Лайю, с просьбой о содействии в признании

Sodalitium Pianum Пием X, на что получил отрицательный ответ под предлогом, что протонотариус якобы требовал автономии для своего локального ведомства по отношению к епископской власти, чего курия допустить никак не могла.

Тем хуже! Бенини полностью отдался развитию своей конторы. Однако начал он не с нуля: после реформы государственного секретариата 1908 года ему было поручено налаживание связей между Святым Престолом и международной прессой. Он открыл пресс-бюро, организовал сбор информации, обзавелся сетью корреспондентов. В его распоряжении оказалось столько контактов и информации, сколько ему было необходимо. В 1909 году в рамках своей официальной деятельности он создал очередную газету, представительства которой находились не в Ватикане, а на Корсике. Это была *Corrispondenza romana*, ставшая вскоре *Correspondance de Rome*, — еженедельное издание, посвященное религиозной полемике, во времена расцвета которого Бенини с жаром отрицал, что являлся его вдохновителем.

Именно после такого «повышения» и закатилась его карьера. Бенини начал плести необыкновенную сеть всевозможных изданий. Начиная с 1912 года он дублировал *Corrispondenza* религиозным пресс-агентством под названием Международное агентство «*Roma*» (*AIR*) (международное агентство «Рома». Сокращение на итальянском), выпускавшее ежедневные бюллетени *«Рим и мир»* и еженедельные бюллетени *«Римские тетради»*, которые сначала печатались четырьмя польскими монахинями, а затем тиражировались. Одновременно с этим он увеличил «*argus*» (в переносном смысле — бдительный страж) мировой религиозной прессы и умножил контакты с известными светскими газетами, с удовольствием печатавшими подготов-

ленную религиозную информацию, которую ловкий и деятельный Бенини преподносил им «на блюдечке». Все эти сведения, откровения, мнения, письма, доклады и аргументы печатались во всем мире от *Corriere della Serra* до *Giornale d'Italia*, от *Temps* до *L'Echo de Paris*, от *Journal de Genuve* до *La Gazette de Lausanne*, от лондонской *Times* до квебекской *La Vérité*[1]...

Итак, Братство Святого Пия являлось прежде всего пресс-агентством, которым руководил малопривлекательный, но весьма осведомленный человек, знавший почти все, что говорилось или замышлялось в кулуарах Святого Престола и обладавший весьма решительными воинственными убеждениями. Этот неустанный предприниматель отличался тяжелым характером, зато обладал большой работоспособностью и секретной сетью. Этот человек отношений и досье, тяготевший ко всякого рода спискам и картотекам, действовал в одиночку, веря в свою роль «скрытого мстителя» на службе у папы, который относился к нему с недоверием, но, что любопытно, никогда не стеснял в финансовой помощи.

Положение Бенини в Риме было нестабильным. Непреклонный до крайности, он стеснял своих собеседников тем, что обвинял либералов, франкмасонов и евреев («евреев ложи и банковских евреев», «иудейско-масоно-банковский спрут») в том, что они были причиной всех несчастий церкви, превратив многих католиков, богословов, пасторов, журналистов и интеллектуалов в носителей идей «модернизма», т.е. самого дьявола. Все понимали, что Бенини настроен серьезно.

---

[1] Периодические издания Италии, Франции, Швейцарии, Канады и Великобритании.

Двойная игра Пия X

Однако Святой Престол не спешил избавиться от столь деятельного пропагандиста даже тогда, когда Гаспарри и делла Чиеза узнали, что руководитель-интриган Братства решительно подрывал их авторитет в глазах папы. Не спешил даже тогда, когда тот публично назвал «малодушным трусом» и «презренной личностью»... самого государственного секретаря Мерри дель Валя, бывшего правой рукой Пия X! Он хорошо знал молодого и могущественного испанского кардинала, доверенным лицом которого раньше являлся. В Риме даже поговаривали, что в личных досье Бенини содержались сведения, компрометирующие дель Валя! Что особенно было удивительным, так это то, что его разрушительное усердие не ограничивалось одной лишь прессой. Если бы его оккультные действия не вышли за рамки религиозной информации, то Братство Святого Пия осталось бы практически никому не известной организацией. Но его бескомпромиссная активность в тени курии затрагивала помимо всего прочего секретную дипломатию.

Так, в 1909 году во Франции, несмотря на отделение церкви от государства, президент Аристид Бриан лично удвоил давление на государственный секретариат в целях устранения Бенини, который, как он считал, активно поддерживал действия немецких и австрийских интегристов против Франции. Такой необычный поступок должен был в сущности опираться на французских епископов, желавших отстранения «этого человека, неуемное усердие которого наносило церкви очень большой вред». Церкви, Франции или обеим сразу? В глазах Бенини Франция была страной вырождающейся, испорченной вредными идеологиями. Таковы же были и ее епископы.

Второй пример. В 1911 году, пока Святой Престол разбирался в запутанных конфликтах проживавших на окраинах Российской империи польских, литовских и рутенских католиков, Бенини решил тайно связаться через русское посольство в Италии с правительством в Санкт-Петербурге. Он рассчитывал опереться на русского царя, чтобы добиться единства местных католиков независимо от их национальности. Досадная ошибка почтовой службы привела одно из писем Бенини на стол генерала иезуитов отца Ледоховского, близкого к польским националистам. Ледоховский ворвался в кабинет Пия X и потребовал от папы голову этого предателя! Но разве сам он не пользовался сомнительными связями с русскими дипломатами в Риме — Извольскими, Сазоновыми и другими агентами панславизма?

Иезуиты утверждали, что папа прореагировал очень жестко:

— Пусть он уходит! Я не хочу, чтобы он оставался в Ватикане более суток! И чтобы ноги его здесь больше не было!

В кулуарах Общества Иисуса, где многие пали жертвами интриг Бенини, были убеждены, что этот святой гнев стал причиной закрытия *Correspondance de Rome.* Однако никто этого не знал наверняка. Известно, что даже после своего «повышения» в марте 1911 года Бенини продолжал получать аудиенции у Пия X.

— Надо опровергнуть все обвинения против Бенини, — сказал папа в мае 1912 года.

Предательская слабость, болезненная нерешительность или двойная игра?

Скорее двойная игра. Это становится особенно очевидным при взгляде на другой дипломатический кризис, столкнувший Германию с Ватиканом. Бенини считал, что штабквартира модернизма располагалась именно в Германии

под крылом партии «Центрум», состоявшей из большинства вовлеченных в политику католиков, особенно в Кёльне. Он не ошибался. Впрочем, его мнение разделял и Пий X. Но когда одно из наиважнейших в мире католических сообществ охватило пламя противоречий, папа понял, что должен отказаться от жесткой позиции. Бенини — нет.

Так, в мае 1910 года в энциклике под названием *Editae saepe*[1] Пий X отозвался о Реформе в несколько оскорбительной форме, его негодование обрушилось на Германию, и не на одних только протестантов. «Враги креста Христова», «извращенцы веры и нравов» и т.п.; слова были крепкими, являвшими собой благородное презрение противников Реформы. Поднялся такой шум, что *L'Osservatore Romano* тут же сослалась на «неверную трактовку», а кардинал Мерри дель Валь поспешил заявить о досадном «искажении смысла сказанного». Один лишь Бенини продолжал как ни в чем не бывало восхвалять энциклику даже тогда, когда канцлер Германии Бетман-Гольвег пригрозил Ватикану разрывом дипломатических отношений...

Когда три месяца спустя Пий X в изданной им *motu proprio* (апостолическое послание папы, направленное по его инициативе без предварительного запроса мнений) обязал всех католических преподавателей принести «антимодернистскую клятву», в учебных заведениях Германии вспыхнули волнения, поскольку никто не считал возможным выполнить подобный указ. Это привело к тому, что после жестоких и обескураживающих дебатов между немецкой церковью и Святым Престолом последний бесславно ретировался, а государственный секретарь возложил ответственность за разногласия «на лицо, отвечавшее за

---

[1] В данной энциклике были изложены новые взгляды папы Пия X на Реформацию.

ватиканскую прессу», то есть на Бенини. Знаменитое «повышение» злостного прелата в 1911 году явилось, скорее всего, наказанием за немецкое дело. Именно так говорили в кулуарах государственного секретариата. Но правда ли это?

Смерть Пия X в августе 1914 года подтвердила апостериори, что Бенини продолжал пользоваться расположением Святого Престола. Его лишил субсидирования новый понтифик Бенедикт XV. Бенини вынужден был уволить некоторых своих работников и самостоятельно оплачивать квартиры представительств Братства Святого Пия X. Напрасно кардинал де Лай письменно заверял о поддержке, которую Ватикан оказывал Братству, — эта поддержка была чисто формальной. Бенини, казалось, не получал больше от папы никаких дотаций. Так ли это? Двенадцать лет спустя в своих мемуарах кардинал Гаспарри задал вопрос: «Откуда же он брал столько денег?».

Август 1914-го: начало конца

Август 1914 года ознаменовал собой начало Первой мировой войны, в ходе которой каждая из воюющих сторон живо обвиняла Бенини, подозревая его в работе на своего противника. Особенно в этом преуспели немцы и французы. Такова участь всех серых кардиналов, тайных франтиреров, двойных агентов и других манипуляторов. Если честно, то поводом для подобных атак послужила приверженность Ватикана к «нейтралитету» при новом папе Бенедикте XV *(см. гл. 3)*.

Бывший субститут делла Чиеза, Бенедикт XV достаточно знал о Бенини, чтобы держать его на расстоянии. В сентябре 1914 года он успокоил кардинала Маффи, архиепископа Пизы, встревоженного ущербом, который причинила всем борьба с модернизмом:

— Время доносов прошло!

Для Бенини наступило начало конца. Тем более что доклад французского монсеньора Миньо, архиепископа Альби, который через несколько недель лег на стол нового государственного секретаря кардинала Гаспарри, разоблачал «тайную, оккультную и безответственную власть, исполнителем которой был Бенини», «череда обвинений, критики и деморализации» которой серьезно скомпрометировала многих епископов. Карьера некоторых журналистов, депутатов, светских деятелей, богословов, преподавателей, епископов была несправедливо сломана «этими безмандатными людьми», «подозрительными» тайными агентами, занимающимися шпионажем и доносами в Париже, Вене, Брюсселе, Милане, Фрибуре, Кельне, Гане, Берлине и др. Взрывоопасный рапорт Миньо остался засекреченным до самой смерти автора в 1924 году. Однако он способствовал тайной реабилитации многих осужденных, сломленных, высланных, дезавуированных при Пии X людей.

Чем сильнее разгоралась в Европе война, тем осторожней действовал Святой Престол. Все это имело неожиданные последствия. Так, в апреле 1915 года оккупировавшие Бельгию немцы в Гане внезапно нагрянули с вооруженным обыском к адвокату Альфонсу Йонксу, директору городского представительства *Correspondance Catholique* и одному из основных агентов Братства Святого Пия X. Они обнаружили у него ящики с компрометирующими, частью зашифрованными документами, которые позже вывезли с собой в Германию. Не была ли эта подозрительная секретная организация шпионским агентством, работавшим против Германии? Такое подозрение подтверждения не нашло. Комендатура, разочаровавшись в изучении этих

необычных документов, не представлявших никакого политического и военного интереса, передала их некому немецкому монаху, который перед смертью переправил их в Голландию в монастырь Рурмонда.

И там один любопытный священник решил показать документы аббату Фернанду Мурре, бывшему экскому адвокату, автору монументальной «Истории церкви». На изучение этих удивительных архивов у Мурре ушло несколько месяцев. В 1921 году он нашел среди них некие мемуары, которые анонимно распространил среди своего окружения. В этих мемуарах говорилось о сети, насчитывавшей в своих рядах до тысячи членов (по мнению историка Эмиля Пула, эта цифра была сильно завышенной) и протянувшей свои щупальца по всей Европе, вплоть до Северной Америки.

Все узнали, хотя и с некоторым опозданием, как далеко в своей ненависти, доносах и интеллектуальном терроризме зашли агенты Бенини. От иезуитов до доминиканцев, от окружения архиепископа Парижа до пресс-группы Бахема в Кельне, от либеральных французских католиков до богословов Фрибура агенты Братства скрупулезно и коварно шпионили, преследовали, разоблачали и осуждали того или другого убежденного либо не убежденного «модерниста», пока того не выгоняли из семинарии, университета или газеты. Фраза в журнальной статье, озвученное в проповеди мнение, подозрительное частое светское общение, чтение мирской литературы — все подходило для того, чтобы прослыть «внутренним врагом». Священник мог быть обвинен в модернизме, даже если он просто ездил на велосипеде, что в Братстве расценивали как «малопристойное занятие для церковнослужителей». Все с опозданием узнали и о весьма необычных методах внутренней корреспонденции Братства: секретные коды, тайные псевдонимы,

различные схемы и др. Бенини был настоящим параноиком...

В итоге документ Мурре оказался в Риме, где лег на стол кардинала Гаспарри, который прочел его внимательно и не без неудовольствия. Закончив чтение, государственный секретарь лихорадочно набросился на префекта Соборной конгрегации кардинала Сбарретти:

— Займитесь этим, ваше преосвященство, и допросите Бенини!

Однако Гаспарри не желал терять ни минуты. Не дожидаясь расследований Сбарретти в отношении того, кого он публично назвал «отъявленным плутом» и «опасным человеком», он взял перо и собственноручно составил письмо Соборной конгрегации, где от имени папы приказал Бенини распустить Братство Святого Пия X с 25 декабря 1921 года.

«Грех Пия X»

Итак, дело было окончено? Напротив! Именно в этот момент скандал, связанный с Братством, стал достоянием широкой общественности и причиной всевозможных домыслов. Сначала он нашел отражение в сенсационной статье, опубликованной в *La Nation belge* 11 января 1922 года неким А. Вире — псевдоним бывшего сотрудника *La Croix* Альфонса Жанна, который вынужден был сменить имя в 1909 году из-за обвинений в модернизме. Следует признать, что в недрах *Publications de la Bonne Presse*, к которым принадлежала *La Croix*, свирепствовал отец Сальвьен, монах ордена ассумпционистов и вдохновитель *L'Actualité catholique* и трех других изданий, один из основных рычагов Бенини во французской прессе. Несколькими месяцами позже по указу апостольского нунция монсеньора Черетти он также был отправлен в отставку.

Этот Вире переслал свою статью *Courrier de Genuve*, где она и была опубликована 13 января, а 30 января ее опубликовало парижское издание *L'Excelsior*, а позже — крупная католическая ежедневная газета Амстердама *De Tijd*[1], бывший главный редактор которой аббат Гёрц сам пал жертвой антимодернистских выпадов десять лет назад. В итоге эту тему подхватили все европейские газеты и тут же постарались ее раздуть. Однако многие из них за неимением надежной информации с легкостью снизошли до шпионского романа, превратив документы, по выражению Эмиля Пула, в «нагромождение фабул, фантазий и домыслов».

Что же стало с Бенини? В январе 1924 года, когда выборы в Италии принесли победу Муссолини, ему было уже 62 года. Он заявил, что «освободился от прежних своих деяний» и решил идти в ногу с новой властью. Так поступает потерявшийся солдат, ищущий себе нового командира. Бенини создал новое пресс-агентство URBS и выпустил два бюллетеня: *Veritas* и *Romana* (дополнительная информация не найдена, однако, она здесь особой смысловой нагрузки и не несет), посвященные антисемитской пропаганде. Он также основал новую организацию под названием Римский союз общественной защиты, которая тайно сотрудничала с OVRA[2], «гестапо» фашистского режима. Его девиз был: «Религия, семья, родина». Это было далеко от начального социального католицизма...

Экс-директор Братства Святого Пия X умер в 1934 году в полном одиночестве. *L'Osservatore Romano* не написала ни единой строчки по случаю кончины своего бывшего компаньона, который, как бы там ни было, занимал некогда

[1] Периодические европейские издания католического и светского толка

[2] Итал *Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali* — «Орган надзора за антигосударственными проявлениями») — орган политического сыска в Королевстве Италия времен правления короля Виктора Эммануила III

пост заместителя государственного секретаря Ватикана. Тем самым газета будто стремилась придать забвению свое позорное прошлое, отделаться от кошмара. На следующий день после смерти Бенини, о которой в 1959 году вспомнил в *L'Espresso* журналист Карло Фальконι, загадочные посланники государственного секретариата опечатали часть его бумаг, отправив их в секретные архивы Ватикана. Кто это сделал? Загадка. Другую часть архивов неизвестно кому продал брат Бенини. К этому остается добавить, что основную часть своей документации Бенини сжег сам в 1914 году (в начале войны) и в 1921 году (когда была распущена его организация)...

Однако прошлое вновь выплыло наружу после Второй мировой войны. В 1949 году по поводу начала процесса канонизации Пия X дело Братства снова напомнило о себе, затормозив тем самым принятие предварительного документа. Когда Конгрегация по делам святых перешла к рассмотрению вопроса о «героизме добродетелей» будущего блаженного, о Братстве открыто заговорили как о «грехе Пия X». Потрясенный этим Пий XII потребовал дополнительного расследования и заставил исторический отдел Конгрегации обрядов повторно изучить все документы.

Докладчик отец Антонелли, францисканец и будущий кардинал, представил сообщение о поддержке, которую Пий X оказывал Братству. В нем он заявил о своей «абсолютной уверенности в том, что папа, прямота которого никогда не подлежала сомнению, нашел данное образование полезным». За сказанным последовало уточнение редактора: «...и имел основание так считать ввиду статусов и программы, которые не представляли ничего того, чего нельзя было бы одобрить». Еще один способ реабилитировать крайний консерватизм прошлых лет? Или попытка

полностью оправдать Пия X? Сотню страниц своего доклада Антонелли посвятил Бенини. Разумеется, он представил его «невоздержанным», «неосмотрительным», «воинственным и жестоким», но в целом оправдывал его действия, которые тот совершал во имя «благих целей». «Он мог бы занять почетное место среди тех, кто следовал указаниям Пия X», — закончил прелат, снимая таким образом с последнего всякую вину за ошибочное суждение о желчном патроне организации, носившей имя папы.

Пий X был беатифицирован с величайшим почтением 3 июня 1951 года. С тех пор больше никто и никогда в Риме не вспоминал о могущественном некогда тайном обществе.

5

«Папесса» Паскалина

Что за женщина скрывалась в тени Пия XII?

Спасибо тебе, женщина, за то, что ты женщина!

Иоанн Павел II

Рим 13 октября 1958 год. Вот уже два дня в соборе Святого Петра мимо катафалка, на котором покоилось тело папы Пия XII, шел нескончаемый поток людей. В полдень, когда еще десятки тысяч верующих стояли в очереди, чтобы в последний раз поклониться усопшему понтифику, двери собора закрылись. Церемония отпевания проходила в присутствии кардиналов, епископов, священников и многих важных особ. В глубине базилики возле одного из столпов стояли служители почившего папы.

Среди них, затерявшись в толпе, находилась одна монахиня. Почти всю мессу она простояла на коленях и заплакала лишь к концу службы, когда уносили бронзовый гроб, и когда хор Сикстинской капеллы запел *In paradisium*[1]. Этой

[1] Католический псалом.

монахиней была 64-летняя сестра Паскалина Ленерт, самый близкий к усопшему человек, на протяжении сорока лет служившая ему экономкой, доверенным лицом и другом. Когда в Кастель Гандольфо Пий XII испустил свой последний вздох, ее жизнь, казалось, тоже остановилась.

Что с ней будет? Через некоторое время ее принял декан Священной Коллегии кардинал Тиссеран. Ей хотелось еще на несколько дней остаться в апартаментах, которыми она так долго распоряжалась, как будто для того, чтобы еще немного напитаться воспоминаниями о том, кому служила и которого любила на протяжении долгих лет. Она не была уверена, что кардинал декан предоставит ей эту ничтожную привилегию. Говоря по правде, ей было не по себе…

Образцовая монахиня

Паскалина — это ее ненастоящее имя. В действительности монахиню, которая так сильно оплакивала Пия XII, звали Жозефина. Она родилась 25 августа 1894 года на ферме в Эберсберге, сельской местности на юго-востоке от Мюнхена, в сердце музыкальной католической Баварии, где тридцатью годами позже появится на свет мальчик по имени Йозеф Радцингер, которому была уготована не менее необычная судьба.

Ее родители Георг и Мария Ленерт были очень работящими, очень верующими и очень плодовитыми. Жозефина, которую в семье называли «Финель», была седьмым ребенком в семье, состоявшей из шести мальчиков и шести девочек, среди которых Жозефина особой усидчивостью не выделялась. В возрасте 5 лет эта светловолосая малютка с голубыми глазами с удовольствием работала в поле. Стремясь к совершенству и порядку, она хозяйничала в доме, отчего ее ласково прозвали «матушка».

С 9 лет Жозефина мечтала стать монахиней. В 15 лет она изъявила желание уйти в монастырь, однако ее отец, которому тяжело было прокормить семью и который вдобавок к работе на ферме стал еще и почтальоном, не хотел, чтобы дочь ушла в монастырь в столь юном возрасте. Жозефина ждала. Она работала, любила Моцарта, чтение и... мотоцикл своего старшего брата Йохана.

Когда ей исполнилось 18 лет, ни у кого не спросясь, с чемоданом в руке она отправилась в Институт сестер-наставниц Святого Креста, находившийся на Кресцентьяхаймштрассе 43 в Альтенинге недалеко от знаменитого храма Девы Марии. Мать-настоятельница Тарсилла Таннер направила ее в главный монастырь Конгрегации в Менцинген, на востоке от швейцарского Люцерна, где Жозефина стала послушницей.

Обучение было суровым. Келья с соломенным матрасом, подъем в 4 часа утра по звуку колокола, громкие свистки матери-настоятельницы, постриг, пост, постоянное исповедование в маленькой тетрадке и т.д. Кредо сестер было «все для Иисуса». С годами Жозефина обучилась разным хозяйственным наукам и работе медсестры. Как и всех ее соучениц, ее готовили для поездки в качестве наставницы куда-нибудь в Чили или Южную Африку.

В 19 лет Жозефина дала обет бедности, целомудрия и послушания. Отныне она носила имя Паскалина, ибо приняла постриг в разгар Пасхальных праздников. Ее одели в платье из грубой черной шерсти, черный ниспадавший на плечи головной убор с белой подкладкой и белый сжимавший шею, накрахмаленный апостольник. Паскалина была активна, трудолюбива, сознательна. Идеальная монахиня.

Неудивительно, что однажды в декабре 1917 года сестра Паскалина была приглашена к матери-настоятельнице.

Дело было в том, что из Римского государственного секретариата к последней обратились с просьбой командировать на два месяца экономку и кухарку для апостольской нунциатуры в Мюнхене, где только что поселился новый нунций — человек высокого положения, который, как поговаривали, пользовался доверием Его Святейшества. Сестра Паскалина была еще молодой 23-летней девушкой, но с надлежащими качествами... и характером. Она долж-на была справиться.

«Монсеньор, она или мы!»

Новый апостольский нунций был не безызвестной персоной, а 41-летним Эудженио Пачелли, одним из самых блестящих дипломатов Святого Престола, секретарем Конгрегации чрезвычайных церковных дел, непосредственным помощником Государственного секретаря кардинала Пьетро Гаспарри. Пачелли принадлежал к дворянской семье, традиционно близкой Ватикану. Он получил епископский чин 13 мая 1917 года в Сикстинской капелле лично из рук папы Бенедикта XV.

Через пять дней после церемонии монсеньор Пачелли отправился в путь по железной дороге, окруженный особыми привилегиями: личным пропуском, забронированным купе и специальным вагоном, заполненным шестьюдесятью ящиками с книгами и вещами, вызвавшими недовольную гримасу ватиканских финансистов. Прежде чем обосноваться 25 мая в своей мюнхенской резиденции на Бриннерштрассе, он остановился сначала в Лугано, затем в аббатстве Айнзидельна к югу от Цюриха.

На следующий день Пачелли представил верительные грамоты королю Людовику III Баварскому. Но долго в

4 Зак 478

Мюнхене он не задержался, 25 июня 1917 года в сопровождении своего секретаря Лоренцо Шиоппа он отбыл в Берлин для представления во дворце Бад Кройцберга императору Гийому II. Эта поездка, предшествовавшая другому посещению Берлина 24–25 июля, имела очень большое значение: речь шла, ни много ни мало, о том, чтобы после трех лет Мировой войны склонить немецкие власти к прекращению военных действий.

Вполне очевидно, что у Пачелли не было времени заниматься домашними проблемами. Однако предыдущий нунций, внезапно скончавшийся в апреле 1917 года, оставил дом практически в полном запустении. Его молодой преемник, не выносивший беспорядка, приступил к поискам «монахини, способной управлять домом», заставив озаботиться этим материальным вопросом ватиканскую администрацию. Следуя просьбе Святого Престола, мать-настоятельница Менцингена и направила к новому нунцию сестру Паскалину в качестве экономки и сестру Банифацию в качестве кухарки.

Декабрь 1917 год. Мюнхен встретил монахинь царившими в нем нищетой и голодом. Нунциатура представляла собой красивую четырехэтажную виллу из семнадцати комнат. Высокие потолки, кирпичные стены, много воздуха. Это был дворец, выстроенный в классическом стиле, который располагался напротив богатого трехэтажного здания, названного позже «Коричневым домом» *(das Braunes Haus)* по причине появления в нем генерального штаба нацистской партии.

Когда две монахини прибыли в резиденцию, нунция в ней не было: он находился в Риме и вернулся только через неделю. Молодая и красивая Паскалина понимала, насколько сложно ей будет управлять персоналом, состоявшим из

помощника, слуги, повара, метрдотеля, водителя и двух старых монахинь, занимавшихся домашним хозяйством. Властную, неутомимую, требовательную Паскалину тут же все приняли в штыки. Они даже попытались упросить нунция отправить ее назад:

— Монсеньор, или она или мы!

Но Пачелли от принятия какого бы то ни было решения воздержался. Его голова была занята другими заботами: войной, работой, трудностями повседневной жизни, и, тем более, политическим давлением, представлявшим для Баварии серьезную угрозу. Кроме того, нунций чувствовал на себе пасторскую обязанность в личном снабжении лагерей для военнопленных продуктами и лекарствами. Более того, он решил брать частные уроки, чтобы улучшить свой немецкий. Последнее не могло не радовать Паскалину, которая не знала ни одного итальянского слова.

Первые месяцы пребывания Пачелли в Германии полностью истощили его силы. В итоге он заболел. В ноябре 1918 года архиепископ Мюнхена монсеньор фон Фаульхабер посоветовал ему отправиться на альпийский курорт «Стелла Марис» в швейцарский Роршах. Этот чудный дом на берегу озера Констанц иногда принимал на лечение представителей римского духовенства. Он принадлежал Конгрегации сестер-наставниц Святого Креста, той самой, которая прислала нунцию кухарку и экономку.

Для Паскалины это был шанс: что могло быть естественнее, чем сопровождение нунция во время его вынужденного отдыха? Теперь ей намного проще было следить за здоровьем своего господина: измерять ему давление, температуру, следить за его питанием, обеспечивать ему уют. Это была та работа, которую она хорошо знала и которая помогала ей сблизиться с ним, несмотря на то, что он обходился с ней холодно, был неразговорчив и почти не проявлял любезности. Этот таинственный дипломат отно-

сился к обслуживающему персоналу с высокомерием, если не сказать с презрением.

Паскалина ухаживала за Пачелли около двух месяцев. Поправившись, он стал больше улыбаться, хотя однажды утром это не помешало ему уехать, не сказав ей ни слова и даже не поблагодарив, поскольку разговорами он удостаивал одну лишь мать-настоятельницу! К счастью позже у сестры Паскалины появилась другая возможность сблизиться с этим великим человеком...

Нападение большевиков

В конце 1918 года Рейх окончательно проиграл войну. Германия нуждалась в восстановлении власти. Именно это и сделал в Мюнхене 7 ноября социалист Курт Эйснер: свергнув местную правящую династию Виттельсбахов, он провозгласил власть «советов» рабочих и солдат. В феврале 1919 года он был убит, и ему не суждено было увидеть, как большевистская революция захлестнет и перевернет умеренно настроенные власти Баварии, где свирепствовало насилие и население которой по-прежнему было привязано к династии.

Улица перешла в распоряжение экстремистов. Пачелли с ужасом наблюдал за тем, как «спартакисты» под руководством «немецких евреев и русских эмигрантов» вели в городе настоящую войну. В конце февраля 1919 года была провозглашена коммунистическая «республика», а над мюнхенской ратушей взвился красный флаг. Иностранные дипломаты, за исключением апостольского нунция, покидали город. Пачелли остался в нунциатуре в окружении своего секретаря отца Лейбера, водителя и... сестры Паскалины.

21 апреля в 15 часов в резиденцию ворвалась вооруженная группа большевиков-«спартакистов». Они с криком

потребовали, чтобы им передали ключи от служебного автомобиля. Сестра Паскалина, никогда в своей жизни не видевшая револьверов, бросилась выполнять роль посредника, несмотря на предупреждения секретаря, который под натиском угроз вынужден был все же открыть гараж. Появившийся внезапно Пачелли принялся объяснять двум оторопевшим молодчикам, наставившим на него свои револьверы, принцип дипломатической экстерриториальности. Паскалина пыталась дозвониться из резиденции до революционного правительства, однако, дозвонившись, услышала, что автомобиль должен быть «реквизирован»:

— Если вы немедленно не отдадите автомобиль этим людям, вы все будете расстреляны!

По приказу нунция гараж открыли, но машина заводиться отказалась. Тогда реквизиторы остановили на улице какой-то автомобиль и попытались прицепить к нему автомобиль нунция, чтобы отвезти его в ремонт. Напрасно. В итоге, к величайшему всеобщему облегчению, они удалились без автомобиля. Однако ненадолго. На следующий день в резиденции вновь появилась группа большевиков с намерением забрать автомобиль нунция, приказав ему самому незамедлительно покинуть дом. Пачелли удалось сохранить спокойствие. Он заявил, что никуда из резиденции не уйдет. Милиционеры-коммунисты в ярости удалились, поклявшись вернуться.

Но они не вернулись. Пачелли и Паскалина отправились в Роршах, где провели три месяца, оправляясь от пережитого волнения. Они явили собой пример настоящего мужества. Ведь их могли ранить и даже убить. Все здание нунциатуры было изрешечено пулями. Им обоим было очень страшно, но это их и сблизило.

В то время жизнь нунция в Баварии нельзя было назвать спокойной. 3 мая возглавляемая националистическими

«свободными отрядами» контрреволюция свергла коммунистов, поставив во главе правительства генерала Людендорфа. Заметного облегчения это не принесло. Телеграммы, отправляемые апостольским нунцием в Ватикан, были полны пессимизма, порой драматизма: все немцы, включая католиков, были в ярости из-за Версальского договора, обрекшего их на унижение и нищету...

Необычная дружба

Монсеньор Пачелли обзавелся у сестер Святого Креста кое-какими привычками. Так, он регулярно стал наносить визиты в главную резиденцию Менцингена, где всякий раз возглавлял в церкви «великую папскую мессу». Став папой, он начал процесс по беатификации основательницы Конгрегации матушки Бернарды Хаймгартнер. Отныне каждый год нунций проводил свой отпуск на курорте «Стелла Марис» в Роршахе. Сестра Паскалина его сопровождала. Зимой 1921 года они оба катались на лыжах, она в монашеском одеянии, он в сутане. Их отношения стали ближе. Со временем она даже стала оказывать на него влияние, запрещала ему пить слишком много кофе или работать до позднего вечера.

В сущности Паскалина заменила ему мать. Славный дон Пачелли прожил рядом со своей заботливой матушкой до 37 лет, что священнику было совсем несвойственно. Не надо быть великим психоаналитиком, чтобы судить о том, что подобная ситуация не влечет за собой ничего полезного. Однако Бенедикт XV сделал для Пачелли особое исключение ввиду его слабого здоровья. Не стал ничего менять в свою очередь и Пий XI. В феврале 1920 года Вирджиния Пачелли скончалась. Ее сын-дипломат был предупрежден слишком поздно и не видел, как она угасла.

Безутешный Пачелли прибыл лишь на похороны. Для него это стало настоящей драмой.

Экономка, которая начинала больше узнавать Пачелли, опекала его и по-матерински о нем заботилась, осмеливаясь даже давать ему некоторые указания. Ну, разве не заменила она ему мать? Это было бы естественно, конечно, но у 27-летней Паскалины были чудесные глаза и нежная улыбка. Если бы она не была столь очаровательна, то в окружении будущего Пия XII ходило бы куда меньше слухов и сплетен.

Уже не в первый раз прелат сталкивался с женским родом. Будучи еще совсем молодым священником в Риме, он сделался прилежным духовником нескольких конгрегаций для молодых девушек. Его обеспокоенный отец властно положил конец слишком частым общениям Эудженио с загадочной молодой сестрой, его кузиной Марией Терезой Пачелли. Через некоторое время дон Пачелли встретил по распоряжению Пия XI двести девушек из Успенского монастыря, будущих наставниц, которых привезла энергичная мать-настоятельница Мерседес, молодость которой вызвала публичное удивление папы. Эта славная монахиня, дочь испанского дипломата в Риме оказала на будущего папу большое влияние.

Прошли годы. В 1924–1925 гг. Паскалина не являлась больше прислугой, она стала «экономкой, личным секретарем и управляющей». Пачелли полностью полагался на нее, симпатизируя ей настолько, насколько может симпатизировать такой активной девушке далекий от земной любви мужчина. Ей удалось убедить его в необходимости покупки для нунциатуры мотоцикла с коляской, на котором она сама и ездила. Когда некоторые служащие резиденции в своих жалобах на властный характер Паскалины

достигли даже настоятелей ее Конгрегации, Пачелли встал на ее защиту. Он написал матери-настоятельнице слезное письмо, в котором утверждал, что отъезд Паскалины «ввергнет нунциатуру в полнейшее замешательство, как по части хозяйственного, так и по части финансового управления».

В то время к персоналу нунциатуры присоединился один слуга на все руки, некий брат Андреас, присланный к Пачелли отцом-аббатом бенедиктийского аббатства Шейерн на севере от Мюнхена. Он часто занимался приемом посетителей, не делая никакого различия между нищим прохожим и местным архиепископом монсеньором фон Фаульхабером или его секретарем отцом фон Прейзенгом, которые часто навещали нунция. Однажды Паскалина услышала, как Пачелли в доверительной беседе спрашивал у Андреаса, не найдется ли для него места в Шейернском монастыре. Паскалина напрягла слух. Брат Андреас его разубедил, и Паскалина с облегчением вздохнула...

В июне 1925 года Пачелли упросили переехать в Берлин. Так Ватикан стремился поддержать в Германии демократическую власть, нестабильность которой вызывала опасение у всех наблюдателей. Первой в Берлин была отправлена Паскалина. Именно ей, а не какому-нибудь бюрократу в сутане было поручено подыскать резиденцию, отвечавшую желаниям и темпераменту Пачелли. Она нашла большой, но простой дом, окруженный парком, находившийся в спокойном и удаленном от центра квартале, неподалеку от крупного берлинского зоопарка Тиргартен.

Счастливое время

14 июля 1925 года в Мюнхене Паскалина организовала «почетное и торжественное» прощание с нунцием, в пре-

стижном *Odeonsaal*[1] в двух шагах от нунциатуры. Она любила пышные приемы. В прошлом году она, без ведома нунция, подвизалась организовать праздник, посвященный годовщине его рукоположения, занявшись рассылкой приглашений, гирляндами, подарками т.д. Незабываемое воспоминание для всех участников! Отныне она старалась делать так, чтобы приемы нунция стали событием на зависть всему Берлину, включая главу государства и дипломатов.

Пачелли переехал в Берлин 18 августа 1925 года. Его резиденция, в которой Паскалина стала полноправной распорядительницей, располагалась на Раухштрассе, 21. Все такая же требовательная, порой надменная, часто раздражающая, она быстро, как и в Мюнхене, настроила против себя весь персонал. Однако на этот раз все были осторожны, поскольку все знали, что Пачелли ее защищал. Она выказывала своему хозяину безграничное почтение. Всех, кто жил в доме, а также некоторых посетителей она просила тихо разговаривать и надевать обувь на войлочной подошве, чтобы не беспокоить нунция...

Окружение Пачелли поменялось. Его библиотекой ведал прибывший из Мюнхена иезуит Роберт Лейбер. К нему присоединился один из его собратьев отец Августин Беа, ставший вскоре духовником нунция. Местными «столпами» здесь были руководитель христианской партии *Zentrum* монсеньор Людвиг Каас и будущий кардинал, а в то время кюре прихода Сен-Матиас, отец Клеменс фон Гален. Когда Пачелли и Паскалина отправились в Роршах, случилось так, что с ними поехал и Каас. По воспоминаниям Паскалины, его «неиссякаемое чувство юмора» всегда было причиной всеобщего веселья.

---

[1] Оперный театр Мюнхена.

Пачелли отличался большим трудолюбием, однако ему случалось и отдыхать. Он всегда любил плавание. Его мать беспокоилась, когда во время морского отдыха он больше часа купался в открытом море. Помимо плавания нунций занимался еще и верховой ездой в лесах Эберсвальде. Но особенно Пачелли любил классическую музыку. В воскресенье по вечерам, вернувшись с прогулки, он играл с Паскалиной в игру под названием хальма.

Для монахини это было счастливое время. В ее воспоминаниях чувствуется сдержанность, не позволяющая ей изливать свою душу. «Ничто не ускользало от нунция», — с чувством писала она, рассказывая о знаках внимания, которые оказывали нунцию «сестры», т.е. она сама: «...цветок на столе как украшение, призванное украсить его обед». Было очевидно, что Пачелли не тяготился таким вниманием, несмотря на то, что оно вызывало всевозможные пересуды. Никто и никогда не застал их в сомнительной ситуации, но эту необычную дружбу язвительно высмеивали многочисленные сплетни.

К счастью, в те годы в книжных магазинах Берлина не продавали опубликованный в 1909 году популярный роман одного молодого итальянского автора, в то время секретаря рабочего социалистического Синдиката в Тране, в котором рассказывалось о приключениях одного прелата, задумавшего оставить свой сан из-за любви к прекрасной молодой женщине. Автором этого романа, который назывался «Любовница кардинала», был некий Бенито Муссолини.

Страх скандала

Однажды вечером 1929 года в резиденции нунция раздался телефонный звонок. Это звонил Государственный секретарь кардинал Пьетро Гаспарри, который сообщил,

что Пачелли должен вернуться в Рим и что на его место папа назначил его, Пьетро Гаспарри. Пий XI с изменениями согласился. Новость была неожиданной. Нунций положил трубку и, обернувшись к сестре Паскалине, сказал:

— Меня отзывают в Рим, я нужен папе.

Это был самый лучший день в его жизни, но худший момент в жизни Паскалины. Она не могла ехать с ним. Монсеньор Пачелли должен был вернуться в родительский дом, который находился всего в двух шагах от Ватикана, где о нем и его здоровье будет заботиться его сестра Элизабетта, которая знала о существовании Паскалины и осуждала ее. Земля ушла из-под ног монахини. В один момент она почувствовала себя покинутой и униженной.

Тем не менее, именно она занялась его отъездом, его вещами и огромным количеством различной мебели, которую по ее совету и в знак своей признательности преподнесли нунцию немецкие епископы. Эта незамысловатая прусская мебель из дуба и красного дерева впечатляла всех посетителей Пия XII на протяжении всей его жизни. Ах! Если бы молодая немка могла бы стать маленькой и незаметной и спрятаться в одном из этих ящиков!

Он пообещал Паскалине, что скоро вернется. Пачелли сдержал слово. В ноябре 1929 года он неожиданно пригласил ее немного отдохнуть в Роршахе. Но едва они, как в старые добрые времена, встали на лыжи, как Пачелли позвонил сам папа. Монсеньор Пачелли должен был вернуться в Рим, где его ожидало назначение на должность кардинала! Церемония состоялась 19 декабря 1929 года. Двумя месяцами позже он официально принял на себя полномочия Государственного секретаря. Отныне он являлся вторым человеком в католической Церкви. На этот раз, казалось, ниточка оборвалась окончательно.

Паскалина осталась в Берлине. Она решила ждать, будучи уверенной в том, что Пачелли не сможет обойтись без нее. Но те письма, которые она время от времени получала, не давали ей почти никакой надежды. Пачелли писал ей, что скоро поселится в апостольском дворце, рядом с апартаментами папы. Можно ли было представить себе, чтобы женщина, пусть даже монахиня, делила с кардиналом, Государственным секретарем апартаменты апостольского дворца? Тем не менее, она настаивала. Своим красивым почерком и на чудесной бумаге он объяснял ей, что это невозможно, одновременно признаваясь, что ему не хватает ее присутствия. А как могло быть иначе? Ведь она прожила рядом с ним целых двенадцать лет! Она все знала о нем, включая все его слабые стороны. Кто, к примеру, мог знать, что новый Государственный секретарь был эмоционален, молчалив и несколько тщеславен?

Летом 1930 года Пий XI предложил Пачелли сопровождать его в Кастель Гандольфо. Но кардинал отклонил это предложение, решив не менять своих привычек и отправиться на четыре недели в Роршах. Паскалина, естественно, присоединилась к нему. Только на этот раз Пачелли привез с собой молодого американского священника, недавно получившего должность в Государственном секретариате, некоего Фрэнсиса Шпельмана из Бостона, выступавшего одновременно в роли морального поручителя и прикрытия. Паскалина не скрывала своего разочарования. Она злилась, что за ними повсюду ходил этот слащавый, хитрый и угодливый американец. Однако она вняла доводам Пачелли, который официально стал еще и кардиналом-покровителем Конгрегации сестер-наставниц Святого Креста.

Принадлежала ли эта идея Фрэнсису Шпельману? Возможно. Американец был лукав. Он умел казаться незаме-

нимым. Шпельман убедил Паскалину, что он ее союзник, а не враг. Он позаботился о том, чтобы у Пачелли был великолепный американский лимузин, той же модели, что и у Пия XI. Он возил кардинала и его экономку в путешествие по швейцарским, немецким и австрийским долинам. Он понимал ситуацию. Пачелли было 54 года, Паскалине 36 — скандальный возраст. Нужно было, чтобы эти двое больше никогда не появлялись на публике одни. Однажды он услышал, как кардинал извинялся перед ней:

— Я хотел бы, чтобы вы были рядом со мной, но у меня связаны руки!

«Это опять вы, сестра Паскалина?»

Начиная с этого момента, наш рассказ распадается на две версии. Первая отводит главную роль Шпельману, который в Риме из кожи вон лез, чтобы всем угодить, в том числе и папе, ценившему находчивого и непринужденного американца и называвшему его «Монсеньор Драгоценность». Ему удалось убедить Пия XI, что в Ватикан должна приехать экономка Пачелли, как приехали уже его секретарь отец Лейбер, духовник отец Беа и библиотекарь отец Генрих. Шпельман якобы отправился за Паскалиной в канун Рождества на стареньком автомобиле и тайно привез ее прямо во дворец в то крыло, где жила прислуга.

Вторая версия выглядит более пикантной. Согласно ей сестра Паскалина приехала в Рим сама без разрешения своей Конгрегации и убедила Пачелли поселить ее в качестве прислуги у своей сестры Элизабетты Россиньяни. Последняя ее терпеть не могла, но уступила только благодаря настойчивости своего старшего брата, которому ни в чем не могла отказать. В ее глазах Паскалина была «необыкновенно хитрой». Через много лет Элизабетта очень

резко отозвалась о монахине: «Настоящий крест! Терпеть на протяжении многих лет эту женщину было крестом для моего брата!»

Так или иначе, в конце 1930 года Паскалина оказалась в Риме и добилась, чтобы ее пустили в Ватикан. Шпельман, первый американский сотрудник в Государственном секретариате, получил новую должность: он, в прошлом хроникер бостонской газеты *The Pilot*[1], занимался отныне при Святом Престоле связями с прессой. Именно к этой новой службе он и подключил немецкую монахиню в качестве секретаря на полставки, деятельность которой доселе была ограничена кухней. И монахиня принялась размножать коммюнике, готовить мимоходом кофе для журналистов, а вскоре и тайно перечитывать выступления Государственного секретаря. Верный Шпельман очень быстро был удостоен повышения, став в 1932 году помощником бостонского епископа.

Тот факт, что монахиня свободно передвигалась по коридорам апостольского дворца, что она чувствовала себя там как у себя дома, что она была молода и красива, приводил в ярость многих прелатов Его Святейшества. Римская курия была в то время глубоко женоненавистнической. Но чтобы эта женщина вдобавок была еще и близким другом Государственного секретаря! Ежедневным сопровождением чужестранки стали злостные сплетни, ироничное перешептывание и недоброжелательные шутки. Както раз в одном из коридоров, ведущем в ее кабинет, сестра Паскалина остановилась перед одной картиной. За этим созерцанием застал ее врасплох внезапно появившийся какой-то кардинал. Ни слова не говоря прелат кинулся бежать!

---

[1] Официальная газета епархии Бостона. Газета выходит уже 182 года и считается самой старой католической газетой США.

Самыми жестокими к Пачелли (за его спиной, разумеется) были его ближайшие соратники, как, например, один молодой дактилограф и архивариус некий Монтини, выказывавший по отношению к монахине особое презрение. Ни он, ни она, ни кто-либо другой не представлял, конечно, что однажды он станет папой Павлом VI! Характер Паскалины был не из легких, и своим высокомерием, порой авторитарностью, она наживала себе врагов.

Пачелли предостерегал ее, но у него ничего не выходило: Паскалина не была дипломатом, она была прямой и откровенной, с далеко не «ангельским язычком». Она умела шокировать. Однажды несколько кардиналов даже потребовали от Пия XI, чтобы он отослал этого «слугу в юбке». Напрасно. Стареющий папа не имел никакого желания огорчать своего Государственного секретаря, в котором он видел возможного преемника.

Однажды он неожиданно встретил монахиню в коридоре:

— Это опять вы, сестра Паскалина?

Паскалина, представлявшаяся многим жертвой всевозможных нападок, упала перед Его Святейшеством на колени. А он ласково предложил ей оставить дворцовую кухню и вполне легально начать работать у Государственного секретаря:

— Будьте очень внимательны, хорошо заботьтесь о моем дражайшем кардинале!

Вот так, с благословения папы она вне всякой иерархии стала ближайшим сотрудником Государственного секретаря. Экономка, секретарь, глава кабинета, сестра Паскалина не довольствовалась обычным сопровождением Пачелли в его ежедневных послеобеденных прогулках по папскому саду. Она еще проводила отбор посетителей и организовывала его аудиенции, к великому неудовольствию всех

прелатов Курии, не привыкших к тому, чтобы их пускали к начальнику согласно воле и желанию какой-то женщины!

В 1936 году Пачелли был направлен в качестве папского легата в США. Он решил взять туда и свою экономку. Как писала она позже в своих мемуарах, на борт корабля *Conte di Savoie* они взошли «под сенью всевозможных подозрений». Во время этой политической поездки Паскалина и Пачелли, разумеется, друг с другом почти не виделись. Кроме того епископ Бостона, знаменитый монсеньор Шпельман, один из тех, кто отвечал за это путешествие, оказал Паскалине неоценимую услугу, избавив ее от всяческих контактов с журналистами. В конечном итоге маленькая селянка из Эберсберга своей поездкой в Америку осталась довольна.

Вернувшись в Рим, они, как и все в Ватикане, впали в беспокойство по поводу серьезной болезни папы Пия XI. Той зимой Паскалина сказала Пачелли:

— Ваше преосвященство, сегодня я просила Иисуса, чтобы Он сделал вас следующим папой!

Нельзя сказать, что кардинал был этому рад. Его раздражала, порой даже приводила в отчаяние та свобода, которую она позволяла себе по отношению к нему. Так, например, однажды она написала от его имени папе, чтобы тот распорядился по поводу сооружения в соборе Святого Петра престола ее небесному покровителю Святому Иосифу. Когда она стала подробно объяснять причину своего поступка, Пачелли воскликнул:

— Замолчите! Надеюсь, вы обойдетесь без своих указаний?

Женщина в конклаве!

Февраль 1939 года. После смерти Пия XI все взгляды устремились на кардинала Пачелли, как на его возможного

преемника. Конечно, наблюдателями предлагались и другие имена, такие как Тедечини, Шустер, Мармаджи, Мальоне, но ни для кого не было секретом, что Пий XI хотел видеть своим преемником именно Пачелли. В глазах Паскалины эта преемственность была настолько очевидной, что она принялась готовить апартаменты для будущего папы еще до начала конклава! Пользуясь охватившим Государственного секретаря волнением, граничащим с изнеможением, она с апломбом ему заявила:

— Я пойду на конклав и буду рядом с вами.

Мог ли он признаться, что нуждался в ее присутствии? Однако кардинал Пачелли был еще и камерлингом, а это означало, что он имел право влиять на процесс конклава. И потом, каждый кардинал-избиратель был вправе привести с собой своего помощника. В конце концов, зачем ему нужно было искать некомпетентного секретаря, если Паскалина знала все, что ему нужно и могла позаботиться о нем как никто другой? Кто осмелился бы его в этом упрекнуть? Так сестра Паскалина стала первой женщиной в истории Церкви, оказавшейся на конклаве.

Когда кардиналы увидели, как она входит с сумками, полными лекарств, в предназначенную для Пачелли «келью № 13», находившуюся в его же апартаментах, некоторые преосвященства едва не задохнулись от удивления и негодования. На протяжении всего конклава Паскалина оставалась в «келье» своего хозяина, трапезничая там в одиночестве из-за страха перед гневными взглядами членов Священной Коллегии. Во время первой мессы она держалась в глубине часовни св. Полины, но, когда она взяла своего великого господина за руки, к ней обратились взоры всех присутствующих! «Я казалась всем интересным, забавным и отталкивающим животным», — говорила она впоследствии.

Нельзя не согласиться с тем, что ситуация выглядела довольно деликатной. Когда после выборов она незаметно выскользнула из конклава, ее заметил один журналист и заставил сотрудников *Sala Stampa*[1] опубликовать сообщение, без которого они могли бы прекрасно обойтись: «Специальным разрешением Конгрегация Кардиналов (обычно, согласно большинству справочных материалов, и само слово Конгрегация, и ее название пишутся с прописной буквы. — *Прим. пер.*) позволила присутствовать на конклаве матушке Паскалине, чтобы кардинал Пачелли не испытывал нужды в ежедневных жизненно важных для него лекарствах и необходимой заботе».

В четверг 2 марта кардинал Пачелли был избран папой. Третье голосование конклава обеспечило ему 48 голосов, что было намного больше необходимого минимума. В тот же день в 17 часов 29 минут из трубы Сикстинской капеллы вырвался белый дым. Для выбора нового папы потребовалось менее двадцати четырех часов. Это был рекорд. Паскалину, о которой в тот момент все позабыли, переполняли радость и гордость. Она столько молилась за это! Возможно, она единственная заметила тогда, что Эудженио Пачелли стал папой в день своего шестидесятитрехлетия.

Вечером, поднимаясь к себе на четвертый этаж, она еще плохо понимала, что человек, которого она должна была там увидеть, стал наследником святого Петра и главой Католической Церкви. Когда обессиленный Пачелли добрался до своих пенатов, он позволил себе даже немного юмора:

— Вы видели, сестра, что они со мной сделали!

Она опустилась перед ним на колени:

---

[1] Итальянский пресс-центр.

— О, Святой Отец, я просила Иисуса помочь вам стать хорошим и сильным папой…

Он поднял ее и, взяв за обе руки, добавил:

— Спасибо, сестра, за вашу силу и преданность!

Паскалина разрыдалась.

«Немецкий генерал»

Если верить воспоминаниям всех ее современников, сестра Паскалина управляла папским домом железной рукой, наводя ужас на трех других монахинь из папской прислуги. О ней отзывались как о «вспыльчивой, деспотичной и до ужаса откровенной». Ее награждали различными прозвищами, которые редко отличались доброжелательностью и среди которых особенно фигурировали «папесса» и «немецкий генерал». Но более всего ее критиковали за невероятно наглую (а, может, просто бессознательную) манеру посредничать между кардиналами курии и своим выдающимся патроном.

Так, монахиню сильно раздражал кардинал Тиссеран, у которого не было обычая держаться перед папой с почтением. Она не выносила манер Тиссерана, его ног на письменном столе, сигары во рту и грубых словечек. Он не стеснялся даже перед Святым Отцом называть Гитлера «сыном потаскухи»! 25 июля 1943 года Тиссеран вбежал в апартаменты папы, который в тот момент, стоя на коленях, перебирал четки, и, опьянев от радости, завопил:

— Хорошая новость, Ваше Святейшество! Этого бастарда Муссолини король упек в тюрьму!

Для Паскалины это было уже слишком, она поднялась … и наотмашь ударила его по лицу! И Тиссеран, и папа были ошеломлены. Покраснев, Тиссеран вышел из комнаты, бормоча:

— Вот, что бывает, когда в мире мужчин появляется женщина!

Тиссеран остался на всю жизнь ее врагом. Смущенный папа однажды заметил монахине:

— Матушка Паскалина, вам следует научиться относиться с большим уважением к пурпурному цвету!

Во время войны Пий XII учредил Папскую комиссию для оказания гуманитарной помощи нуждающимся. Он попросил Паскалину заняться его личным «резервом», представлявшим собой частный склад, куда поступали бесчисленные подарки, присылаемые папе, и которым он намеривался воспользоваться для оказания помощи жертвам войны, голодающим, укрывшимся в монастырях несчастным беженцам и военнопленным...

По-прежнему активная Паскалина без колебания могла сесть за руль, чтобы доставить продукты питания в ту или иную Конгрегацию, в тот или иной монастырь в окрестностях Рима. Это дело очень быстро приобрело широкий размах. Помимо всего прочего оно заключалось еще и в снабжении священников римской епархии, испытывавших нехватку чаш, дароносиц и другой церковной утвари. Паскалина возглавляла небольшой отряд монахинь, успешно выполняя возложенную на нее задачу.

Чем старше становился Пий XII, тем больше он нуждался в Паскалине. Уже давно ее роль выходила за рамки службы простой экономки. Она занималась здоровьем папы больше, чем его официальный врач Галацци-Лизи. Именно она составляла его меню и выбирала пластинки с классической музыкой, которую он любил слушать за работой. Именно она занималась его птицами. Кроме подаренных ему в 1936 году американским кардиналом двух

канареек в клетке, Пий XII держал у себя еще нескольких кенарей, зеленушек и снегирей, которым Паскалина дала немецкие имена: Гретхен, Хансель и Гретель, Ганс и т.д.!

Она помогала ему «проверять» некоторые его речи и подсказывала темы публичных выступлений. Паскалина как посредник папской переписки получала очень много писем и властно распоряжалась его расписанием. Она обладала влиянием, достоверность которого проверить теперь практически невозможно. Правда ли, что, к примеру, после смерти Государственного секретаря кардинала Мальоне именно Паскалина посоветовала Пию XII никем его не заменять, чтобы быть самой его личным Государственным секретарем?

Она была одновременно и свидетелем, и жертвой внутренних разделений Курии, возраставшей враждебностью между папой и кардиналами, с которыми он больше не советовался и для которых она со временем стала козлом отпущения. Тиссеран, Монтини, Тардини ее терпеть не могли. Однажды, когда Пий XII должен был принять патриарха Венецианского кардинала Ронкалли, она заставила последнего ждать целый час, занявшись приготовлением непредвиденной аудиенции для находившегося проездом в Риме актера Кларка Гейбла! Будущий Иоанн XXIII был этим глубоко шокирован.

Однажды два американских журналиста передали диалог между Тиссераном и главой Конгрегации Священной Канцелярии кардиналом Оттавиани:

— Эта женщина — главная причина наших несчастий!

— Хотите, мы ее повесим в главном приделе собора Святого Петра?

Конец эпохи

24 июля 1958 года Пий XII и его экономка покинули Ватикан и поселились в Кастель Гандольфо. 82-летний папа был уже болен. Ему больше никогда не суждено было вернуться в Рим. Последние недели Пия XII были тягостными. Паскалина как никогда следила за его состоянием, ей помогали две другие немецкие сестры: кухарка Мария Кармела и одевавшая папу сестра Эвалдис. Она приказала мажордому Марио Стоппа сократить число аудиенций. Она же принесла больному граммофон, благодаря чему он мог иногда слушать классическую музыку. Она бегала за доктором всякий раз, когда у него кружилась голова или когда он терял сознание. Она понимала, что конец близок. 6 октября папа еще раз появился на балконе, чтобы благословить верующих. Вернувшись к себе, он упал в кресло и со вздохом признался:

— Я больше не могу!

Пий XII скончался 9 октября в 3 часа утра. Вокруг его смертного одра, возле которого рыдала Элизабетта, сестра усопшего понтифика, суетились его племянники Карло, Маркантонио и Джулио, а также еще полдюжины кардиналов и прелатов. Там же, конечно, была и Паскалина. Она держалась стойко, не плакала. Все искоса поглядывали на нее. Каждый понимал, что в момент смерти Пия XII она лишилась своей власти, статуса и, возможно, самого своего существования. Она распорядилась поставить и зажечь по четырем углам кровати высокие свечи, приказала гвардейцам выстроиться по обе стороны от тела по стойке смирно с обнаженными шпагами...

Это было ее последнее распоряжение. Декан Священной Коллегии кардинал Тиссеран быстро взял инициативу в свои руки. Когда она хотела склониться, чтобы снять с руки

умершего папы «кольцо рыбака», Тиссеран бесцеремонно ее опередил. Став на колени, он сам снял перстень и затянул *De profundis*[1]. Она ничего не смогла сделать, когда доктор Галеацци-Лизи, который еще накануне боялся ее, приступил к плохо подготовленному бальзамированию, обернувшемуся впоследствии катастрофой.

Перед отправкой кортежа в Рим для Паскалины не нашлось места в официальном автомобиле, и она вынуждена была ютиться в машине, до отказа набитой прислугой. С наступлением ночи она, ужасно уставшая, приехала в Ватикан. Через толпу, которая окружала выставленный в соборе Святого Петра гроб, невозможно было пробиться. Паскалина попыталась дозвониться до своего единственного друга кардинала Шпельмана, но, к несчастью, он летел в это время в Рим. На следующий день она поспешила к нему, но американец не смог ничем ей помочь: он тоже потерял то влияние, которое обеспечивала ему дружба с папой. Паскалина ушла.

Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой.

***

Во второй половине дня 13 октября 1958 года после похорон Пия XII сестру Паскалину вызвал к себе кардинал Тиссеран. Он принял ее в своем огромном роскошном кабинете.

— Сестра, — сказал он ей, — вы хорошо понимаете, что во дворце вы больше не нужны и присутствие ваше нежелательно...

— Я покину дворец...

Ей удалось сохранить свое достоинство и хладнокровие, несмотря на горе, страх и усталость.

---

[1] Христианский псалом «Из глубин я воззвал к Тебе, Господи».

— Я прошу у Вашего Преосвященства дать мне несколько дней на сборы. Я прошу также позволить взять мне коечто из вещей Его Святейшества, которые мне особенно дороги...

— Сестра, вы должны уехать до вечера, таково желание кардинальской коллегии. Вы хотите взять что-нибудь из вещей Его Святейшества? В таком случае я прошу вас забрать его птиц...

Паскалина побледнела. Она встала, изобразила поклон и, не говоря ни слова, удалилась.

В 19 часов того же вечера монахиня покинула Ватикан через ворота Святой Анны, получив свое месячное жалование, которое в пересчет на современные деньги составляло примерно 100 евро. Ее ждало такси, которое отвезло ее в папскую североамериканскую семинарию, где заботливый Шпельман подготовил для нее пути отступления. С собой она увезла два чемодана и две клетки с птицами.

Сестра Паскалина Ленерт скончалась в 1983 году, немного не дожив до своего 90-летия.

6
Нацистский след

Способствовал ли папа бегству нацистских преступников после 1945 года?

Если Гитлер выиграет эту войну, европейскому христианству придет конец!
Пий XII

Июль 1946 года. Война закончилась. Переодетые в гражданскую одежду два немецких солдата, минуя пригороды и деревни, через Умбрию, Апеннинские долины и Латиум, пешком пробирались в Рим. Это были некие Фютлинг и Веркерпер. Им удалось сбежать из лагеря в Римини, расположенного на побережье Адриатического моря, в котором гнили около 60 000 немецких и итальянских военнопленных, содержавшихся под наблюдением британских оккупационных властей. Оказавшись в Риме, двое мужчин растворились в толпе и пустились на поиски таинственных контактов. Но они не знали, что за ними неотступно следовали два агента ЦРУ.

Беспокоились ли беглецы о спасении своей души, неизвестно, однако они вошли в католическую церковь, расположенную в центре Рима, и попросили о встречи со священником. Чтобы исповедаться? Маловероятно. Вскоре они вышли оттуда и на несколько дней исчезли из виду, отбыв затем в северном направлении. Два американских агента следовали за ними по пятам. Им удалось обнаружить, что в Генуе беглецы получили паспорта Красного Креста, денежную сумму в 20 000 лир и два письма с маркировкой Ватикана и итальянского Красного Креста. Дальше они не пошли. Они знали, что немцы непременно сядут на корабль, идущий в Южную Америку, где с помощью многочисленных организаций ветеранов Рейха смогут начать новую жизнь.

В своих отчетах два американских разведчика сообщили одну волнующую деталь: большинство немецких беглецов и бывших солдат Рейха руководствовались советом:

— В Риме идите в церковь Санта-Мария-дель-Анима, что за пьяцца Навона, и спросите монсеньора Худаля...

Немецкое окружение папы

Епископ Алоис Худаль был хорошо известен в немецких кругах Рима, являясь для них кем-то вроде духовника. На протяжении пяти веков его церковь служила пристанищем для всех немецкоговорящих путников. В итальянской столице было много немецких и германофонских кружков часто католического вероисповедания, не имевших ничего общего с перемещениями, вызванными Второй мировой войной.

Странным было то, что первая из этих сетей находилась в кулуарах апостольского дворца, являя собой окружение самого папы. Когда Пий XI в 1930 году назначил его

Государственным секретарем, монсеньор Эудженио Пачелли, будущий Пий XII, пригласил в Рим команду своих сотрудников, набранную им для Мюнхенской нунциатуры и последовавшую в 1925 году за ним в Берлин. Все они были немцами, начиная с личного секретаря Эудженио Пачелли отца Роберта Лейбера, экономки сестры Паскалины Ленерт и бывшего главы католической партии *Zentrum* монсеньора Людвига Кааса, ставшего впоследствии одним из личных советников Пия XII, которому для придания особого статуса, Пий XII доверил администрирование собора Святого Петра. Что же касается его духовника отца Августина Беа, провинциала из немецкого Общества Иисуса, то он стал одним из выдающихся библеистов Рима.

Эти люди сохранили в Германии многочисленные контакты, включая связи с епископами и политиками, благодаря чему Пий XII мог лично следить за политическим развитием Рейха, его набиравшим силу полицейским репрессивным режимом и за воинственными поползновениями его фюрера. Он смог также сохранить несколько тайных связей с немецкими руководителями, которые неоднократно оказывали ему большую услугу, особенно когда папа вступил в заговор против Гитлера весной 1940 года, или когда нужно было проверить слухи о его похищении войсками СС летом 1943.

Однако это германское окружение навлекало на Пия XII немало сарказма — некоторые газеты прозвали его «немецким папой» — и злостных подозрений: не слишком ли он симпатизировал немецкому народу? Не был ли связан с подозрительными личностями? Не потому ли он не решался осудить Холокост, а после падения Рейха якобы способствовал сокрытию некоторых гитлеровских чиновников и нацистских преступников?..

Дипломаты, полицейские и шпионы

Во время войны главная «германская» сеть циркулировала вокруг двух представительств Рейха в Италии и Ватикане. С 1939 по 1943 годы главным собеседником курии выступал посол Диего фон Берген, друживший с папой Пием XII еще со времен Первой мировой войны. В то время, когда монсеньор Эудженио Пачелли был еще нунцием в Берлине, сотрудник Министерства иностранных дел Германии фон Берген отвечал за отношения с Ватиканом. В 1933 году они вместе трудились над составлением конкордата. Папа прекрасно знал, что посол, как и многие немецкие дипломаты, не слишком благоволил к нацистам, к их жестоким методам и их мании завоеваний.

В июле 1943 года Диего фон Бергена сменил Государственный секретарь Министерства иностранных дел Рейха Эрнст фон Вайтцзеккер, который также не сочувствовал нацистам, но который был патриотом. Вайтцзеккер являлся убежденным сторонником мирных переговоров с союзниками, будучи уверенным в том, что грамотным посредником в них мог выступить только Ватикан. Поэтому в своих докладах он постоянно минимизировал предубеждения Пия XII в отношении гитлеровской Германии...

Помимо дипломатов в Риме, особенно после оккупации города летом 1943 года, трудились также полицейские и шпионы. Сначала это были офицеры гестапо во главе с оберштурмбанфюрером Гербертом Каплером, фанатичным нацистом, носившим на пальце медный перстень с черепом и свастикой. В помощниках у Каплера ходили другие фанатики: Йозеф Рот, Гельмут Лоос, Теодор Данекер, Карл Вольф, благодаря которым одно здание на виа Тассо, 20 превратилось в место, внушавшее ужас всем горожанам. И, наконец, военная разведка абвер под руко-

водством полковника старой школы Отто Гельфериха, различные соратники которого, такие как Пауль Франкен, Вилем Менен и т.д., в большинстве своем скептически относились к национал-социалистической идеологии.

Эти разнообразные, постоянно соперничавшие друг с другом «организмы» в ходе выполнений своих миссий пересекались иногда с секретными агентами из Министерства иностранных дел, такими как Гарольд Фридрих Лейтер-Яспер или Карл фон Клемм — Хохенберг, а также представителями нацистской партии NSDAP под управлением Мартина Бормана: с «дипломатом» Людвигом Веммером, командированным в ватиканское посольство, чтобы следить... за послом, которого считали неблагонадежным! Взаимные, порой убийственные, кляузы и доносы сильно вредили эффективности всех этих служб. Тем более, что все они стремились не к проникновению в тайны Ватикана, а к тому, чтобы все их планы, записи и анализы легли на стол фюреру!

Предвидели ли все эти более или менее секретные конторы и службы грядущее поражение? Не готовили ли они себе тайно в Риме пути отступления? Что самое удивительное, нет. Почти все представители Рейха спешно покинули Рим в июне 1944 года после высадки на Сицилии союзнических войск. Пути отступления за границу проложили не дипломаты и не шпионы. Кроме двойных и тройных агентов и журналистов с подозрительной репутацией единственными остававшимися в Риме немцами были представители духовенства, пользовавшиеся международным и автономным статусом Ватикана, оговоренным в Латранском договоре 1929 года.

В Вечном городе насчитывалось три немецких колледжа. Наиболее известным из них, основанным еще в XIV веке и

служившим в Риме немецким приходом, был колледж Санта-Мария-дель-Анима, расположенный рядом с пьяцца Навона. Помимо него был еще германо-венгерский колледж, названный «Германикум», который располагался на виа Сан Никола да Толентино и которым руководил иезуит Иво Цайгер. И, наконец, «Тевтоникум», являвшийся одновременно и колледжем и хосписом, находившийся на территории самого Ватикана, а потому пользовавшийся экстерриториальными правами. Персонал этих колледжей, состоявший главным образом из немцев и немногих австрийцев и венгров, редко отличался фанатичностью. Правда, в начале войны к нацистам был очень близок вице-ректор «Тевтоникума», но в 1940 году его «отозвали» в Германию. Большая часть других руководителей, священников, преподавателей и сотрудников предусмотрительно соблюдали нейтралитет.

Таинственный монсеньор Худаль

Тем не менее, был один человек, составлявший исключение из общего правила: ректор колледжа Санта-Мария-дель-Анима монсеньор Алоис Худаль, священник, австриец, никогда не скрывавший своей симпатии к нацизму, за что был прозван «коричневым епископом». С приходом Гитлера к власти в 1933 году Худаль уверовал в то, что его исторической миссией являлось объединение «христианства» и «германства» и примирение Церкви с нацистской властью, которую, по его словам, сбили с пути ограниченные и невежественные противники христианства...

Отец Худаль, человек невысокого роста, сын торговца обувью из Граца, ставший в 1908 году священником, а в 1914–1918 гг. капелланом, был назначен в 1923 году ректором колледжа Санта-Мария-дель-Анима, который в то

время искал австрийского священника. Германоязычных прелатов в Риме было очень немного, поэтому нет ничего удивительного в том, что Худаль стал консультантом Конгрегации Священной Канцелярии и номинально был удостоен почетного епископского звания. И тем более нет ничего удивительного в том, что церемонию возглавлял страстный германофил бывший берлинский нунций монсеньор Пачелли. Разве не был Государственный секретарь Пия XI после смерти своего далекого предшественника Мерри дель Валя «покровителем» колледжа Санта-Мария-дель-Анима? И, наконец, ничего удивительного нет в том, что австрийский епископ Худаль присутствовал в 1934 году на переговорах, которые проводил Ватикан с целью заключения конкордата с Австрией.

Ситуация обострилась лишь в 1936 году. В тот год монсеньор Худаль опубликовал книгу под названием «Основы национал-социализма», в которой единственной критикой нацизма было его отклонение от христианства. Худаль являлся не единственным австрийским священником, склонявшимся на сторону Гитлера и поздравившим себя в 1938 году с аншлюссом. По этому поводу высказывался даже кардинал Венский примас Теодор Инницер! Однако его взгляды расходились с позицией папы Пия XI, который в энциклике *Mit brennender Sorge*[1] в марте 1937 года категорично осудил нацизм, а год спустя властно призвал к порядку кардинала Инницера. Когда Худаль опубликовал свою знаменитую книгу, *L'Osservatore Romano* уточнила, что «никакие римские власти его на это не подвигали».

В действительности до 1945 года Худаль никакого политического влияния не имел. Прежде всего, его собственные

---

[1] Энциклика Пия XI, содержащая критику расизма и других аспектов нацистской идеологии.

помощники были враждебно настроены по отношению к Гитлеру, отказавшись даже украшать нацистским флагом фасад церкви в честь визита фюрера в Рим в 1938 году. Папа этот визит открыто бойкотировал. Наконец, Худаля, с его небезызвестным мнением все остерегались, особенно в окружении Пия XII, которое бдительно, а порой даже чрезмерно скрупулезно, следило за сохранением сакрального ватиканского «нейтралитета».

Помимо трех перечисленных институтов в Риме находились и другие немецкие деятели церкви, прелаты и епископы, связанные с международными конгрегациями и курией. Среди таковых были: баварец монсеньор Йоханнес Шёнхёффер, член Конгрегации Пропаганды, монсеньор Пауль-Мария Криг, капеллан швейцарских гвардейцев (состоящих главным образом из всецело преданных папе швейцарских немцев), отец Августин Майер, бенедиктинский монах, преподаватель иезуитского колледжа Сан Ансельмо, близкий к нацистам отец Панкратиус Пфайффер, главный настоятель Общества Божественного Спасителя, и некоторые другие.

Большинство из них совершенно не симпатизировали гитлеровскому режиму, но они были немцами. Некоторые, особенно из пожилых, те, кто пережил поражение 1918 года и версальское унижение, отличались патриотизмом, граничащим с национализмом. Наиболее активные стали осведомителями добровольно, другие — по принуждению. Многие спрятались за пасторскую и литургическую деятельность. Этот перевернутый, расколотый войной мирок (немецкие войска заняли Рим только после отстранения Муссолини в 1943 году) колебался и выжидал.

В толпе беженцев

После падения Рейха в апреле 1945 года началась совсем другая история. История военнопленных, беженцев, дезертиров, переселенцев, миллионами блуждавших по разным странам, таким как Австрия или Италия, разоренных войной, травмированных поражением, разделенных чисткой, оккупированных победителями и надломленных временными институтами.

В Ватикане возникла необходимость оказания помощи всем этим миллионам несчастных, блокированных в лагерях беженцев. Естественно, без различия языка и национальности. В таких условиях не всегда можно было отличить настоящих беженцев от скрывавшихся нацистов. Большинство из этих несчастных часто справедливо называли себя жертвами нацизма или коммунизма. Но сколько среди них было бывших военных преступников, бывших нацистов и фашистов, бывших коллаборационистов из оккупированных стран, агентов, подпольных коммунистических агитаторов, мощных реваншистов, не говоря уже о дезертирах, спекулянтах и других подобном им нажившихся на войне элементов?

Папа лично позаботился об учреждении Комиссии по оказанию помощи, попечение о которой было возложено на субститута монсеньора Монтини, будущего Павла VI. Именно Монтини еще в сентябре 1939 года папа поручил работу «информационного бюро», призванного информировать семьи о пропавших без вести, военнопленных, беженцах, гражданских жертвах военных действий… С этой целью Святой Престол вел серьезные переговоры с главами воюющих государств (от участия в которых Рейх всегда отказывался) о предоставлении представителям понтифика права посещать лагеря, как в Италии, так и за ее

пределами, наравне с представителями международного Красного Креста. Так, отделение Красного Креста в Генуе имело полномочия изготовлять и выдавать временные удостоверения личности, сталкиваясь при этом с той же проблемой идентификации «жертв». Такова была судьба всех гуманитарных организаций, в том числе и сугубо католической Каритас Интернационалис, руководитель которой Карл Байер признался позже:

— Ситуация была настолько хаотичной, что ошибки и промахи были просто неизбежны!

В ноябре 1944 года Святой Престол обратился с просьбой к союзническим войскам о наделении руководителей папской Комиссии помощи правом посещения всех лагерей. Оккупационные власти никаких препятствий для этого не чинили, требуя лишь, чтобы эти визиты проходили в рамках гуманитарного и религиозного общения. 2 декабря такая же просьба поступила касательно лагерей германоязычных беженцев. 19 декабря прошение было удовлетворено. Американцы и англичане не возражали. Они даже не возмутились, когда увидели фамилию священника, которому надлежало свободно посещать находившиеся вне Рима лагеря немецких военнопленных: это был наделенный служебным паспортом некий монсеньор Худаль. Ректор колледжа Санта-Мария-дель-Анима не украшал больше свою машину гордым флагом Великой Германии, заменив его маленьким флажком с австрийскими цветами...

Нацистская сеть

Бывшие нацисты, разумеется, не откладывали на потом организацию собственных путей отступления. Такие «беженцы» и уходили через Австрию в Италию через перевал

Бреннера, останавливаясь в замке Мерано. Мало у кого из них совесть была чиста. Замок принадлежал бывшему члену СС группы Вендих, изготовившему миллионы фальшивых банкнот, ходивших в причастных к его деятельности банках либо банках с недостаточным контролем. Эти банкноты серебром и фальшивыми бумагами попали через Тревизо в Милан, затем и Генуя, откуда отправились в Южную Америку (Аргентину, Парагвай, Чили) и на Средний Восток (Египет, Сирию, Ирак).

Известно, что сотни, возможно, тысячи бывших эсэсовцев смогли скрыться благодаря организации *Die Spinne* («Паук») Отто Скорцени, сети *Sechsgestim* («Созвездие Шести»), *Kameradenwerk*[1] пилота Ганса Ульриха Руделя и некоторым другим, как, например, знаменитой «Одессе», воспетой романистом Фредериком Форсайтом в 1972 году в произведении «Досье “Одесса”. Однако эти сети породили великое множество шпионских романов, восстановить историческую достоверность которых сегодня бывает очень сложно. Британские службы называли такие организации *ratlines* по аналогии с веревочными трапами, облегчающими эвакуацию с корабля во время его крушения...

Таких как два никому не известных военнопленных по фамилии Фютлинг и Веркёрпер, сбежавших из лагеря в Римини, были тысячи. Этим двоим так и не удалось попасть в Латинскую Америку. Они были арестованы перед самым отплытием и никогда не узнали, был ли их побег спланирован американскими секретными службами, которые стремились больше разузнать о путях переправки бывших нацистов в Южную Америку, или нет. Тем не менее, их поступок дополнил собой расследование, которое вел американский агент Винсент Ла Виста, работавший

---

[1] Сеть бывших эсэсовцев.

в Риме на Государственный департамент. В то время Ла Виста как раз завершил свой внушительный доклад и 15 мая 1947 года отправил его в Вашингтон. Этот документ произвел эффект разорвавшийся бомбы. Конечно, его расследование, прежде всего, было направлено на выявление сионистских и коммунистических нелегалов, однако Ла Виста ясно указал в своем отчете на причастие Ватикана к бегству бывших нацистских преступников!

Летом 1947 года за слишком лояльного к бывшим преступникам Рейха «немецкого папу» взялась итальянская пресса. Разве не с благословения Католической Церкви из сетей правосудия уходила вся эта «крупная рыба»? Разве смог бы без помощи монсеньора Худаля уйти с паспортом Красного Креста в Сирию бывший начальник лагеря смерти Треблинки Франц Штангль, а вместе с ним и бывший начальник концлагеря Собибор Густав Вагнер? А также убийца евреев в Салониках, бывший начальник лагеря Дранси Алоис Бруннер и Вальтер Рауф, ответственный в 1941 году за начатую Гиммлером программу знаменитых передвижных газовых камер *Gazwagen*?

Согласно свидетельству «охотника за нацистами» Симона Визенталя, помощью Каритас, а, иначе говоря самой Церкви, мог воспользоваться и главный организатор Холокоста Адольф Эйхман, чтобы отплыть в Геную, а затем и Южную Америку с документами на имя некоего «Клеменса». На процессе по поводу Эйхмана в Иерусалиме в 1961 году Визенталь не предоставил своим словам никаких документальных подтверждений. Бытует мнение, что на вопросы католического историографа Роберта Грэма епископ Худаль позже ответил так:

— Не знаю, я помогал многим людям. Возможно, среди них оказался и Эйхман, он не сообщил своего настоящего имени...

В то время все было непросто. Каждый случай требовал особого разбирательства. Разве не подозревали ломбардийскую коммунистическую партию в том, что она помогла сбежать вышеупомянутому Вальтеру Рауффу, экс-руководителю северной Италии в 1943 году, взамен на его картотеку фашистских активистов Миланского региона? А ведь эта сомнительная гипотеза не имела ничего общего с действительным положением вещей. Все бывшие нацистские руководители владели скандальной информацией и взрывоопасными секретами, которые сделали их бесценными, когда наступило время платить по счетам. Оставалось лишь узнать, кто кем был на самом деле.

Судьба усташей

Существовала и другая, очень похожая на пути отхода бывших нацистов сеть, принадлежавшая хорватским националистам усташам, принявшим нацистскую идеологию после того, как весной 1941 года Гитлер предоставил им в составе Югославии политическую автономию, к которой они так сильно стремились. Ослепленные национализмом, эти борцы за независимость превратились в фанатиков, способных к насильственному обращению в другую веру всех православных, живших на территории их автономии. Ради «очищения» своего марионеточного государства многие из них готовы были тысячами уничтожать сербов и евреев.

Во главе этого «Независимого государства Хорватия» стал Анте Павелич, один из основных военных преступников XX века. В мае 1945 года, когда власть в Югославии перешла в руки маршала Тито, Павелич бежал в Загреб, смешавшись с толпой хорватских беженцев, стремившихся через Словению добраться до Австрии. Там его следы

теряются. Может, он укрылся в монастыре Клагенфурт? А может, получил приют у своих сообщников в Риме? Возможно, ему предоставил кров и ложные документы какой-нибудь римский монастырь, а в 1947 году препроводил его в Геную, где он сел на корабль и отбыл в Буэнос-Айрес...

Вполне правдоподобная версия. В Риме на виа Томачелли есть церковь и монастырь, принадлежащие братству Сан Джироламо (святого Жерома). Его секретарь отец Крунослав Драганович играл для хорватской диаспоры ту же роль, что и монсеньор Худаль в Риме для немецкой. Родился он в Боснии, был секретарем католического епископа в Сараево, а с 1932 года работал в Риме. «Крепкий и стройный, всегда в безупречной сутане» прелат был знаком со многими людьми, отчего порой пресса называла его «серым кардиналом Ватикана».

Драганович делегировал «хорватский Красный Крест», о котором ничего не знали в женевском представительстве CIRC[1], но который позволял получать у итальянской полиции временные паспорта. С конца 1944 года он являлся активным членом папской Комиссии помощи и, так же как и Худаль, обладал пропуском для посещения лагерей военнопленных. В мае 1945 года он побывал в хорватских лагерях Клагенфурта, Виллаха и т.д. В Генуе же беженцам помогал отбыть в Латинскую Америку подобный Драгановичу бывший военный капеллан отец Карло Петранович. Разумеется, не все эти беглецы были военными преступниками, как показывает, например, случай актрисы За За Габор...

Именно благодаря этой сети удалось избежать справедливости многим бывшим усташам, таким как отец Драгутин Камбер, которого обвиняли в духовном покровитель-

---

[1] Международный комитет Красного Креста.

стве убийству сербов в Дободжe; Любо Милош, один из организаторов жуткого убийства в Язеноваке; Вилим Цецель, бывший второй капеллан усташской милиции; а также бывшие министры Хефер, Старшевич и Вранчич, которым удалось сесть на борт корабля *Philippa* и встретить в Буэнос-Айресе половину правительства знаменитого «независимого государства Хорватия» с Павеличем во главе!

В переданных 18 мая 1947 года в американское посольство в Риме досье Драганович опровергает участившиеся против него обвинения: «Чиновник, даже самого высокого уровня, или член правительства усташей не обязательно должен быть военным преступником». Внимание своих американских собеседников он особенно акцентировал на том, что никогда и никого не решился бы отправить в Югославию для предания коммунистическому правосудию маршала Тито — аргумент, к которому в Соединенных Штатах были особенно чувствительны.

Против коммунизма все едины

Непонятное, порой противоречивое поведение союзнических держав объяснялось навязчивой идеей коммунизма. Это стало особенно заметно после 1947 года с началом «холодной войны» и появлением «железного занавеса». Когда для Вашингтона коммунизм стал явным врагом, многие американские чиновники, особенно в ЦРУ, решили, что любой антикоммунист, пусть даже преступник или бывший коллаборационист, превращается в данной ситуации в хорошего и верного союзника. Эту неожиданную карту в полную силу разыграли многие влиятельные лица из бывшего состава Рейха с целью сообщения определенной информации в обмен на безнаказанность.

Американские секретные службы, доклады которых, прочитанные пятьдесят лет спустя, свидетельствуют о необычайной наивности, отличали союзников от друзей по упрощенной схеме: поскольку бывшие нацисты и усташи сражались с коммунистической властью, они были не так уж и плохи. Еще лучше было то, что в глазах американцев они представляли собой советников и активистов в только что начавшейся войне цивилизаций. Сколько же маргинальных и неконтролируемых групп, возглавляемых возбужденными и неорганизованными изгнанниками из восточной Европы, смогли с избытком воспользоваться после 1947 года благосклонностью нового ЦРУ?

Так, доклад Ла Виста, на который агент затратил столько усилий, ни к какому решению не привел. Поразмыслив, руководители Государственного департамента пришли к выводу, что не следует принимать во внимание предполагаемую причастность Ватикана ко всем эксфильтрационным сетям. Официально такое решение зиждилось на том, что Ла Виста не представил никаких доказательств. В действительности же США сочли, что не стоило ссориться с Пием XII, которого они считали своим главным союзником в борьбе против коммунизма.

Коммунизм — вот настоящий враг! В Ватикане не стали дожидаться 1947 года для того, чтобы решить, что главную опасность для Европы и христианства отныне представлял не нацизм, а «атеистический коммунизм». Папа Пий XII, так же как и его предшественник Пий XI, с ужасом следил за продвижением марксизма-ленинизма в России, а также в центральной Европе и даже на Западе, где, по примеру Италии, стремительно разрастались партии, тяготевшие к Ленину и Сталину. На его письменном столе скапливались свидетельства, повествовавшие о коммунистическом тер-

роре, искоренении религии, убийствах епископов и священников, ссылки в ГУЛАГ тысяч верующих...

Как только на основании заключенного в Ялте в феврале 1945 года соглашения Красная Армия распространила советский режим на территории «сателлитов» СССР, свидетельства о положении Церкви на Украине, в Польше и Венгрии приобрели ужасающий характер. 22 февраля 1946 года Святой Престол адресовал Государственному департаменту и *Foreign Office* доклад об убийствах священников и религиозных преследованиях со стороны советской власти и ее единомышленников в странах Восточной Европы. Этот леденящий душу доклад в январе 1947 году был обобщен и дополнен длинной серией документов, положивших начало «холодной войне».

Горы дезинформации

Могла ли католическая Церковь как определенное учреждение способствовать бегству нацистских преступников в 1945–1947 гг.? Ответ на такой вопрос найти нелегко, и он, скорее всего, будет отрицательным. То, что представители Церкви помогли бывшим нацистам, фашистам, усташам или коллаборационистам добраться до Аргентины или Сирии, не подлежит никакому сомнению. То, что эти представители подключали к сокрытию преступников монастыри, с незапамятных времен не отказывавшим никому в помощи, более чем очевидно. Но «покрывала» ли, поощряла ли этих худалей и драгановичей римская Курия? Был ли в курсе их дел папа? Этому нет никаких доказательств.

Прежде всего, львиная доля информация на эту тему приходится на донесения союзнических разведслужб. 95% своих разоблачений в них почерпнули такие авторы

справочных материалов, как Ааронс и Лофтус. Однако сейчас достаточно лишь взглянуть на эти документы, чтобы понять, насколько сильно они напичканы фактическими ошибками, приблизительными данными и соглашательскими выводами. Американский ЦРУ и британский SIS[1], нелегально набравшие в свои ряды массу военных преступников, часто и безосновательно приписывали «Церкви» свои собственные эксфильтрационные сети.

В их трудах на каждой странице можно встретить утверждение, согласно которому тот или иной беглец находил укрытие, получал документы или садился на корабль «при содействии», или «благодаря помощи», или же «под покровительством» местного кардинала, близких к Пию XII людей или даже самого папы. Правда или вымысел? Категорично ответить на этот вопрос невозможно в силу того, что чиновники — авторы всех этих докладов, никогда не приводят конкретных доказательств. Что еще хуже, так это то, что большая половина приведенных в этих документах обвинительных свидетельств исходит от бывших нацистов и других военных преступников, стремившихся «убелить себя» в судебных процессах или воспоминаниях путем привлечениям Церкви к своим деяниям.

На их фоне редким католическим исследователям очень сложно заставить услышать свой голос. Так, иезуит и историк отец Роберт Грэм, автор книги *Vatican Diplomacy* (названия произведений в тексте сохраняют свое аутентичное написание и в пояснениях не нуждаются) (Принстон, 1959 год) провел многие десятилетия за изучением подобных сюжетов. Но ему мешал его священнический сан. Кто поверил ему, когда в 1990 году он сказал, что «Худаль не играл никакой роли в папской Комиссии помощи»?

---

[1] *Secret Intelligence Service* — государственный орган внешней разведки Великобритании.

Другим источником естественным образом выступала пресса того времени, которая была заражена недобросовестными расследованиями, предвзятыми репортажами, а также — во что сложно поверить — откровенно ложными статьями. Так, один журналист, некий Вирджилио Скаттолини, бывший сотрудник *L'Osservatore Romano*, издатель бюллетеня *(Notiziario)* пропитал крупнейшие средства информации своего времени ложными новостями, спекулятивными документами, «оригинальными» копиями и выдуманными откровениями всякого рода. Некоторые «корреспонденты» наподобие американского представительства в Риме выкладывали до 500 долларов в месяц, чтобы получить его «конфиденциальную информацию»!

Именно Скаттолини обязана добрая часть ведущих «расследований» на тему «секретного соглашения между Гитлером и Пием XII», «святого альянса между Ватиканом и Белым домом» и другими трудами, которые из года в год кочевали из статьи в статью, из книги в книгу. Среди них были неоднократно переведенные и переизданные произведения, такие как «Ватикан во время Второй мировой войны» (Михаил Шейнман), «Католическая церковь и XX век» (Авро Манхэттен), «Россия и папство» (Эдуард Винтер), подвергшиеся сильному влиянию разглагольствований Скаттолини, который в итоге был предан в руки правосудия и заключен в тюрьму!

Наконец, не следует забывать и о неподражаемой системе дезинформации, направленной в 1945–1946 гг. Кремлем и его восточноевропейскими сателлитами против Ватикана, папы и Церкви в целом. На всем протяжении холодной войны коммунистические руководители, историки, журналисты и пропагандисты старательно ассимилировали понятия «католики» и «фашисты». До 1948 года также

поступал и «лучший ученик Сталина» югослав Иосип Тито. На эту тему было написано великое множество книг, коллоквиумов, свидетельств, часто финансируемых НКВД (в будущем КГБ). Показательные, скандально сфальсифицированные процессы привели к осуждению некоторых католических священнослужителей, начиная с архиепископов Слипого (Украина), Миндсенти (Венгрия), Вышинского (Польша), Степинака (Хорватия), Берана (Чехословакия) и отправке тысяч верующих в лагеря.

Советская позиция была еще более упрощенной и манихейской, чем двойное видение американских руководителей того времени: раз антикоммунистическое, значит, «фашистское»! Опираясь на сомнительные источники, питаемая эффективной дезинформацией, активно поддерживаемая миллионами коммунистических деятелей, журналистов, исследователей и наставников, особенно во Франции и Италии, эта позиция способствовала появлению негативного представления о Ватикане, папе, Католической церкви, сознательно «сотрудничавшей» с худшим режимом, который когда-либо знал наш мир.

***

Однако это ложное представление. Конечно, развязавшие войну государства, такие как Германия, Италия, Венгрия, Словакия, Хорватия, являются в большинстве своем христианскими. Конечно, католики принимали участие во всех эпизодах этой трагедии, как самых достойных, так и самых постыдных. Конечно, представители Церкви были лицом своих народов как с лучшей, так и с худшей стороны. Конечно, можно допустить, что Пий XII мог бы проявить большую решительность в отношении Холокоста. Однако после полувековой работы со всякого рода архи-

вами, исследованиями, воспоминаниями, свидетельствами, следует чистосердечно признать, что вовлеченные во все эти сети церковные деятели, такие как Худаль и Драганович, никогда не представляли Ватикан.

Ни в коем случае нельзя считать, что папа и его главные сотрудники, всевозможные Тардини и Монтини, могли войти в сговор с правосудием, чтобы оставить без наказания бывших эсэсовцев, убийц усташей и других военных преступников.

7
Пий XII против де Голля

Как папа предотвратил массовую чистку французских епископов

Нужно дать времени время.
Народная мудрость

Рим, 30 июня 1944 года. Немногим ранее 9 часов утра. Меряя большими шагами комнаты апостольского дворца, в направлении приемной папы двигалась высокая фигура. Мало кто из кардиналов был знаком с этой выдающейся личностью, фигурировавшей среди будущих победителей. Он называл себя «главой временного правительства Французской Республики», однако этот был его неофициальный титул. Он был военным. Сопротивленцем. Католиком. В протоколе, назвавшем этого человека просто «его превосходительством генералом Шарлем де Голлем», сквозила неуверенность по поводу придания этой импровизированной аудиенции соответствующего определения, так что никто — что в Ватикане, кстати, было редкостью — не подумал запечатлеть на пленку встречу двух гигантов XX столетия.

Именно кардинал Тиссеран, в то время секретарь Конгрегации по делам Восточных Церквей, ввел генерала де Голля в большую дипломатическую игру Святого Престола. Этот прелат с горделивой бородкой и откровенным языком был известен в Риме своей необычайной враждебностью по отношению к нацистам и маршалу Петену. Он был голлистом с самого начала, за что французское посольство прозвало его даже «кардиналом де Голля». Начиная с апреля 1943 года, именно Тиссеран тайно налаживал связь между Ватиканом и главой свободной Франции, несмотря на то, что номинальным ответственным за эти официозные отношения считался декан Роты[1] монсеньор Жюльен. В этих тайных переговорах принимали участие и два других церковных деятеля: корреспондент газеты *La Croix* монсеньор Фонтенель и тайный камергер папы, будущий префект папского дома аббат Мартен.

Утром 5 июня, едва в освобожденный Рим вошли союзнические войска, как через несколько часов кардинал Тиссеран сам лично отнес в Государственный секретариат переданное генералом де Голлем письмо на имя Пия XII. В этом послании генерал говорил о «сыновней привязанности» французского народа к апостольскому престолу и обещал защитить в ходе будущих военных операций религиозные памятники как «вехи нашей христианской веры». Это понравилось Пию XII, который сам делал все для того, чтобы избавить Вечный город от разрушений, неминуемо следующих за любыми военными действиями.

Папа поручил главе внешнего отдела Государственного секретариата монсеньору Тардини подготовить соответ-

[1] *Священная Римская Рота* — высший апелляционный трибунал Римско-католической Церкви

ствующий ответ, который молодой дипломат Жак де Блессон, получивший отставку во французском посольстве с приходом союзников, доставил 16 июня в Алжир. Через несколько дней, воспользовавшись своим пребыванием в Риме, де Голль попросил у папы аудиенции, которая ему тотчас была предоставлена. Эта встреча занимает одно из главных мест в «Военных мемуарах» генерала, не скрывавшего своего уважения к понтифику и открыто им восхищавшегося.

Представив, согласно протоколу, Пию XII своих сотрудников, генерал де Голль был препровожден в Сикстинскую капеллу, а затем к могиле Святого Петра, где он долго пребывал в размышлении. Въезд через главные ворота, кортеж, прием канониками, посещение Сикстинской капеллы в сопровождении папского камергера: программа этого визита, переданная тем же вечером *Osservatore Romano*, списанная с протокола... одного наследного принца, вызвала бурный протест со стороны представителя официальной Франции посла Леона Берара. Монсеньор Тардини с деланным удивлением перенес все ответственность на газету! Обмануть никого не удалось. Оба дипломата знали об успехе стартовавшей в начале месяца высадки в Нормандии, а также о том, что посол в Риме задержится ненадолго.

Выйдя из кабинета папы, де Голль нанес визит Государственному секретарю Мальоне. «Первый министр» папы вполне конкретно выразил генералу надежду на то, что смена режима не вызовет «никаких потрясений, особенно в отношении французской Церкви». Де Голль поспешил его успокоить, однако не преминул придать своим словам легкий предупредительный оттенок:

— ...хотя некоторые круги представителей французской церкви приняли в отношении меня позицию, которая не скоро улучшится!

Отосланный нунций!

25 сентября 1944 года. Монсеньор Валерио Валери окончательно покинул Виши. Ему больше нечего было там делать. В сопровождении двух своих помощников, советника Пачини и секретаря Рокко, апостольский нунций взял путь на Париж. В этом составе значились еще поверенный в делах Испании и ирландский посол. 19 августа маршала Петена насильно увезли в немецкий Зигмаринген. 25 числа столица была освобождена. Немецкая армия отступила. В исходе войны никто больше не сомневался.

Монсеньор Валери посоветовал своему начальству направить в Париж официального наблюдателя Святого Престола при временном правительстве Французской Республики для своевременного ознакомления с новой властью. Разве правительство Алжира ранее не наделило правами официального представителя при Ватикане советника посольства Юбера Герена? 29 августа, посовещавшись с папой, монсеньор Тардини отправил нунцию телеграмму, в которой уведомил последнего о возложении на него данной миссии.

На следующий день в 17 часов монсеньора Валери принял новый генеральный секретарь Министерства иностранных дел посол Раймон Брюжер. Здесь его ожидал сюрприз: дипломат дал ему понять, что принимает его как частное лицо, поскольку генерал де Голль решил отказать в доверии тем, кто был с маршалом Петеном в Виши. Всем без исключения. Новый министр иностранных дел Жорж Бидо лично подтвердил Валери, что его ни в чем не обвиняют, однако факт остается фактом: новое правительство считает, что деканом дипломатического корпуса не может быть человек, который был аккредитован в Виши на всем протяжении войны.

Для 61-летнего монсеньора Валерио Валери это была горькая пилюля. После своей аккредитации в 1936 году при правительстве Леона Блюма он наблюдал из Парижа за приготовлениями к войне и видел поражение французских сил в мае 1940 года. Затем он отправился в Бордо с правительством Поля Рейно, регулярно информируя Ватикан о бедах французских руководителей, вызванных немецким вторжением. Как и большинство послов, он естественным образом присоединился в Виши к правительству маршала Петена, продолжив исполнять обязанности апостольского нунция.

В Виши он ревностно старался при содействии Ватикана хоть как-то решить вопрос с продовольственным обеспечением, остро вставший в результате разделения Франции и, особенно, в результате ее изоляции от колоний. Однако это предприятие особым успехом не увенчалось. В марте 1942 года он сообщил папе предложение маршала Петена об учреждении в гуманитарных целях «ватиканского флота», для которого Франция готова была выделить свои суда. Глава ватиканской дипломатии монсеньор Тардини передал это предложение папе, сопроводив его одним из своих обычных едких комментариев:

— Может, еще объявим конкурс на должность адмирала?

Разумеется, Государственный секретарь кардинал Мальоне попросил апостольского нунция иными словами выразить маршалу сердечную благодарность за его благородное предложение, принять которое, ему казалось, увы, слишком проблематично...

Несколькими месяцами ранее между нунцием и маршалом возник более серьезный инцидент. Вследствие ряда антисемитских мер, предпринятых французским государством 2 июня 1941 года, посол Франции при Святом

Престоле Леон Берар получил задание узнать, какой эффект эти меры произвели на папское окружение. Посол сообщил, что «в общем» эти законы не вызвали в Ватикане «никаких замечаний». Когда Петен спросил о том же монсеньора Валери, нунций заметил, что Церковь всегда осуждала расизм, и сделал акцент на «серьезных препятствиях», которые в глазах Церкви чинил антиеврейский закон.

— Вы не согласны со своим начальством? — возразил с усмешкой Петен.

31 октября 1941 года в своем письме монсеньору Валери кардинал Мальоне сообщил, что разделяет его правоту и призывал его сделать все возможное для смягчения последствий этого «злополучного» закона. В архивах того времени помимо документов об облаве Вель-Див в июле 1942 года содержится переписка между нунцием и главой правительства Пьером Лавалем. По словам Лаваля, евреи представляли «угрозу для Франции». Ответ нунция был таким:

— Франции не могут угрожать заключенные концлагерей!

Гнев Пия XII

В Риме Пий XII был в ярости. Нунций не мог подстраиваться под политические потрясения страны, в которой он исполнял свои обязанности. Монсеньор Валери был знаком с народным Фронтом, видел национальную Революцию и увидит возвращение к Республике! Папа поручил Тардини дать знать в Париж, что решение об отзыве нунция будет расценено как «досадный прецедент» и «недружеский акт» в отношении Ватикана. Кроме того, он не послужит скорейшему официальному признанию папой правительства де Голля! Однако генерал был непреклонен. Помимо того, что этот человек был католиком, он, прежде

всего, был человеком государственным, не привыкшим отказываться от своих принципов. Попытки переломить его были явно бесполезны. 4 ноября монсеньор Тардини предупредил телеграммой Валерио Валери, что тот должен вернуться в Рим.

У Валери оставался последний шанс по имени Эжен Тиссеран. 7 ноября французский кардинал прибыл в Париж с «частным» визитом по приглашению «семьи». Никто в это, разумеется, не поверил. В информированных кругах знали, что генерал де Голль, к которому был близок Тиссеран, одновременно с отзывом нунция попросил отставки и некоторых епископов. Кто мог поверить, что истинной причиной приезда кардинала-голлиста явилось не что иное, как попытка смягчить бывшего главу свободной Франции и призвать его отказаться от своей радикальной позиции?

Действительно, 15 ноября у Тиссерана состоялись длительные переговоры с генералом де Голлем. Как и ожидалось, кардинал вступился за апостольского нунция. Тиссеран прибегнул даже к неуклюжему компромиссу: сохранение за монсеньором Валери статуса нунция после его пребывания в Риме в обмен на немедленное признание Святым Престолом временного правительства. Но осторожный папа его в этом не поддержал. 29 ноября Валери был окончательно отозван телеграммой. Чтобы унять гнев Ватикана, генерал де Голль лично принял нунция перед его отъездом и вручил ему орден Почетного легиона 1-й степени. Слабое утешение.

Среди причин, подтолкнувших Пия XII уступить де Голлю, была одна, которая никогда не озвучивалась официально: по традиции 1 января дипломатический корпус должен был выразить свои пожелания новому прави-

тельству Франции, но, согласно протоколу, деканом дипломатического корпуса по причине отсутствия апостольского нунция должен был стать... его превосходительство посол СССР Александр Богомолов. Чтобы голос Кремля вытеснил в Париже голос Ватикана! Этого папа допустить не мог. Значит, необходимо было как можно скорее отправить в Париж нового представителя.

2 декабря в нунциатуру Буэнос-Айреса поступила шифрованная телеграмма из Ватикана. Монсеньор Тардини уведомлял в ней монсеньора Фиетта, представителя папы в Аргентине, о его назначении во Францию и просил его как можно быстрее подготовиться к отъезду. 62-летний Джузеппе Фиетта, сделавший себе карьеру в Коста-Рике, Доминиканской республике и на Гаити, был совершенно чужд правил послевоенной Европы, благодаря чему мог вести дела с необходимой отсрочкой. Но... у него было больное сердце, врачи запрещали ему авиаперелеты, и он не мог 1 января прибыть вовремя в Париж, чтобы произнести свою знаменитую речь! 4 декабря Фиетта официально телеграфировал в Ватикан о своем отказе «по причине здоровья».

Нужно было действовать быстро. Пий XII предложил на должность нунция апостольского делегата в Турции Ронкалли. Тардини подскочил: Ронкалли? Но он был не того уровня! В его глазах этот «болтливый» и «бестактный» «толстяк» не соответствовал такой престижной должности, как парижская нунциатура. Пий XII настаивал. Папа хотел, чтобы ему подчинялись. Если Ронкалли был недостаточно опытен, значит, он будет более послушен. Тардини попросили смириться. Никто, абсолютно никто не мог себе представить, что однажды этот «толстяк» будет избран папой под именем Иоанна XXIII. Один из прелатов,

друг журналиста агентства Франс Пресс Макса Бержера, отозвался о Ронкалли так:

— Ронкалли? Этот старый хрыч?

Секретный список Латрея

Париж, 12 ноября 1944 года. На площади Бово через высокую ограду Министерства внутренних дел вошел молодой профессор. Это был 43-летний католик и участник Сопротивления Андре Латрей. Накануне он прибыл из Пуатье, где преподавал историю, как раз тогда, когда под восторженные возгласы парижан по Елисейским полям шествовали де Голль и Черчилль. По совету друга доминиканца отца Медьё, владельца *Editions du Cerf*[1], он поступил на службу к министру иностранных дел Адриену Тиксье, убежденному социалисту и безукоризненному голлисту, который на свою беду обнаружил у себя в министерской корзине досье духовного ведомства, о котором, по его собственному признанию, он ничего не знал. Однако генерал де Голль поручил Тиксье деликатное, новое, запутанное дело по чистке французских епископов, слишком тесно сотрудничавших с режимом Виши.

Именно поэтому растерявшийся Тиксье и принял на работу в свое ведомство эксперта. Едва обосновавшись в кабинете помощника отдела Культовых дел на улице Монсо, Латрей приступил к изучению конфиденциальных документов. В 1943 году Консультативная ассамблея в Алжире выработала простое правило: не привлекать к восстановлению республиканского государства тех руководителей, которые сотрудничали с режимом Петена. Под это

---

[1] Французское издательство, специализирующееся на религиозной литературе. Основано в 1929 году и управляется католическим Доминиканским орденом.

правило подпадал почти весь епископат, из чего следовало, что очищать нужно было и его.

Андре Латрей читал и перечитывал записи, которые, возможно, были составлены под диктовку Жоржа Бидо в июле 1944 года, когда последний еще возглавлял национальный Совет Сопротивления. Если в общем сама поставленная задача не вызывала никаких возражений, то документ изобиловал досадными неточностями и грубой хаотичностью. В таком виде он был просто неприменим. Исходя из наличия в документе неисправимых ошибок, новый заместитель немедленно постарался представить своему озадаченному министру следующее заключение: в положении отделения церкви от государства епископы не могли назначаться политической властью, и поэтому вопрос о лишении их сана политической властью был попросту неуместным.

Единственным, кто мог бы заменить указанных в документе епископов, был сам папа, но Латрей полагал, что Пий XII на такую жертву не согласится. Эта сделка казалась еще более невозможной оттого, что при урегулировании такого спорного вопроса нельзя было обойтись без участия апостольского нунция, главного представителя папы во Франции. Только он мог выступить посредником для облегчения перестановки сил в недрах епископата. Однако надежда на то, что монсеньор Валери, который сам вынужден был покинуть Париж, отнесется к такому предложению благосклонно, была ничтожна мала!

Озадаченный Латрей изучал и аннотировал двадцать четыре фамилии, значившиеся в так называемых списках «А» и «А 2». Прежде всего он обрадовался тому, что не нашел в них ни «одного коллаборациониста» *(sic)*, сотрудничавшего с немецкими оккупантами. Не было среди епископов и ни одного предателя Родины. Зато другие, как,

например, монсеньор дю Буа де ля Вильрабель (Экс), монсеньор Дютуа (Аррас) или монсеньор Овити (Мэнд) явно скомпрометировали себя тесным общением с режимом Виши. Правда, найти таковых в их родных епархиях теперь не представлялось возможным. Первого, однако, вроде бы отыскали под сводами монастыря Солесма рядом с Маном, а третьего у монахов-траппистов Боннекомба в Авероне...

Латрей удивился, увидев в списке «А» кардинала Суара и двух его помощников-монсеньора Боссара и монсеньора Курба. Два других французских кардинала, Жерлье и Льенар, вошли в список «А 2», как будто здесь упоминание о них было менее очевидным. Он был поражен, когда обнаружил в списках некоторых прелатов, известных своей сопротивленческой деятельностью, таких как монсеньор Деле (Марсель), который выступал против преследования евреев, или монсеньор Пиге (Клермон) томившийся в то время в лагере Дахау! А все потому, что матрицей всех несправедливостей явились случаи местных разоблачений...

Наконец, Латрея рассмешил тот факт, что в список «Б» были внесены несколько предложений о поощрении в целях сатисфакции определенных кругов католиков — участников Сопротивления и одновременно демонстрации большего конструктивизма. Так, «было рекомендовано» возвести в сан епископа ректора католического института отца де Солажа, кюре церкви Святого Франциска Ксавьера парижского священника Шевро, а также главного тюремного капеллана аббата Родена. Все трое были известными участниками Сопротивления. Зная обычаи и принципы приема в епископат, Латрей понимал, что эти, не имевшие никакого религиозного основания для подобного предложения, в конечном итоге ввергнут предстоятелей (такое понятие также существует и широко используется в речи верующих людей) Церкви в отчаяние!

Епископы, последовавшие за Петеном

Профессор Латрей принялся за работу, не имея при этом ни средств, ни документалиста, ни архивов. Последние были перевезены в 1940 году в другое место и там утрачены. Не было у него и телефонного справочника. В таких стесненных условиях было очень сложно что-либо выяснить в провинциальных епархиях, уточнить некоторые подозрительные обвинения и бездоказательные доносы, определить настроение католического населения, оценить риск возникновения народных волнений и нарушения общественного порядка...

Факт был налицо: французские епископы в большинстве своем присоединились к маршалу Петену. Скорее не из-за принятия его проекта «национальной революции», а из-за подчинения действующему правительству. Разве глава французского государства не обладал легитимностью после знаменитых выборов 10 июля 1940 года, в ходе которых 569 членов парламента против 80 доверили ему всю полноту власти? Кроме того, «победитель Вердена» оказывал вначале на предстоятелей католической Церкви такое же гипнотическое воздействие, как и на все бесчисленное множество французов.

В первые два года существования режима католические руководители одобрили меры, принятые правительством Виши, особенно те, которые ставили своей целью «исправить» антицерковные законы довоенного времени, касавшиеся свободной школы и конгрегаций. Многие католики видели в режиме Петена реванш над позорной «Республикой», виновной во всех их унижениях за последние полвека. И даже тогда, когда за всем этим между Церковью и Виши быстро установились напряженные отношения, вызванные, в частности, молодежными движениями,

подавляющее большинство французских епископов продолжали являть досадную пассивность.

Так, в ответ на антиеврейские меры, главы французской Церкви, в отличие от своих голландских коллег и бельгийских епископов, с величайшей осторожностью опубликовали всего лишь одно коммюнике. В частной беседе с корреспондентом *La Croix* в Ватикане монсеньором Фонтенелем Пий XII сообщил, что нашел письмо французских епископов «слишком бледным» и выразил восхищение их голландскими братьями, которые в глазах папы служили «образцом для подражания».

Несколько епископов, правда, смогли побороть это малодушие. Это были архиепископ Тулузы монсеньор Сальеж, епископ Монтобана монсеньор Теас, которые в разгар лета 1942 года публично выступили против преследования еврейского населения, зачитав в своих церквях протестные письма. Такое поведение привело в страшную ярость главу правительства Пьера Лаваля, который безрезультатно потребовал у нунция отставки монсеньора Сальежа. Это отважное меньшинство претерпевало непонимание, критику и угрозы. С годами напряжение между католиками петенистами и голлистами переросло в решающую фазу, дойдя в некоторых случаях до степени убийственного противостояния. Например, между тем или иным близким к оккупантам епископом и той или иной группой священников, вовлеченных в движение Сопротивления. Именно этот факт заставил Жоржа Бидо и руководителей христианских демократов опасаться «серьезных волнений» среди католического населения.

Проблема заключалась в том, что большинство французских епископов, как и их прихожане, были одновременно и петенистами, и антинацистами. Такая ситуация крас-

норечиво проявилась на примере примаса Гольского кардинала Жерлье. Архиепископ Лиона ясно обозначил свою приверженность правительству Виши, произнеся в ноябре 1940 года во время встречи с маршалом: «Сегодня Петен — это Франция!» В этом загадочном «сегодня» и была сокрыта вся двойственность человека, который поддерживал участвовавших в Сопротивлении лионских католиков, прятал евреев, которым грозила депортация, — как родных детей великого раввина Якоба Каплана — и опубликовал письмо, обличающее «постыдное преследование» еврейского народа.

Освобождение Парижа обнажило всю сложность создавшейся ситуации. Когда 25 августа 1944 года генерал де Голль прибыл в городскую ратушу, все увидели, как капеллан FFI[1] отец Брукбергер буквально изгнал из среды собравшихся второго епископа Парижа монсеньора Боссара! Парижского архиепископа кардинала Сюара настойчиво просили воздержаться от присутствия в Нотр-Даме во время проведения по желанию генерала благодарственного молебна *Te Deum*. Ведь Сюар четырьмя месяцами ранее торжественно встречал в Нотр-Даме маршала Петена! А еще раньше в июне 1944 года он в окружении французских и немецких военных проводил траурную мессу по поводу кончины начальника пропаганды Виши Филиппа Анрио.

11 ноября озадаченный кардинал Тиссеран констатировал, что Сюара, у которого он остановился на улице Барбе-де-Жуи, отстранили от участия в военном параде, с радостью пригласив его самого. Вокруг архиепископа Парижа поползли самые невероятные слухи. Сам же Сюар

---

[1] *Forces françaises de l'intérieur* — французские внутренние силы движения Сопротивления.

пессимистично готовился к изгнанию. Возможно, к замещению самим Тиссераном. Почему бы и нет? Популярность последнего была настолько же велика среди бывших участников Сопротивления, насколько и противоречива в недрах французской Церкви. Некоторые видели его уже архиепископом Парижа, другие питали к нему глубокую неприязнь. Что и говорить, обстановка была нездоровой.

Именно в такую тяжелую пору горьких воспоминаний, мести и доносов Латрей и приступил к своим исследованиям. Шаг за шагом он выполнял порученное ему задание, не скрывая от своего министра, что «слишком масштабное» обновление епископата являлось пожеланием «абсолютно химерическим», и что лучше было бы ограничиться замещением «определенного числа» епископов, мотивируя это чисто религиозными причинами, как, например, отказом такого-то епископа от должности капеллана в каком-нибудь отдаленном месте...

Новый нунций Парижа

Для Тиксье и Латрея прибытие в Париж монсеньора Ронкалли стало хорошей новостью, поскольку оно устраняло собой главное препятствие «чистки епископата». Кроме того, быстрое назначение нового нунция в сопровождении формального признания нового правительства Франции в Риме, согласно отправленной 14 декабря советником Юбером Гереном депеше, расценивали, как последнюю уступку папы, стремившегося к примирению французской нации. Последнюю уступку...

К 63-летнему Анджело Джузеппе Ронкалли в Риме, может быть, и не относились как к некоей значимой фигуре, возможно, он не заканчивал Академии благородного духовенства, не представлял собой «первый выбор» папы, но

он обладал тремя качествами, которые были очень полезны в его новом назначении. Во-первых, он хорошо говорил по-французски; во-вторых, был хитер, как бергамский крестьянин, и, в-третьих, спасал евреев во время войны. Вдобавок к этому он был очень проницателен. Комментируя свое назначение на должность парижского нунция одному из своих близких друзей, Ронкалли процитировал старую итальянскую пословицу:

— За недостатком лошадей, рады и ослам!

Ронкалли был «удивлен и напуган своим неожиданным продвижением, однако принял его. 21 декабря он был аккредитован Министерством иностранных дел Франции. 27 числа Ронкалли вылетел из Анкары. После утомительного путешествия: Бейрут, Каир, Бенгази, Неаполь — 28 числа в 15 часов Ронкалли, наконец, прибыл в Рим, где Тардини сурово сообщил ему, что на него пал «выбор самого папы». В Государственном секретариате Ронкалли снабдили двумя краткими речами, написанными монсеньором Валери, которые он должен был произнести по приезде в Париж: речь на вручении верительных грамот и знаменитое пожелание...

1 января 1945 года в 11 часов утра в особняке Бриенн на улице Сен-Доминик, где временно располагалось французское правительство, новый нунций от имени всего дипломатического корпуса произнес перед генералом де Голлем такие слова:

— Господин президент... Благодаря вашей политической прозорливости и энергии эта чудесная страна вновь обрела свободу и веру...Франция вернула себе свой привычный облик и свое место среди народов... Она сможет указать путь, который в правде и единстве сердец приведет к спокойствию и долговечному миру...

Стоявшие плотными рядами перед главой нового правительства Франции послы громко зааплодировали своему новому декану.

Едва устроившись в респектабельном особняке Монако, расположенном на углу авеню Президента Уилсона недалеко от Альмы, новый нунций принялся каждый день посвящать встречам и аудиенциям. В хитросплетениях французской политики нунция направлял его первый советник монсеньор Пачини. Больше всего Ронкалли интересовал вопрос о чистке среди епископов. Он долго беседовал с кардиналом Сюаром и его помощниками. Он принял и только что вышедшего из тюрьмы «сопротивленца» монсеньора Теаса из Монтобана, и «петениста» монсеньора Дютуа из Арраса, на котором тяготела угроза поражения в правах. Благодаря Тардини, который в ноябре тайно принял в Риме светского специального корреспондента от временного правительства Шарля Флори, Ронкалли узнал, что Жорж Бидо намеревался выслать «приблизительно 35 архиепископов и епископов». Это было слишком много.

В своем кабинете на улице Монсо профессор Латрей метал гром и молнии: из-за разницы положений он не мог видеть ни де Голля, ни Ронкалли, и должен был хранить в тайне свой список «приговоренных» епископов. Что же касалось его личных резервов — особенно отсутствия обвинительных документов на подавляющее большинство епископов, — то они дали повод Адриену Тиксье заподозрить Латрея в излишней сдержанности. Министр без обиняков напомнил своему эксперту, что они не опустятся ниже отметки в «десять или двенадцать» фамилий. 3 февраля Латрей составил новый секретный список. В него вошли: Фельтен (Бордо), Мармотен (Реймс), Герри (Камбре), Дютуа (Аррас), Сембель (Дижон), Шоке (Лурд), Деле (Марсель), Овити (Менд), Серран (Сен-Бриёк), Боссар и Курб (Париж), а также Вьель (Раба). Для чего, для формы?

Стратегия Ронкалли

23 января Шарль де Голль принял, наконец, Ронкалли в своем кабинете на улице Сен-Доминик. Официально в своей беседе они упомянули лишь отъезд монсеньора Валери и будущий приезд в Рим нового французского посла философа Жака Маритена. О чистке епископата не было сказано ни слова. Осмотрительный де Голль предпочел передать это дело в руки ответственных министерств (министерствам внутренних дел, иностранных дел и юстиции). Ронкалли тоже был рад не поднимать больную тему: оттянутое время работало на него.

Нунций не знал, что генерал находился под впечатлением визита, который нанес ему 18 декабря кардинал Тиссеран. Прелат в то время как раз возвращался из своей длительной «частной» поездки по Франции — Лилль, Амьен, Бельфор, Лион, Прива, Ле Пюи и т.д., — ради которой генерал тайно выделил ему автомобиль. Три недели переговоров, десятки формальных и неформальных встреч определенно нюансировали суждение Тиссерана о епископах, оскандалившихся с режимом Виши. Кардинал сообщил де Голлю о снисходительности в отношении епископов со стороны самих католиков, в том числе большинства бывших участников Сопротивления. Это не имело ничего общего со страстями, бушевавшими в некоторых парижских дворцах! Он утверждал, что опасение по поводу возникновения волнений среди католиков было сильно преувеличено, что противоречило слишком политизированным предсказаниям коммунистов и католиков CNR[1]. Де Голль

---

[1] *Comité National de la Résistance* — Национальный комитет движения Сопротивления.

был озадачен: не было ли важнее беспорядочной и подозрительной охоты за епископами примирение французской нации?

Когда 30 января аудиенции у генерала удостоился Латрей, он понял, что у последнего было намного меньше злобы и ярости, чем у руководителей канувшего в лету Национального комитета освобождения. Это впечатление подтвердили директор кабинета де Голля Гастон Палевски и глава кабинета Рене Бруйе. Глава правительства, казалось, убедился в том, что ситуация среди французских католиков была намного менее напряженной, чем ее представляли на бурных совещаниях MRP[1] и мстительные издатели *L'Umanité*[2]. В ходе беседы де Голль допустил, что необходимо пожертвовать «четырьмя или пятью епископами». Латрей был очень удивлен, однако фамилии их спросить у генерала не осмелился.

Наконец 17 февраля Латрей был принят монсеньором Ронкалли. Как рассказывал впоследствии Латрей, нунций был «очень живым, милым человеком, этаким толстячком», сыпал словами, «не давая возможности что-либо сказать в ответ». Он, разумеется, не назвал ни одного имени, но спросил, не были ли эти «неугодные» епископы осуждены напрасно, попав «под горячую руку»? Он с сожалением заявил, что неплохо было бы знать, в чем их точно следует обвинять. Поспешил ободрить: конечно, нужно сделать все для общественного спокойствия! Стратегия хитрого Ронкалли была ясна: утопить досье в волне всевозможных замечаний и выиграть время.

26 февраля Латрей нанес нунцию новый визит. И снова Ронкалли окутал его своим красноречием. Узнав, что Лат-

---

[1] *Mouvement républicain populaire* – Народно-республиканское движение, партия *MRP*

[2] Французское периодическое издание левого толка.

рей был отцом десятерых детей, прелат развил целую теорию о католической семье, будучи сам одним из тринадцати братьев в семье. И нунций принялся искать в своих вещах фотографию своего родного брата, у которого тоже было десять детей! Епископы? Он живо сожалел, что еще не получил от правительства никакого письменного предложения...

Все это начинало раздражать заместителя директора отдела Культовых дел. Кто что решал? Как во всем этом ориентироваться? Он настойчиво теребил Тиксье, послав ему два уведомления 13 марта и 2 апреля. Ответа не последовало. 11 апреля находившийся проездом в Париже посол Маритен увидел Латрея и сообщил ему, что у него нет больше никаких инструкций. В тот самый день Ронкалли встретился на набережной д'Орсе с министром Жоржем Бидо. «Мы больше часа горячо спорили», — записал нунций в своем дневнике. Бидо злился, раздражался, однако никакого списка ему не передал. В глубине души Ронкалли был этому рад. «Это хороший знак», — записал он в своем ежедневнике.

За три месяца у нунция сложилось свое собственное мнение. Теперь настала его очередь путешествий по провинциальной Франции. Святую неделю он провел в аббатстве Солесма. Там он естественно узнал, что в аббатстве нашел приют архиепископ Экс-ан-Прованса монсеньор дю Буа де ля Вильрабель. Ронкалли проникся очарованием и доводами этого достойного и образованного человека, который определенно был вне своего времени. Однако Ронкалли начинали раздражать отравлявшие политику приступы ненависти и мести. Ему стало известно о трагической гибели монсеньора Торричелла из Бергамской епархии, убитого в январе партизанами Ажена, считавшими его фашистом...

Окончательно определившись со своими умозаключениями, «толстяк» Ронкалли решил, что епископы не совершили никакого преступления, что процесс по их делу был несправедливым и что он должен сделать все, чтобы спасти их от позора. Всякий раз, встречая на обедах министра, он изображал полную наивность, говорил о разных вещах и веселил гостей своими знаменитыми *fioretti*[1]. Он знал, что у его собеседников история епископов вызывала недовольство, что она интересовала только Бидо и некоторые круги бывших участников Сопротивления. Он также знал, что начинало вырисовываться другое, более важное дело для установления в стране мира и покоя: это дело свободной школы.

11 мая Палевски представил, наконец, Ронкалли намеченный де Голлем «черный список». Нунций постарался скрыть свое удовлетворение: в списке значилось не более семи имен. Из него исчезли некоторые важные прелаты, такие как Сюар (Париж) или Мармоттен (Реймс). Но еще предстояло обсудить судьбу других лиц: Фельтена (Бордо), Серрана (Сен-Бриёк) и Боссара (Париж). Спустя неделю во время обеда с генералом де Голлем Ронкалли с жаром вступился за Фельтена и сумел добиться его исключения из списка! Оставалось убедить папу, что решающий момент, возможно, уже настал…

«От тридцати до трех»

29 мая Тардини сообщил монсеньору Ронкалли, что папа Пий XII согласился с уходом некоторых епископов. Но каких? Впоследствии это было решено напрямую с кабине-

---

[1] *Fioretti* — «Цветочки» — сборник повествований, легенд, эпизодов из жизни Св. Франциска Ассизского, составленный монахом ордена братом Уголино в 1320-х гг. на латинском языке.

том де Голля. При каком условии? При условии полной секретности. А также чтобы эти епископы сами подали в отставку без вмешательства Святого Престола. Было очевидно, что Пий XII намеревался установить наилучшие отношения с современными французскими руководителями. По его мнению, только они могли сдержать тревожный рост избирателей коммунистической партии, как было в Италии. Ронкалли понимал, что именно ему предстояло убедить этих «неугодных» представить папе прошение об отставке. Касательно двоих из них, Ля Вильрабеля (Экс) и Овити (Менд) вопрос был решен. Единственным, кто отказывался еще от отставки, был Дютуа (Аррас). Однако нунций, который был в прекрасных отношениях с министром юстиции христианским демократом Пьером Анри Тетгеном, объяснил непокорному епископу, что только отставка сможет убедить гражданское правосудие отказаться от процесса, способного привести его к поражению в правах...

27 июля 1945 года нунций сообщил Латрею о решении Ватикана принять отставку архиепископа Ля Виллльрабеля, епископов Овити и Дютуа, а также второго епископа Парижа монсеньора Боссара. Удивления не последовало: судьба этой четверки давно уже была решена. К этому списку были добавлены еще трое особо никому не известных апостольских викария: Вьель (Раба), Пуассон (Сен-Пьер-и-Микелон) и Гримо (Дакар). И все. Ни сообщения в прессе, ни публичного комментария. Это были далеко не «тридцать пять» и не «двадцать четыре» епископа, ожидавших лишения сана! Бахвал Ронкалли хвастал в письме одному из своих друзей: «У меня просили тридцать епископов, а я уступил только троих!» В ходе этой длительной сделки «забыли» о предложениях CNR, касавшихся посвящения в

епископский сан тех священников, которые отличились в движении Сопротивления. Перестановка в церковном мире прошла без шума и помпы, и без давления со стороны активистов MRP!

Оставался последний вызов. Все знали, что в Риме Пий XII рано или поздно собирался созвать консисторию для назначения новых кардиналов. Однако у «старшей дочери Церкви» Франции оставалось не более трех действующих кардиналов (Сюар, Льенар, Жерлье), поэтому она надеялась на то, что ей подарят еще троих. Этим вопросом заинтересовался де Голль. И не только. Немного обеспокоенные Маритен и Латрей умножили старания по предупреждению своих партнеров в Риме (Тардини) и Париже (Ронкалли) соответственно о недопущении назначений некоторых спорных архиепископов, таких как Мармоттен (Реймс) или Фельтен (Бордо), несмотря на то, что их города традиционно считались «кардинальскими», поскольку это могло нарушить секретное соглашение с правительством!

Вместо этого почему бы не поставить во главе особенно чувствительных к политике епархий тех, кто участвовал в Сопротивлении? Предусмотрительный Латрей предложил три кандидатуры: знаковую личность юго-западного подполья монсеньора Сальежа (Тулуза), монсеньора Пети де Жюлльвиля (Руан) и монсеньора Рока (Рен). Заместитель директора поделился со своим выбором с послом в Риме Маритеном, почти не строя при этом никаких иллюзий. Всякий раз, когда апостольский нунций слышал этот настойчивый вопрос, он начинал протестовать с деланным испугом:

— Даже не думайте об этом! Это решение зависит только от папы!

В действительности же нунций не любил Сальежа и страшно противился его назначению под предлогом того, что он был паралитиком и не умел говорить, что противоречило долгу и обязанностям кардинала. Во время аудиенции у Пия XII 8 октября Ронкалли назвал имена Пети де Жюлльвиля и Рока, «забыв» при этом о Сальеже. Но Маритен сумел убедить Тардини, и имя архиепископа Тулузы было добавлено в список.

24 декабря в канун Рождества Ронкалли получил из Рима телеграмму. Среди тридцати двух новых кардиналов, имена которых папа планировал огласить на будущей консистории, фигурировали три француза: Пети де Жюлльвиль, Рок и… Сальеж. Монсеньор Ронкалли не очень этому удивился. Он знал, что Тардини не доверял ему и что в кулуарах Святого Престола звучал не только его голос. Несмотря ни на что, нунций вздохнул с облегчением. «Все довольны», — философски записал он в своем ежедневнике.

8

Мария, царица мира

Как Святая Дева едва не стала богиней

«Радуйся, Благодатная!»
Архангел Гавриил
От Луки 1:28

Один из руководителей группы Байяр-Пресс отец Андре Сэв часто рассказывал такую историю. В 1932 году он, будущий монах ордена ассопционистов, был в то время послушником в Эссаре. Однажды наставник в наказание приказал ему переписать все слова, произнесенные Девой Марией и записанные на страницах Евангелия. Юный Андре купил толстую тетрадь и принялся за работу:

Как будет, когда я мужа не знаю?
Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему.
Чадо! Что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и я с великою скорбью искали Тебя.
Вина нет у них.
Что скажет Он вам, то сделайте.

И все. Едва набралась половина тетрадного листа. Пять коротких фраз, к которым он добавил еще молитву Магнификата, которую, согласно евангелисту Луке, юная Мария произнесла во время посещения своей кузины Елизаветы, носящей во чреве будущего Иоанна Крестителя. Очень мало. Если внимательно посмотреть на Писание, то Мария является весьма незначительным персонажем в истории земной жизни Иисуса, рассказанной нам апостолами. Парадоксально, но в Новом Завете о Марии говорится меньше, чем в Коране!

Глубоко потрясенные смертью и воскресением своего Господа, ученики Иисуса не слишком много интересовались Его биографией: рождением, детством, матерью. Для первых христиан личность Марии была важна лишь тем, что она дала Христу истинно человеческое рождение, позволяющее Ему быть «подлинным человеком и подлинным Богом». Без Марии не было бы воплощения, лежащего в центре христианской религии. Именно посредством этой неизвестной маленькой галлилеянки Бог вмешался в человеческую историю. Этого, конечно, нельзя отрицать, но о самой Марии нам практически ничего не известно.

И, однако, с течением временем культ юной еврейки из Назарета, родившей Иисуса, продолжал распространяться. Она очень быстро изменила свой статус. Поскольку мать Иисуса дала миру «воплотившееся Слово», она стала «матерью Бога», что совсем не одно и то же. Папа и Церковь оказались перед дилеммой, которая и в наши дни не перестает порождать бесконечные споры: если Марии была уготована судьба, отличная от судьбы всех смертных, если она была «изначально без греха», если она зачала ребенка, сохранив свою девственность, если ее тело не было подвержено тлению после смерти, можно ли говорить, что ее

сын Иисус был обычным «человеком», таким, как все остальные?

Во времена первой Церкви в христианских общинах по этому поводу вспыхивали различные дискуссии, приобретавшие бо́льшую остроту среди богословов. В июне 431 года на Эфесском соборе после ожесточенных споров, вызвавших разделение среди двухсот епископов, прибывших со всех концов христианского мира, Мария была названа *theotokos*, что в переводе с греческого означает «Матерь Божья». Иными словами, она не была обычный святой, но занимала особое место на Небесах, и ее «заступничество» перед Богом было столь же действенным, как и заступничество ее Сына.

Официально статус «Божьей Матери» за Марией был закреплен на Халкидонском (451) и Константинопольском (553) соборах. Возрастание ее культа вышло из-под контроля богословов и ученых. Личность Святой Девы обрела необыкновенный размах в умах и сердцах рядовых верующих. Сначала восточные христиане ввели праздник «Благовещение», затем придумали праздник «Рождества» Марии, праздник «Зачатия», праздник «Богородицы», праздник «Успения» и многие другие.

Более пятидесяти соборов «Богоматери»

Стремительный рост посвященных Марии праздников быстро завоевал средневековый Запад. Ну, разве не была Мария самой близкой к человеку личностью, способной по-матерински утешить и помочь перенести все войны, чуму и голод? Разве не стала естественным прибежищем для всех несчастных эта скорбящая о мученической смерти своего

Сына женщина, как поется в *Stabat Mater*[1] и которая приняла с креста Его тело, как показывает нам *Pieta*[2]?

Образ Девы Марии постепенно занял центральное место в христианском искусстве: церковное пение, витражи, статуи и т.д. Люди перестали довольствоваться простым чествованием Марии, они стали прославлять ее. Эту традицию быстро закрепила молитва *Salve Regina*[3], которая превратила Марию в «царицу»: ее стали венчать титулом Девы, сделав из нее царствующую над народами «императрицу», часто изображая ее на мозаиках и картинах равной своему Сыну.

Равной Христу! Это было уже слишком! Многие папы, епископы и богословы были обеспокоены столь бурным развитием событий, которое в итоге все смешало и превратило Марию в сознании простых людей в четвертый персонаж Святой Троицы! Могли ли папа и его кардиналы утихомирить чрезмерное внимание верующих к матери Христа? Могли ли они сократить количество праздников, процессий и паломничеств к «чудотворным» Девам? Могли ли они пресечь самые неправдоподобные рассказы и явления, народные праздники с языческими корнями, сомнительные выдумки о жизни Марии и ее девственности? От Палестины до Бретани особенным почитанием пользовались вероятные родители Девы Марии, Анна и Иоаким, существование которых подтверждает лишь одно не принятое Церковью апокрифическое евангелие! Могли ли

---

[1] Католическая секвенция на латинском языке, автором которой считается итальянский поэт XIII века Якопоне да Тоди.

[2] У итальянцев название изображения Богородицы, скорбящей над снятым с Креста телом ее Сына. «Оплакивание Христа» — первая и наиболее выдающаяся пьета, созданная Микеланджело Буонарроти.

[3] Латинская хвалебная песнь Пресвятой Богородице, которая поется в католической церкви от праздника Св. Троицы до первого адвента.

епископы помешать возведению только в одной Франции более пятидесяти соборов «Богоматери»?

Распространение культа Марии, переплетенное частично с идолопоклонством, стало одной из причин появления протестантизма. Для Кальвина и Лютера Мария была, конечно, «матерью», но ни в коем случае не «царицей», а почитание Марии было чрезмерным, заслуживающим порицания культом. Католики пребывали в смущении: после Тридентского собора (1545–1563) культ Марии превратился в одну из движущих сил, направленных против Реформации. Явления Девы Марии, которые умножились с XIII века, достигли своего расцвета в XV веке, зачастую представляя собой отличительную черту католицизма, скорее культурную, чем духовную. И даже политическую. Именно по политическим мотивам — которые сегодня назвали бы «геостратегическими» — Людовик XIII в 1637 году и превратил Марию «в королеву Франции», что вскорости не преминули сделать и такие рьяные католики, как короли Испании и Португалии, посвятившие Марии свои королевства. Могла ли маленькая назаретянка представить себе, что однажды станет величественным знаменем, перед которым будут преклонять колени отправлявшиеся на войну королевские армии?

У этих отклонений были свои противники, но, как следует полагать, весьма немногочисленные. В 1673 году католический адвокат из Ганда Адам Виденфельд опубликовал *«Благое предупреждение Блаженной Девы Марии своим неуемным поклонникам»*, в котором бичевал слишком пылких мариологов, осуждал конгрегации, восхвалявшие «рабство Марии» и предостерегал словами, якобы звучащими из уст самой Девы: «Не зовите меня посредницей», — подчеркивая тем самым, что «Единым посредником» между Богом и людьми является Один лишь Христос.

В начале XVIII века Луи-Мари Криньон из Монфора написал *«Трактат об истинном поклонении Марии»*, в котором бретонский проповедник высмеивал суеверия, стараясь избавить от них культ Марии, проповедуя при этом самопожертвование Деве, ибо, по его словам, она является наикратчайшим путем к Богу. Именно Криньону принадлежит адресованное Марии знаменитое изречение *Totus tuus* («Все для тебя»), ставшее позже девизом папы Иоанна Павла II.

Пий IX и Непорочное Зачатие

Гаэта, 2 февраля 1849 года. Именно в этой крепости укрылся папа Пий IX, когда годом ранее Рим захватили итальянские националисты. В тот день находившийся в изгнании понтифик адресовал епископам всего мира энциклику под названием *Ubi primum*[1], в которой объявил о скором провозглашении догмы о Непорочном Зачатии. Эту идею подал ему несколькими неделями ранее префект Святой Конгрегации Обрядов кардинал Ламбрушини:

— Ваше Святейшество сможет оздоровить мир только в том случае, если возведет непорочное зачатие Марии в догмат веры.

В действительности старый кардинал ничего нового не придумал. Еще будучи Государственным секретарем предыдущего папы Григория XVI, он удивлялся бесчисленному множеству писем и петиций, приходивших в Ватикан, в которых выражалось «горячее желание» христианского народа увидеть, наконец, догму о том, что «Святая Матерь Божья, являющаяся также Матерью всех людей, была

---

[1] Энциклика о планируемых церковных мероприятиях понтификата Льва XII и обязанностях епископов.

зачата без первородного греха». Эта мысль сопровождала Церковь практически на всем протяжении ее существования. Уже начиная с V века, восточные христиане верили, что Мария была зачата без греха. Этот вопрос был поднят святым Августином, введшим в IV веке само понятие «первородного греха»: могла ли Мария, выносившая и родившая Иисуса, быть опорочена обычным половым актом? Да, ответил Августин, если только поставить под сомнение универсальность совершенного Христом искупления. Нет, возразил в XIII веке францисканец Дунс Скот, который теоретизировал идею о том, что Мария заранее была сохранена от греха благодаря жертве своего Сына. Открытый в 1431 году Базельский собор в атмосфере жесткой борьбы между епископами и папой окончательно определился с принципом «безгрешного зачатия» Девы...

В Гаэте Пий IX получил на свое письмо 603 ответа, из которых 546 были благосклонными и даже полными энтузиазма. Редкие возражения касались несвоевременности выдвинутого предложения: не нужно ли было сперва дождаться, пока к папству вернется хоть какая-то стабильность? Таковые не понимали цели задуманного предприятия: если папа принимал такое важное решение вне Рима, так это для того, чтобы показать миру, что его власть остается всеобъемлющей и что еще никогда латинская пословица не была столь правдоподобной: *Ubi est papa, ibi est Roma* («Где папа, там и Рим»).

Пий IX, окончательно вернувший в свой ватиканский дворец весной 1850 года, назначил великий день на 8 декабря 1854 года и пригласил всех епископов, которые только могли приехать ради присутствия при этом историческом заявлении. Епископов набралось почти две сотни. Некоторые из них лелеяли мысль о том, что этот догмати-

ческий труд мог бы послужить знаком к лучшему разделению власти между папой и епископами. Очень скоро они лишились своих иллюзий: 24 ноября в конце собрания, поставившего последнюю точку в будущей булле о провозглашении, все епископы, повернувшись к папе, единогласно воскликнули:

— *Petre, doce nos, confirma fraters tuos!* («Отец, учи нас, укрепляй в вере своих братьев!»)

Утром 8 декабря 1854 года папа и присутствующие епископы прошли процессией от Сикстинской капеллы до собора Святого Петра. Там, перед часовней Святых Таинств Пий IX торжественно произнес слова, которых так ждали сонмы верующих на протяжении многих столетий, составлявшие буллу *Ineffabilis Deus*[1]:

— Доктрина, утверждающая, что благодатная Дева Мария с самого момента своего зачатия посредством особенной благодати Всемогущего Бога и благодаря подвигу Иисуса Христа, Спасителя всего человечества, была сохранена от всякой скверны первородного греха, является Божьим откровением, и поэтому должна быть принята верующими с твердой и непоколебимой верой.

После этого папа добавил:

— Если кто-либо осмелится, вступив в противоречие с Богом, допустить иное верование, противное нашему определению, тот пусть знает, что он самоосужден, что потерпел кораблекрушение в вере и отделен от единства Церкви!

---

[1] Булла папы Пия IX, провозгласившая догмат о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии.

Догма и ничего кроме догмы

Единодушие — вещь суровая. Догма есть догма. Однако это утверждение смущало некоторых богословов и многих опытных верующих, не говоря уже о противниках Церкви: можно ли было проводить в жизнь догму, которая не являлась частью Божьего откровения, Писания и апостольской традиции? Значило ли это, что Дух Святой наделил папу особенной властью? А следовательно, иногда он мог быть непогрешимым? Последнее умозаключение достигло своего апогея несколькими годами позже, в 1870 году во время Ватиканского собора *(см. главу 2)*.

В то время официальная Церковь постоянно находилась в оборонительной позиции. Культ Девы Марии, настолько популярный, что никакое, даже атеистическое правительство не могло его упразднить, разгорелся во всех концах Западного христианства. Эта неудержимая и всепоглощающая религиозность стала народным ответом рационализму и материализму, процветавшим в Европе со времен Французской революции. Посему могло ли быть случайностью, что именно во Франции в 1858 году, через четыре года после провозглашения догмы, благодаря необразованной пастушке Бернадетте Субиру, понятие «непорочного зачатия» стало общенародным?

Пламенные дискуссии, богословские отступления и неразумные страсти следовали одни за другими. 3 января 1857 года, т.е. через три года после папского решения, на пороге церкви Сен-Этьен-дю-Мон неуравновешенным аббатом, враждебно настроенным против знаменитой буллы Пия IX, был убит архиепископ Парижа монсеньор Сибур!

Одновременно с непрерывным петиционным приходским движением начинает развиваться и новая «научная» дисциплина под названием *мариология*, отличная от пре-

подаваемых в семинариях *христологии* и *экклезиологии*. Сотни тысяч подписей питали собой резолюции, принятые в ходе череды конгрессов, объявивших Марию «благодатной посредницей». На горе святому Павлу, который в своем знаменитом послании совершенно точно указал, что единственным посредником между Богом и людьми является Христос...

В 1913 году ректор Лувенского университета кардинал Мерсье выступил за придание всему этому, особенно концепции о «Марии-посреднице» богословского, университетского и доктринального основания. В Бельгии и во Франции появились исследовательские мариологические общества. Их целью было придание теологического оправдания всему этому слепому поклонению, всем этим чрезмерным привилегиям и неконтролируемым догмам, стремившемся добавить больше «цветов к короне Девы».

Однако данное предприятие оказалось обоюдоострым: навязывая определенные доктринальные требования поклонения Марии, мариология способствовала отделению Марии от остальной Церкви, ставя ее выше Церкви и вне Церкви, рискуя при этом превратить ее в богиню.

Пий XII и успение Марии

1 ноября 1950 года. В Рим хлынули сотни тысяч людей, стремившихся присутствовать при открытии объявленного Пием XII Святого года. В тот день появившийся на балконе собора Святого Петра папа был встречен аплодисментами многочисленной толпы верующих и паломников, пришедших послушать новую доктрину:

— Когда подошли к концу дни жизни непорочной, сохранившей свою девственность Марии, Матери Божьей, она была восхищена телом и душой к небесной славе...

Через три дня был опубликован декрет *Munificentissimus Deus*[1], окончательно определивший догму *успения*: в конце своей земной жизни Святая Дева была избавлена от удела всех смертных людей и нетленной «вошла в небеса». Как и Божественное материнство Марии, ее непреходящая девственность, «непорочное зачатие», эта истина была преподнесена как «Божье откровение» и, следовательно, должна была быть принята всеми христианами «с твердой и непоколебимой верой».

Однако данную доктрину тоже нельзя было назвать новой. Христиане давно уже верили в успение Марии, послужившее мотивом для некоторых праздников еще во времена первой Церкви. Предположительно, дату 15 августа за «Успением» закрепил в VII веке папа Сергий I. В начале VIII века византийский богослов Иоанн Дамаскин объяснял: «Было необходимо, чтобы тело той, которая сохранила свою девственность после родов, осталось нетленным после смерти».

Решение Пия XII было не только торжественным, но и «неоспоримым»: папа впервые ссылался на доктрину о непогрешимости, принятой во время первого Ватиканского собора в 1870 году. Если только не брать во внимание, что провозглашение новой догмы не понравилось протестантам, которые живо оспаривали непогрешимость папы и защищали доктрину о Троице ото всех мариологических излишеств. Она также не понравилась православным, которые старались не допустить обожествления Марии, но при этом страстно ее почитали. Это стало двоякой оборотной стороной для руководителей зарождавшегося экуменического движения.

---

[1] Апостольская Конституция, определяющая догмат о Вознесении Богородицы 1 ноября 1950 г

Пий XII на этом не остановился. В честь столетия провозглашения догмы о Непорочном Зачатии он объявил 1954 год «годом Марии». Во всех уголках вселенской Церкви Святую Деву чествовали новыми поклонениями, новыми титулами, привилегиями и оригинальными праздниками: церемониями, процессиями, девами-«паломницами», освящением храмов и т.д. Было отмечено возросшее количество явлений, особенно в тех странах, где католики пострадали от коммунистических репрессий: в Польше (Краков), Словакии (Турзовка), Западной Украине (Середня), Литве (Скиемонис) и др.

В моду вернулись четки, особенно «семейные». Именно в то время американский священник отец Пейтон начал кампанию в пользу Розария — молитвы, которая так тронула в годы войны молодого поляка Кароля Войтылу, будущего Иоанна Павла II. По просьбе Пейтона княгиня Монако Грейс специально появилась перед камерами, чтобы рассказать о таинствах Розария своим бывшим американским соотечественникам!

Отвечая на ее призыв, Пий XII провозгласил новый «год Марии» в 1958 году в честь столетия явления Бернадетты Субиру и, несмотря на свое плохое самочувствие, 15 августа решил отправиться в Лурд. Однако его личный врач Галеацци-Лизи в последнюю минуту отменил это смелое предприятие на борту «Каравеллы», которое должно было стать первым в истории Церкви воздушным путешествием папы. Папа довольствовался тем, что в сентябре 1958 года направил послание мариологическому Конгрессу Лурда, который с исключительным рвением трудился над темой «Мария и Церковь».

Пий XII доживал свои последние недели. Он отличался необыкновенным поклонением Деве, был глубоко впечатлен

видениями трех пастухов Фатимы, первое из которых произошло 13 мая 1917 года в день его собственного посвящения! Тем не менее, он не уступил настоятельным просьбам мариологов, опиравшихся на сотни тысяч прошений, которые просили его объявить Марию «посредницей» и «соискупительницей», способной «искупать» человеческие грехи подобно самому Христу. По словам папы, это стало бы «ложным и неумеренным перегибом».

Однако в то время книги некоторых умеренных богословов попали под запрет Конгрегации Священной Канцелярии по причине «низведения Марии на уровень всех остальных созданий». Однажды будущий кардинал Парант, в ту пору «консультант» Конгрегации, заявил французскому философу Жану Гитону, автору книги «Дева Мария»:

— Вы недостаточно благородны с Мадонной.

Гитон изобразил вымученную улыбку и, обратившись тотчас к богослову Рене Лорентену, крупному специалисту в области мариологии, спросил:

— Что значит «благородный» с теологической точки зрения?

За кулисами Собора

Январь, 1959 год. Когда едва избранный папа Иоанн XXIII выдвинул идею о созыве нового экуменического Собора, «мариологи» тотчас оживились. Особенно отец Карл Балич, хорватский богослов с кустистыми бровями и твердыми убеждениями. Балич, возглавлявший основанную им самим папскую международную мариологическую Академию, ратовал за то, чтобы статус Девы Марии стал исключительной соборной «схемой», в которой Церковь смогла бы провозгласить привилегию «посредничества» и «соис-

куппления» Девы, т.е. новую догму, которая без преувеличения сделала бы Марию равной Христу.

Когда через несколько недель папа разослал 2 812 епископам всего мира опросник на тему того, что они хотели бы обсудить на Соборе, то был весьма удивлен, увидев, что из 2 150 ответов, изобилующих более или менее смелыми «рекомендациями» и «пожеланиями», около 600 содержали упоминание о Марии и ее статусе в Церкви. Некоторые епископы были обеспокоены отклонениями, вызванными мариологическим культом. Другие же, составлявшие неоспоримое большинство, желали видеть укрепление мариологической доктрины.

У консультанта Конгрегации Священной Канцелярии Балича в Риме было много связей. С появлением первых Соборных структур в июне 1960 года он постарался попасть в богословскую комиссию, отвечавшую за данную доктрину, введя в нее некоторых близких ему по духу прелатов, например, основателя испанского мариологического общества кларетинца Гарсия Гарсеса или епископа Безансона монсеньора Дюбуа, автора книги «Небольшой мариологический итог», иронически прозванной некоторыми его собратьями «ультрамариологической».

Именно Баличу был обязан своим присутствием на этой «подготовительной» к Собору стадии крупный специалист в области мариологии Рене Лорентен. Хорват возлагал на французского богослова большие надежды и тайно хлопотал о том, чтобы последний получил сан епископа. Двое мужчин часто встречались либо у приютивших Балича францисканцев на виа Мерулана 124, либо на виа Помпео Маньо, 13 у урсулинов, где жил Лорентен. Но на беду Балича Лорентен вскоре разоблачил в своих записях семантические излишества мариологов, которые, по его мнению,

могли разрушить масштабный экуменический проект Иоанна XXIII. Пылкий Балич с трудом переносил, когда ему противоречили. Лорентену никогда не суждено было стать епископом...

Отец Балич пускал в ход любые средства. Он добился получения всех трудов современных пап, начиная от Пия IX и Пия XII, которые распространял по собственному усмотрению, а также 450 *пожеланий* епископов, благосклонно настроенных в отношении его умозаключений. Однажды, когда он с жаром защищал доводы специфической схемы под названием *De beata Maria Virgine*[1], измученный Лорентен, наклонившись к сидящему рядом с ним монсеньору Филипсу, спросил:

— Он продает подтяжки или носки?

Французский богослов Ив Конгар, присутствовавший на одной из защитительных речей Балича перед богословской комиссией в марте 1962 года, дал весьма низкую оценку этому несдержанному «пиетисту», помешанному на идее увеличения «привилегий» Девы Марии и полностью непроницаемому к какому бы то ни было экуменическому уважению. Он не смог помешать себе записать в своем «Соборном дневнике»:

— Какой у него талант и какая беспринципность! Какое краснобайство и какая неслыханная проворность!

В тот самый день Балич убедил комиссию извлечь схему *De beata Maria Virgine* (о Блаженной Деве Марии) из проекта посвященной Церкви конституции *De Ecclesia* (см. стр. 24). Один балл в его пользу. В июне 1962 года мариологическая схема была изучена центральной комиссией, где многие убежденные мариологи, в том числе и французский карди-

---

[1] Название взято из моральных рассуждений Августинского монаха XIV века.

нал Поль Ришо, оказали Баличу теплый прием. Наконец, 23 ноября 1962 года, во время первой сессии, ее текст был предоставлен отцам Собора. Последний штрих к документу добавил Балич.

Финальное сражение

26 ноября случилась очередная проволочка: генеральный секретарь Собора монсеньор Феличи на фоне прочих решений огласил намерение окончательно вернуть в конституцию *De Ecclesia* схему *De beata*. Мариологи были раздосадованы, но рук своих не опустили. В то время в кулуарах Собора царили смущение и отчаяние. Дебаты следовали одни за другими, а в базилике Святого Петра нарастало напряжение, ибо сессия должна была вот-вот завершиться, а тексты оставались в подвешенном состоянии. Поползли слухи, что Иоанн XXIII болен. Никто точно не знал, как в дальнейшем будет работать II Ватиканский собор.

Через день, 28 ноября, Балич убедил могущественного кардинала Оттавиани, секретаря Конгрегации Священной Канцелярии, неожиданно вмешаться в дискуссию на волне пылкости и благочестия и предложить утвердить мариологическую схему без голосования в последний день сессии «под одобрительные возгласы». Почему бы и нет, ведь праздник Непорочного Зачатия приходится как раз на 8 декабря. Оттавиани был хорошим оратором и знал, что многие епископы были очень привязаны к Деве Марии. Особенно те, в чьих епархиях в честь Марии были возведен не один храм. Оттавиани горячо аплодировали.

Однако 5 декабря последовала неожиданная развязка: близкий к Иоанну XXIII архиепископ Милана кардинал Монтини выступил с совершенно противоположной идеей!

Опираясь на своего бельгийского коллегу Суененса, также близкого к старому понтифику, он заявил, что текст касательно Девы обязательно будет включен в документ о Церкви, рассмотрение которого отложено до следующей сессии. Включение текста о Марии в конституцию *De Ecclesia*, выступавшую основным документом, наилучшим образом защищало от впадение в мариологический сепаратизм, а также в упрямые и вызывающие мариологические крайности. Балич протестовал: не превратится ли из-за этого Мария, стоящая «выше» Церкви, в обыкновенную смертную женщину? Иоанн XXIII молчал. Схема *De beata* была отнесена на следующую сессию, намеченную на осень 1963 года.

Как только епископы разъехались по своим епархиям, в Риме перед лицом Конгрегации Священной Канцелярии и чиновников курии Балич вновь развернул активную деятельность. В январе координационная комиссия приняла схему в виде отдельного текста, а 22 апреля 1963 года разослала ее отцам. Конечно, ее презентация была более сбалансированной, однако документ получил новый любопытный заголовок: *De beata Maria Virgine Mater Ecclesiae* (Матерь Церкви). «*Mater Ecclesiae*»? Удивительно: в кулуарах курии Мария втайне ото всех стала «Матерью Церкви»! Балич держался скромно: разве не Суененс и Монтини явились инициаторами такого предложения... стремясь успокоить неуемных поклонников Марии?

Доживавший свои последние дни Иоанн XXIII был больше не в силах влиять на дискуссии. Он скончался 3 июня 1963 года. 21 июня вместо него на папский престол под именем Павла VI взошел кардинал Монтини. Это стало плохой новостью для Балича и его эпигонов, понимавших, что новый папа был убежден в том, что Дева не может

«возвышаться» над Церковью и противился тому, чтобы она стала объектом отдельного почитания. Тема породила множественные комментарии и различные публикации. Каждый оттачивал собственные аргументы. Осенняя сессия 1963 года обещала быть неспокойной…

Порядка двадцати голосов...

9 октября 1963 года, когда Собор возобновил свою работу, доктринальная комиссия приступила к изучению двух основных направлений. Между членами комиссии единодушия не было. Недавно назначенные Павлом VI эти «модераторы», свидетели закулисных богословских и пасторских баталий, решили вынести обсуждение на пленарную ассамблею. Кардиналы Кёниг, архиепископ Вены, и Сантос, архиепископ Манилы, должны были беспристрастно ознакомить отцов Собора с двумя наметившимися тенденциями.

Итак, 24 октября кардинал Сантос озвучил десять аргументов в пользу независимости схемы, после чего его коллега Кёниг разъяснил четыре довода в пользу ее включения в конституцию о Церкви. Некоторые наблюдатели отмечали, что австриец сорвал больше аплодисментов. Противная сторона придерживалась на этот счет иного мнения! На следующий же день после необычного поединка оба доклада были распечатаны и розданы в базилике. Монсеньор Феличи объявил, что заключительное голосование состоится 29 октября в ходе 57 генеральной конгрегации. Он неоднократно и неумело настаивал на новом понимании добавленного в название схемы понятия «Матерь Церкви».

В течение двух дней, предшествовавших голосованию, дебаты по поводу Марии приняли размах предвыборной кампании. Отец Балич со стороны мариологов и богослов

Карл Ранер с другой стороны читали доклад за докладом сотням епископов в разных уголках Рима. 28 ноября напечатанные и размноженные тексты до позднего вечера рассылались по римским домам. Вышедшая из ватиканской Типографии брошюра Балича передавалась из рук в руки, как если бы она уже была официальной схемой. В таких условиях позволительной была любая хитрость!

В день голосования газеты в изобилии освещали все эти споры, приводя аргументы обеих противоборствующих сторон. Консервативная римская пресса неистовствовала. Однако многие журналисты прекрасно понимали всю нецелесообразность этих дебатов. Так, в газете *Le Monde*[1] Анри Феске задавал вопрос: «Зачем нужна для Девы специальная схема? В чем ее польза? Ведь никого не смущает, что ни о Христе, ни о Троице никакой схемы нет, хотя они намного важнее Девы!»

За несколько минут до начала сеанса на ступенях собора Святого Петра еще продолжалось распространение текстов и брошюр. У входа в базилику украинский прелат раздавал воззвание восточных епископов в пользу сохранения за Марией ее специфичности, в то время как испанские священники, также старавшиеся в последний момент завладеть несколькими добавочными голосами, объясняли, что голосование за добавление *De beata* означало голосование против самой Девы! Некоторые отцы Собора, пришедшие на генеральную конгрегацию, обнаружили подобные тексты даже на своих стульях. Такого еще никогда не было.

Перед голосованием председательствующий кардинал Агажанян посчитал правильным уточнить, что данное голосование нисколько не исказит славу Девы Марии, одна-

---

[1] Французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов

ко его почти никто не слушал. Результат голосования был объявлен в мертвой тишине: из 2193 голосующих 1114 голосов были за добавление *De beata* в конституцию Церкви, как того хотел Павел VI, и 1074 против. Это было самое разобщенное голосование за всю работу Собора. Схема была похоронена с разрывом в 40 голосов, а именно в 20 голосов большинства!

Эмоции переливались через край. У многих отцов на глазах были слезы. Для многих Дева оказалась «низвергнутой с трона»: она не была больше *над* Церковью, но *в* Церкви, как простая смертная. Некоторые подумывали напрямую обратиться к папе. Однако игра была окончена, и к голосованию больше не возвращались. Некатолические наблюдатели, а еще больше католические сторонники экуменизма, были удовлетворены: поскольку культ Марии изобличил католиков-традиционалистов, ярых противников диалога с протестантами.

8 декабря кардиналу Кенигу поручили создать специальную подкомиссию, состоявшую из четырех епископов для продолжения работы над *De beata* и подготовкой того, что в итоге стало 8 главой конституции о Церкви, которая превратилась в один из главных документов II Ватиканского собора под названием *Lumen gentium*[1].

21 ноября 1964 года сразу после провозглашения документа, благодаря которому Мария обрела свое место, Павел VI провозгласил от своего собственного имени положение о «Матери Церкви», не скрывая своего несогласия с мнением доктринальной комиссии. Он предлагал это положение еще будучи кардиналом Монтини. Новое мариологическое почитание несколько компенсировало

---

[1] Догматическая конституция Второго Ватиканского собора Католической Церкви

разочарование епископов, привязанных к культу Марии. Особенную радость это вызвало у поляков, среди которых был некто Кароль Войтыла, архиепископ Кракова.

Как бы то ни было, с исторической точки зрения такое поклонение стало явной уступкой страстным почитателям Марии. Понятие «Матерь Церкви» было определенно лучше, чем «посредница» и «соискупительница». Впрочем, папа сделал Баличу и его сторонникам и другую уступку, отведя центральное место в 8 главе конституции Церкви 4 параграфу со следующим названием: «4. Культ Святой Девы в Церкви». Однако, как подчеркивают некоторые внимательные богословы, существует только один христианский культ, в котором Деве отведено, конечно, особое место, но не более того! Что же в таком случае представлял собой этот «культ Святой Девы»?

Спор остался незаконченным. Возможно, он не закончится никогда. Сторонники мариологического культа еще долго будут стремиться к более величественному прославлению Девы Марии. Но тогда, 29 октября 1963 года II Ватиканский собор смог избежать худшего, положив конец догматическому отклонению, которое в действительности вело к идолопоклонству.

9
Иоанн XXIII между двух гигантов

Как папа эпохи Собора смог избежать ядерного апокалипсиса

Мир — наш общий дом.
Иоанн XXIII

Вторник, 16 октября 1962 года, 9 часов утра. В Риме в базилике Святого Петра, превращенной в огромный зал заседаний, собралась первая «генеральная конгрегация» II Ватиканского собора. В то утро 2 500 архиепископов и епископов, съехавшихся со всего мира, собрались вместе, чтобы избрать 160 членов будущих комиссий, которым суждено было руководить работой Собора. Через пять дней после торжественного открытия Собора, возглавляемого папой Иоанном XXIII, отцы сразу же перешли к обсуждению главной темы. В субботу они демонстративно отклонили предложенный им метод избрания своих делегатов посредством подготовленных курией анонимных

списков. Этот неожиданный бунт высвободил огромную ассамблею, которой надлежало стать не скромной регистрационной палатой, как опасались многие, но подлинным фойе размышлений и дебатов на тему адаптации Церкви к современному миру.

Тремя днями ранее папа предоставил аудиенцию дипломатам, приехавшим посмотреть на начало этого исторического процесса. Послам и поверенным в делах из двадцати четырех стран Иоанн XXIII объяснял на французском языке, что помимо своих чисто религиозных дел Собор должен способствовать установлению «нового порядка в человеческих отношениях» и «подлинного мира», а также «прекращению вражды между людьми разных национальностей и мировоззрений!»

Среди присутствующих один из дипломатов подавил едва уловимую дрожь. Это был посол США в Италии Джордж Фредерик Райнхардт, прекрасно понимавший, что произнесенные папой слова как нельзя лучше отражали неспокойную действительность...

***

Вторник, 16 октября 1962 года, 9 часов утра. В Вашингтоне президент Джон Кеннеди спокойно завтракал, просматривая утренние газеты, когда вдруг к нему со срочным визитом явился один человек. Это был советник Белого дома по делам безопасности МакДжордж Банди. Он не решился беспокоить своего шефа среди ночи, однако информация, которую он принес в своем портфеле, больше ждать не могла. Речь шла о сверхсекретных снимках, сделанных над Кубой два дня назад двумя самолетами-разведчиками U-2, пилотируемыми майорами Андерсоном и Хейзером.

На увеличенных в тридцать раз фотографиях отчетливо было видно, как Советы устанавливали пять баз баллистических ракет в Кристобале, Сан Канделарии, Гуанайе, Сагуа-ла-Гранде и Ремедиосе. Ясно просматривались двадцать четыре единицы ракет средней дальности, ракетные пусковые установки и хранившиеся поблизости боеголовки. Несколькими неделями ранее на этом месте были лишь саванна да пальмы.

Джон Кеннеди тотчас осознал ужасную угрозу, которую эти ракеты представляли для безопасности США и мира в целом. Озадаченный президент посмотрел на своего сотрудника: разве тот не уверял его еще накануне, что военная помощь СССР своему новому кубинскому союзнику не несла Соединенным Штатам «никакой смертельной угрозы»?

— Мы ошиблись! — ответил советник Банди.

Историческое совпадение. В день, когда в Риме открылось первое заседание Собора, изменившего впоследствии крупнейшее образование мира, этот самый мир семимильными шагами приближался к величайшей катастрофе, которую человечество еще не знало.

Адская партия в покер

Когда 20 января 1961 года Джон Кеннеди сменил в Белом доме Дуайта Эйзенхауэра, первое, что он нашел на письменном столе своего предшественника, оказалось «срочное» кубинское досье. С тех пор как власть на острове в январе 1959 года перешла в руки Фиделя Кастро, ситуация между США и их новым соседом обострилась. Куба со своей стороны приступила к жесткой национализации североамериканских богатств и установлению дипломатических отношений с СССР; американские же руководители,

в свою очередь, не скрывали намерения всеми способами устранить власть имущего чужака и вернуть себе контроль над островом. В нарушении всех международных правил старый Эйзенхауэр и ЦРУ планировали предпринять военное вторжение на Кубу посредством подготовленных для этой цели кубинских эмигрантов. Под давлением окружавших его «фоконов» Кеннеди осуществил рискованную инициативу своего предшественника, за которую поплатился унизительным поражением в бухте Кочинос в апреле 1961 года и тотальным равнением Кастро на своего нового советского друга.

Однако в то время отношения между США и СССР уже были натянутыми из-за ядерного оружия, объем и эффективность которого обуславливали так называемую «гонку вооружения». В ноябре 1961 года в Турции США развернули 15 ракет средней дальности «Юпитер» и 30 таких же ракет в Италии. Эти ракеты с ядерными боеголовками весом 1,4 мегатонн были способны достичь территории СССР, что приводило Советы в бешенство. В мае 1962 года Хрущев дал разрешение на операцию «Анадырь»: к новому кубинскому союзнику через Атлантику спешно направились 50 000 солдат и техников, а также 36 ядерных ракет СС-4 и СС-5, которые должны были «отговорить» США от завоевания мятежного острова. Позже в своих «Воспоминаниях» Никита Хрущев писал: «Я постоянно думал: если Куба падет, нас оттолкнут и другие латиноамериканские страны. Они решат, что, несмотря на всю свою мощь, Советский Союз только и смог сделать для Кубы, что выразить перед ООН свои неубедительные протесты!» Хрущев также понимал, что на него внимательно смотрел его новый идеологический сторонник в лице коммунистического Китая и Мао Цзедуна. Ставкой в этой адской

партии лживого покера было лидерство СССР, которое он в течение полувека сохранял перед лицом всего «прогрессивного» мира...

2 октября в атмосфере строжайшей секретности Кремль начал операцию «Кама». Четыре боевых субмарины класса «Фокстрот» покинули Кольский полуостров в Северном море. Перед ними стояла задача: выйти в Атлантический океан и, не обнаруживая себя, присоединиться к идущим на Кубу судам для защиты их от американской агрессии. Мало кто даже в Москве знал, что на борту этих субмарин находились ядерные торпеды. Все официальные представители Никиты Хрущева, включая советского посла в Соединенных Штатах Анатолия Добрынина, долго старались всех уверить, что поставки на Кубу советского вооружения осуществлялись исключительно в оборонительных целях.

Американцы проиграли информационную войну, потратив около месяца на распознавание и оценку новой советской угрозы. Этому было три причины: сначала Кеннеди, желая продемонстрировать добрую дипломатическую волю, отменил 5 сентября полеты знаменитых U-2; когда же, наконец, президент решил возобновить полеты, операцию парализовало внутреннее соперничество между Пентагоном и ЦРУ; наконец, съемкам с самолетов помешал удар стихии, особенно тропический циклон «Элла», бушевавший до вечера 14 октября...

Возрастающее напряжение

Выслушав долгий доклад своего советника МакДжорджа Банди, президент Кеннеди тайно созвал 11 утра Совет национальной безопасности, пригласив на него нескольких экспертов. На этом продолжительном совещании присутствовали: вице-президент Линдон Джонсон, министр

юстиции Роберт Кеннеди, государственный секретарь Дин Раск, секретарь министерства обороны Роберт Макнамара, директор ЦРУ Джон Маккон... Изучив фотографии, они пришли к окончательному и неопровержимому заключению: речь действительно шла о полной комплектации ракетных установок, предназначенных для ракет средней дальности с ядерными боеголовками. Было видно, что на этих сооружениях день и ночь трудились тысячи рабочих.

Дискуссия была оживленной. Советские ракеты, размещенные в 150 км от Флориды, представляли для американцев безусловную угрозу. Шок, головная боль. Обеспечение «равновесия угрозы» — атомное «устрашение» зиждилось на возможном ответном ударе, который могло нанести любое государство в случае ядерной атаки... если только это позволяла сделать не слишком короткая дистанция между противниками!

По возвращении в Пентагон Роберт Макнамара срочно сформировал группу, включавшую в себя всех военачальников, разведчиков и военных инженеров... В атмосфере строжайшей секретности во Флориде наспех были собраны значительные наземные силы. Позже к ним присоединились два воздушно-десантных дивизиона, готовых высадиться на злосчастный остров. Следующие вылеты самолетов-разведчиков показали, что через Атлантику в направлении Кубы двигались 26 новых советских судов, груженных боеголовками и тяжелым материалом, которые к тому времени уже пересекли отметку «Азоры–Новая Земля». Революцию Кастро — кошмар для американских руководителей — Кремль решил защищать любым способом. И, скорее всего, любой ценой.

***

Суббота, 20 октября. В Риме съехавшиеся со всей планеты кардиналы, архиепископы и епископы открыли свое первое крупное обсуждение, касавшееся литургической реформы. В тот день в рамках своей работы отцы Собора приняли помпезное «Послание миру», свидетельствовавшее об их неравнодушии к тревогам современного человечества, в том числе и в вопросах мира. Текст, конечно же, был несколько необычным, но слишком уж обобщенным. Никакой связи с действительностью. Ничего общего с назревавшим Карибским кризисом. Документ тотчас был предан забвению, и епископы вернулись к литургической реформе...

Один миллиард жертв?

Понедельник, 22 октября. В Вашингтоне Джону Кеннеди доложили из ЦРУ о четырех советских субмаринах, направлявшихся для сопровождения хрущевских кораблей. Серьезно поразмыслив, президент решил поместить их «на карантин», иными словами, устроить Кубе морскую блокаду вопреки международным соглашениям. По приказу Белого дома для перехвата вражеского флота были направлены 8 авианосцев и 78 воздушных эскадрилий. Для оправдания своего поступка президент лично выступил в 20 часов по телевидению, обвинив СССР в «очевидном и умышленном пренебрежении» Уставом ООН.

Это выступление вызвало в стране шок. Каждый понимал, что Кеннеди был настроен решительно: если размещенные на Кубе русские ядерные ракеты коснутся американской земли, то американские ракеты тотчас же полетят на советскую. Сидящий перед телевизором сенатор Хьюберт Хамфри, горячий сторонник прекращения ядерных

7 Зак 478

испытаний, которого Кеннеди обошел на выборах весной 1960 года, воскликнул:

— Следующие 24 часа станут решающими!

К концу дня текст этого телевизионного выступления был передан государственным секретарем Дином Раском советскому послу Добрынину, который был очень удивлен решением президента. Ведь русский дипломат все время убеждал своих кремлевских начальников в том, что американцы были настроены «слишком либерально, чтобы воевать». Неожиданная твердость Кеннеди могла стоить ему должности...

В ООН американское решение активно критиковалось, особенно представителями Восточной Европы и стран третьего мира. Представители западных держав встретили его сдержанно. Генеральный секретарь ООН У Тан не скрывал своего беспокойства:

— Речь господина Кеннеди была самой зловещей и самой значительной, которую я когда-либо слышал из уст главы государства!

На следующий день созванному в срочном порядке Совету безопасности американский делегат Эдлай Стевенсон представил фотографии, сделанные с борта U-2. Его советский коллега Валериан Зорин принялся с апломбом все отрицать:

— Эти снимки — монтаж американских спецслужб! Я утверждаю, что на Кубе нет никаких советских ракет!

В Рокенкуре под Парижем главнокомандующий НАТО в Европе (*Shape*) привел свои базы в состояние боеготовности. В Москве силами Варшавского договора маршал Гречко сделал то же самое. Фатальный механизм был приведен в действие. С тех пор, как двенадцатью годами ранее две сверхдержавы обзавелись атомным оружием, стал

воплощаться в жизнь наихудший из всех воображаемых сценариев. Политики и военные понимали, что на мир неумолимо надвигался беспрецедентный атомный катаклизм.

Один из наиболее близких к Кеннеди людей, его советник и друг Артур Шлезингер записал в своем дневнике: «Отныне мы оказались вне всяких тактических маневров: все дороги ведут к катастрофе. Непреклонные обязательства, от которых ни Кремль, ни Белый дом уклониться не могут, способны повлечь за собой неизбежную цепную реакцию». Все специалисты знали, что эта «неизбежная» цепная реакция может привести к гибели как минимум одного миллиарда человек.

В тот день прибывший в Вашингтон американский поверенный, встретившийся перед своим вылетом с Хрущевым, привез в США реплику хозяина Кремля:

— Если Соединенные Штаты хотят войны, то мы все встретимся в аду!

Андоверские кулуары

Вторник, 23 октября, Андовер, штат Массачусетс. В тихом изолированном колледже два дня работал научный коллоквиум, на который в рамках «неполитических» переговоров между двумя сверхдержавами, собрались два десятка американских и советских ученых. Это была уже третья встреча в разгар холодной войны, в ходе которой собравшиеся питали надежды на «мирное сосуществование», способное не допустить войну между Востоком и Западом. Первая такая встреча состоялась в Ганновере в Нью-Хэмпшире в 1960 году; вторая — в Крыму в 1961 году. Финансирование этих встреч осуществлял фонд Форда. Конечно, никто не верил, что такие встречи способны

установить мир во всем мире, однако участники оных завязывали контакты, сопоставляли свои исследования, порой симпатизировали друг другу и держали один другого в курсе событий.

В тот вторник все разговоры вращались вокруг переданного накануне вечером телевизионного обращения Кеннеди. Присутствовавшие на встрече ученые, писатели, пропагандисты и секретные агенты прекрасно осознавали всю серьезность создавшейся ситуации. На фоне общего беспокойства и тревоги некоторые американские организаторы советовали своим советским гостям как можно скорее вернуться домой, «пока еще было не поздно».

В конце дня одного из сопрезидентов коллоквиума Нормана Казинса пригласили к телефону. На другом конце провода он услышал голос советника Джона Кеннеди Теда Соренсена. Белый Дом судорожно пытался отыскать посредников, способных повлиять на упрямство советских руководителей. Кеннеди позвонил также философу Бертрану Расселу, руководителю другого «неформального» кружка *Pugwash Conferences on Science and World Affairs*[1], где каждый год встречались пацифисты Запада и Востока.

Прогрессивный журналист и директор *Saturday Revue*[2] Казинс длительное время ратовал за учреждение независимой и суверенной мировой власти, способной выступить посредником в случае возникновения ядерной угрозы. Поскольку в решении данного вопроса ООН оказалась совершенно недееспособной, Казинс полагал, что положить конец «биполярному» мышлению, неизбежно ведущему к

---

[1] Пагуошское движение ученых — движение ученых, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение мировой термоядерной войны и научное сотрудничество.

[2] Периодическое издание США.

противостоянию, сможет только папа римский. Практический свободный от какого бы то ни было политического пристрастия, нечувствительный к экономическому и военному давлению, наделенный неоспоримыми моральными преимуществами, понтифик смог бы, по мнению Казинса, образумить две противоборствующие стороны «маловероятного триумвирата».

Соренсен объяснил Казинсу, что президент был в курсе его предложения. Он звонил ему потому, что «ситуация вышла из-под контроля» и что необходимо было безотлагательно испробовать все возможные средства, чтобы остановить приведенный в действие военно-политический механизм. Продолжая искать в своем окружении другие связующие с Ватиканом ниточки, Кеннеди умолял Казинса попытаться применить на практике свою старую теорию, и, оставив все свои дела, помочь ему установить контакт с папой Иоанном XXIII.

Казинс не был лично знаком с папой, однако сохранил несколько прежних контактов в бытность своего пребывания в Риме. Он заперся в небольшом андоверском конференц-зале в компании своего друга отца Морлиона, доминиканца бельгийского происхождения, вхожего в американские секретные службы. 58-летний Феликс Морлион отличался несколько скандальной репутацией и имел два известных пристрастия: кино — он писал для Феллини и Росселлини — и сближение Запада с Востоком. Загадочный, скрытный, подозрительный полиглот был хорошо знаком с римской курией, где у него были не только друзья, но и недоброжелатели, как, например, секретарь Конгрегации Священной Канцелярии кардинал Пиццардо, который двумя годами ранее попросил его даже покинуть Рим!

Как достучаться до господина Х?

В Государственном секретариате двое мужчин набрали личный телефонный номер заведующего протокольным отделом монсеньора Кардинале. Знакомый с Морлионом прелат понимал, что дело серьезное и не терпит отлагательств. Он поставил в известность субститута монсеньора Делль Аква, который менее чем через четверть часа ответил следующее: ситуация очень серьезная, папа согласен выступить посредником перед Хрущевым. Мог ли Казинс со своей стороны сделать что-нибудь для установления этого сомнительного контакта?

И Казинс обратился за помощью к находившимся в Андовере советским делегатам товарищам Шумейко и Федорову, косо поглядывавшим на Морлиона: никогда еще в своей жизни им не случалось беседовать с католическим священником! В четыре руки они сочинили послание для Никиты Хрущева, призванное склонить его к согласию на посредничество папы. Едва текст был составлен, его тут же зашифровали и передали в Кремль. «Мы верим, — обращались к Хрущеву авторы письма, — что вы любите мир и не станете из-за политики губить миллионы людей...» Никто не знал, получит ли Хрущев эту телеграмму и обратит ли на нее хоть малейшее свое внимание.

Глава советской компартии мало интересовался Ватиканом. В Москве не терял своей актуальности знаменитый вопрос Сталина: «А сколько дивизий у папы римского?» Правда, несколькими днями ранее всех удивило агентство ТАСС, посвятившее несколько строк речи Иоанна XXIII, произнесенной им на открытии Собора. Разумеется, редактор не стал прославлять добродетели католической религии, однако доводы папы римского в отношении мира по-

казались ему примечательными. «Кто же не боится войны? Кто всеми силами не стремится к миру?» — говорил понтифик. Вот что изменило привычные диатрибы Ватикана, направленные против коммунистической угрозы.

Явленные в последнее время некоторые знаки ослабления напряженности навевали мысль о том, что царившая на протяжении сорока лет взаимная неприязнь между СССР и Ватиканом не была уже столь категоричной. Так, в октябре 1958 года, Радио Москвы на удивительно дружелюбной волне оповестило всех о выборах папы Иоанна XXIII. А в ноябре 1961 года Хрущев отправил Иоанну XXIII поздравительную телеграмму в честь его 80-летия. Папа вспоминал, как в тот день во время обеда его побеспокоил старый кардинал Чиконьяни, принесший ему необычную телеграмму, доставленную русским послом Семеном Козыревым.

Внимание, которое новый папа уделял сохранению мира, вызывало у Советского Союза особенный интерес. В Кремле пристально следили за приготовлениями ко II Ватиканскому собору. В то время, когда СССР послесталинской эпохи в полную силу использовал на дипломатической арене, особенно в вопросах разоружения, свои чары, такая репрезентативная ассамблея не могла пройти незамеченной в глазах ответственных руководителей ЦК КПСС. Кроме всего прочего в Москве не преминули отметить, что Иоанн XXIII воспротивился тому, чтобы Собор начал свою работу со злостного осуждения коммунизма.

«Мир! Мир!»

Вечером 23 октября папа закрылся в своем кабинете вместе с монсеньором Делль Аква и монсеньором Кардинале для того, чтобы составить «радиопослание», главным

адресатом которого выступал Никита Хрущев. В Государственном секретариате до раннего утра горел свет: завершенный текст должен был быть перечитан и переведен на полудюжину языков. Время от времени папа вставал из-за своего рабочего стола для молитвы в расположенной поблизости личной часовне. Как привлечь внимание Хрущева? Как достичь этого, а еще важнее, как его убедить?

На следующее утро, в среду, Иоанн XXIII выступил с речью во время своей главной еженедельной аудиенции. Обратившись к тысяче паломников из Португалии, присутствовавших на аудиенции помимо остальных верующих, папа решил таким образом протестировать свой ночной текст, дополнив его несколькими туманными фразами.

— Папа, — произнес он, поднимая голову, — всегда говорит благосклонно со всеми государственными мужами, которые там и здесь, повсюду ищут встречи друг с другом с целью предотвращения войны и сохранения мира...

Чуть позже Иоанн XXIII добавил:

— Как бы то ни было, лишь Дух Господень способен совершить это чудо там, где отсутствует подлинная духовная жизнь...

Намек на «государственных мужей, которые ищут встречи друг с другом» ускользнул от португальских паломников, но привлек внимание находившихся в Риме дипломатов. Эта речь предвосхитила собой послание, которое монсеньор Делль Аква направлял в тот момент посольствам США и СССР в Риме.

В своем послании Иоанн XXIII говорил о «тревожном вопле, который со всех концов земли, от невинных младенцев до старцев, отдельных людей и сообществ, возносился к небесам: мир! мир!». «Мы умоляем всех правителей

не оставаться глухими к этому воплю. Пусть они сделают все, что в их власти, для спасения мира! Ибо так они избавят землю от ужасов войны, разрушительные последствия которой никто не может предсказать. Пусть они продолжают вести переговоры, ибо верные и открытые отношения имеют ценное свидетельство для каждого в отдельности и истории в целом. Проводить в жизнь, благоприятствовать, соглашаться на переговоры всегда и на всех уровнях есть мудрое и осмотрительное правило, благословляемое Небом и землей...»

В полдень Радио Ватикана передало призыв папы на всех языках, особенно на английском и русском.

На первой полосе «Правды»!

Несколько часов спустя в Вашингтоне военные эксперты сообщили Кеннеди необычную информацию: в 10 часов по местному времени два первых советских судна «Кемов» и «Гагарин» подошли к обозначенной американцами линии блокады; однако в 10.25 часть кораблей застопорили ход и застыли в полуразвороте. Что это: технические неполадки, хитрость или знак доброй воли? Утверждать что-либо и ослаблять свое давление было еще слишком рано.

В конце того же дня 25 октября советские послы в Лондоне и Боне, получившие инструкции от своего министра Андрея Громыко, публично заявили о желании мирного выхода из кризиса. Никто не представлял себе, что в тот самый момент в Москве на ротационных печатных машинах «Правды» выходил датированный 26 октября номер с воззванием папы Иоанна XXIII на первой странице: «Мы умоляем всех правителей не оставаться глухими к этому воплю!» Впервые на первой полосе «Правды» упоминался глава Католической церкви.

В тот же день Белый дом получил от Хрущева телеграмму следующего содержания: если США откажутся от завоевания Кубы и снимут морскую блокаду, у Советского Союза не будет больше повода оставлять на острове свои ракеты. Представленная таким образом *deal* позволяла каждой из сторон сохранить свое лицо. Ответ Кеннеди был незамедлительным и спокойным: согласен на переговоры. В Овальном кабинете понимали, что кричать о победе было равносильно самоубийству...

Воскресенье 28 октября. В Вашингтоне специалисты читали и перечитывали вторую телеграмму Никиты Хрущева: СССР подтверждает свое согласие отозвать корабли и демонтировать ракетные базы на Кубе, если США пообещают убрать свои ракеты с территории Турции и подписать с Фиделем Кастро пакт о ненападении. Кроме этого, переговоры должны были немедленно начаться в Нью-Йорке в рамках заседания ООН. Ни США, ни СССР не утратили своего лица. Апокалипсис не состоялся.

В тот день в Риме Иоанн XXIII проводил в часовне праздничную мессу, посвященную миру. Это была четвертая годовщина со дня его избрания конклавом. Делль Аква принес ему сообщение из Белого дома: Хрущев согласился на переговоры, Кеннеди благодарит папу за его вмешательство. Иоанн XXIII потянул Делль Аква за рукав, приглашая его помолиться вместе с ним. Затем в полдень он открыл окно своего кабинета, чтобы произнести молитву *angelus*[1] и обратиться к толпе паломников, в большом количестве собравшихся на площади Святого Петра:

— Голос Евангелия слышим, он звучит от одного конца мира до другого, находя дорогу к сердцам!

---

[1] Католическая молитва, названная по ее начальным словам. Состоит из трех текстов, описывающих тайну Боговоплощения, перемежаемых молитвой «Радуйся, Мария».

И папа призвал помолиться Господу, чтобы Он «рассеял злые тучи на горизонте межнационального сосуществования». Папа благословил толпу. Даже если каждый осознавал драматичность международного положения, никто точно не знал, на что только что намекнул папа.

Старый понтифик приступил к написанию воззвания, следуя всем своим размышлениям, посетившим его в эти сложные дни. Он знал, что был болен, что жить ему оставалось недолго и что он должен посвятить свои последние силы II Ватиканскому собору, который в любой момент мог увязнуть в рутине, консерватизме и второстепенных обсуждениях. «Добрый папа Иоанн» хотел оставить миру послание, которое в будущем сможет преодолеть международные противоречия. Нечто вроде завещания для правителей своего времени.

Это воззвание, опубликованное папой перед самой его кончиной в апреле 1963 года в виде энциклики, называлось *Pacem in terris* («Мир на земле»).

***

Вторник, 13 декабря 1962 года. В Москву приехал издатель Норман Казинс. К концу первой половины дня он был принят Хрущевым. Казинс, опубликовавший позже воспоминания об этой встрече, писал и о переговорах в Андовере:

— Папе понадобилось немало мужества, чтобы говорить так, как он говорил во время кубинского кризиса...

На что Хрущев ответил:

— Мы с папой можем расходиться во многих вопросах, но мы едины с ним в стремлении к миру. Важнее всего — это жить самим и позволять жить всем другим народам. [...] Американцы утверждают, что могут уничтожить всех русских. Нам это известно. Мы в состоянии сделать то же

самое. [...] Вмешательство папы Иоанна XXIII останется в истории!

Хрущев ошибся: роль Иоанна XXIII в разрешении кризиса, связанного с кубинскими ракетами, в истории не осталась. За все последующие пятьдесят лет американцы ни разу не вспомнили об участии папы в этом деле, предпочитая приписывать выход из кризиса «твердости» Кеннеди и «уступкам» Хрущева. Что же касается Советского Союза, то после отставки господина Х. в октябре 1964 года все эпизоды, связанные с папой, из исторической литературы были изъяты.

10
Прогрессист по имени Ратцингер

Был ли будущий Бенедикт XVI одним из реформаторов II Ватиканского собора?

Мир прогрессирует только благодаря крайним и существует только благодаря умеренным.

Поль Валери

Понедельник, 8 октября 1962 года. Из Кёльна в Рим прибыли трое мужчин в сутанах. Самым главным и самым старшим среди них, облаченным в головной убор и пояс красного цвета, был кардинал Йозеф Фрингс, архиепископ Кёльна. Его приняли с почтительностью. Архиепископа сопровождали два молодых священника: его личный секретарь Хуберт Люте и советник, богослов Йозеф Ратцингер. Эти три духовных лица были не единственными в многочисленной толпе епископов, священников и журналистов, наводнивших собой Вечный город. Через три дня в римском соборе Святого Петра должно было состояться

историческое событие: открытие II Вселенского Ватиканского собора.

Добравшись до центра старого города, трое гостей устроились в «немецком колледже» при церкви Санта-Марии-дель-Анима, расположенном позади пьяцца Навона. Другие немецкие епископы остановились в колледже «*Тевтоникум*», находившемся в непосредственной близости от базилики Святого Петра, колледже «*Германикум*», рядом с вокзалом Термини на улице Сан Николо да Толентино либо других религиозных институтах периферии. Старый кардинал потребовал, чтобы двое его протеже тоже остановились в Санта-Мария-дель-Анима, дабы всегда иметь их под рукой. Для молодых священников это был удачный вариант, поскольку приход Санта-Мария-дель-Анима, частью которого являлся «немецкий колледж», представлял собой место встречи всех римских германофонов и в течение трех последующих лет служил одним из основных «стратегических» перекрестков соборных авантюр.

В тени кардинала Фрингса

Йозефу Ратцингеру всегда сопутствовала удача. В апреле 1959 года этот молодой 32-летний баварский священник был назначен преподавать на богословском факультете Боннского университета. Это была его первая преподавательская должность. На первый взгляд, это не имело ничего общего с событием, которое произошло в Риме тремя месяцами ранее, а именно, с предложением нового папы Иоанна XXIII созвать Вселенский собор. Однако этот незаурядный проект, овеянный самыми невероятными слухами, привел в движение всех руководителей католической Церкви и особенно столичного архиепископа кардинала Йозефа Фрингса, в ведении которого находился Боннский

университет. Став в 1942 году архиепископом Кёльна, а в 1946 году благодаря Пию XII — кардиналом, Фрингс был подлинным «принцем Церкви», популярность которого во многом держалась на его безукоризненном поведении во время нацистского режима в годы войны.

Кардинал Фрингс руководил самой большой в Германии епархией и возглавлял Немецкую епископальную конференцию, поэтому вполне естественно, что очень скоро и под большим секретом его привлекли к подготовительным работам будущего Собора. В июне 1960 года папа лично назначил его членом Центральной подготовительной Комиссии II Ватиканского собора. Фрингс быстро понял, насколько сложно будет территориальным архиепископам, в том числе ему самому и его коллеге Юлиусу Дёпфнеру из Мюнхена, выдерживать давление куриальных кардиналов, этих именитых доктринеров, сгруппировавшихся вокруг президента незыблемой богословской комиссии могущественного кардинала Оттавиани. Оторванные от «земных» реалий, эти почтенные римские кардиналы и монсеньоры в большинстве своем были ярыми противниками перемен в жизни Церкви.

Фрингс же поддерживал идею Иоанна XXIII: после долгого правления Пия XII необходимо было срочно приступать к *аджорнаменто* Церкви, закосневшей в своей структуре, привычках, понятиях и привилегиях. Избранный в ноябре 1958 года папа не был ни интеллектуалом, ни богословом, ни юристом, что, возможно, и послужило поводом к такому смелому поступку. Однажды, когда один из посетителей спросил «доброго папу Иоанна» о его конкретных планах, святой отец открыл окно своего кабинета и, широко улыбнувшись, ответил:

— Впустить в Церковь свежий воздух!

Между теми, кто последовал пророческой интуиции нового папы, и теми, кто стремился ее ограничить, назревала жесткая борьба. В Кельне на столе архиепископа скапливалась груда приходивших из Рима объемных документов, ожидавших чтения, корректировки, реакций, мнений, письменных ответов и т.д. Начиная с осени 1961 года у Фрингса вошло в привычку пересылать их «для комментариев и предложений» молодому талантливому преподавателю богословия в Бонне, некоему Йозефу Ратцингеру, ставшему вскоре одним из его сотрудников.

Существует две версии о возникновении доверительных отношений между кардиналом Фрингсом и недавно приехавшим из своей родной Баварии молодым богословом. По версии самого Фрингса, упомянутой им в своих мемуарах, он познакомился с Ратцингером во время концерта, который давали в *Gurzenich*[1] в Кельне незадолго до начала совещания Центральной подготовительной Соборной комиссии, запланированной в Генуе на осень 1961 года. Ратцингер же, в свою очередь, вспоминает о конференции, данной им во время коллоквиума в Бенсберге, в продолжении которой архиепископ якобы вступил с ним в разговор и предложил встретиться еще раз.

К чему все эти толки! Главное то, что Ратцингер в тени Фрингса стал прямым свидетелем всех предсоборных маневров. В течение всего года он с удивлением наблюдал за скрытыми баталиями, которые посредством переписки вел его архиепископ, за то, чтобы от участия в Соборе не были изолированы прихожане, чтобы власть епископов не была фиктивной и чтобы участие в дебатах смогли принять

---

[1] *Gurzenich-Orchester* – один из крупнейших европейских оркестров, расположенных в Кельне

некатолики. Он сделал вывод, что Соборный порядок был тщательно скрыт от посторонних глаз и что II Ватиканский собор имел все шансы стать послушной ассамблеей, не имевшей иной власти, кроме власти ратифицировать все, что со знанием дела запланировала римская курия.

На протяжении месяцев Ратцингер наблюдал за скапливавшимися неинтересными документами и пресными текстами, угрожавшими превратить Собор в банальную рутину. Он с беспокойством отмечал, что подготовительные комиссии разработали семьдесят «схем», составивших приблизительно две тысячи печатных страниц, что было «вдвое больше общего количества документов всех предыдущих Соборов вместе взятых!» Более того, он заметил, что все эти тексты отличались «узостью» и «ригидностью». Он сожалел, что в них не нашлось места библейскому, патристическому и литургическому обновлению, к которому на протяжении нескольких последних десятилетий так тяготели немецкие богословы...

Богословский балет

В преддверии важного заседания Центральной подготовительной комиссии, намеченного в Генуе на 20 ноября 1961 года, Фрингс попросил Ратцингера подготовить основной документ о том, каким должен был стать II Ватиканский собор в свете I Ватиканского собора, состоявшегося сто лет тому назад. Польщенного молодого человека дважды просить не пришлось. «Эта работа была настолько хороша, — рассказывал позже Фрингс, — что я внес всего одну правку». Член той же самой подготовительной комиссии архиепископ Мюнхена кардинал Депфнер попросил Фрингса переслать ему копию этого выступления,

которое он нашел весьма позитивным как в отношении будущего более глубокой и свободной религии, так и в отношении шансов, которые имели литургическое и мариальное движения и т.д. Даже слишком позитивным.

— Это красивые мечты о будущем, — вздыхал Дёпфнер, — однако не всем им суждено сбыться...

В этот документ Йозеф Ратцингер добавил несколько собственных соображений по поводу будущего Собора, немного их замаскировав. Так, благодаря ему, его патрон заявил, что «сегодняшний человек» может отвернуться от католической Церкви, если будет продолжать относиться к некоторым ее «традиционным практикам» как «тоталитарным»; он высказал опасение, что на Соборе «навязанные сверху мнения» подавят собой «истинные интеллектуальные дебаты», и, наконец, что Собор, оказавшись в ловушке мнений своих догматических стражей, не послужит «истинному общему исканию истины».

Чего только ни говорили об этом безличном и неизвестном «сегодняшнем человеке». Распространенное таким образом мнение было мнением самого Ратцингера, сожалевшего о том, что скованная своими архаизмами Церковь была не в состоянии бороться против *историцизма* в плане богословия и *релятивизма* в плане религии. Его диагностика вполне совпадала с мнением Фрингса, Дёпфнера и даже Иоанна XXIII, который тепло поздравил архиепископа Кёльна с его выступлением в Генуе 23 февраля 1962 года.

— Это не моя речь, она принадлежит профессору Йозефу Ратцингеру, — честно признался папе Фрингс.

Ратцингер попал в точку. Если кардинал Фрингс еще колебался по поводу привлечения молодого баварца к делам Собора, то никто не сомневался в том, что энтузиазм папы, с которым он цитировал это генуэзское выступ-

ление, окончательно укрепил его выбор. Фрингс, у которого в сопроводителях уже числился его личный секретарь Хуберт Люте, решил привести с собой и этого молодого, умного, образованного и внимательного богослова. И потом, природная любезность Ратцингера нравилась пожилому 75-летнему архиепископу, который с трудом передвигался и почти ничего не видел.

Весной 1962 года германоязычные богословы, такие как Карл Ранер и Ганс Кюнг, начали потихоньку «подбираться» к тому или иному архиепископу. Первый был заинтересован в сопровождении на Собор архиепископа Вены кардинала Кёнига; второй колебался в принятии предложения епископа Роттенбурга монсеньора Лайпрехта. Для всех этих славных и немного амбициозных священников поездка в Рим стала настоящим захватывающим приключением. В своих Мемуарах Ганс Кюнг рассказывал, что Ранер написал ему о своем намерении «учредить на время Собора клуб вместе с Ратцингером, Семмерлотом, Конгаром, Шиллебиксом...»

Однако некоторые небезызвестные богословы оказались вне общего праздника. Так, 57-летний швейцарец Ганс Урс фон Бальтазар, один из величайших католических мыслителей своего времени, был лишен участия в Соборе из-за того, что двенадцать лет назад оставил Общество Иисуса. В результате этого инцидента в его сердце на долгие годы затаилась глубокая обида. То же самое касалось и доминиканца Мари-Доминик Шеню, отношение к которому было испорчено из-за его смелой защиты священников-рабочих четырехлетней давности и который должен был довольствоваться должностью «личного» советника мальгашского епископа без официального статуса «эксперта» (*peritus*), позволявшего ему хотя бы просто присутствовать в базилике на заседаниях...

Ратцинегер об этих неприятностях не знал. Но о поездке в Рим ему стало известно раньше, чем его коллегам. 4 апреля 1962 года в Кёльне, держа руку на Евангелии, он торжественно произнес клятву на латыни:

— Я, Йозеф Ратцингер, клянусь в верности и послушании папе Иоанну XXIII и его законным преемникам... Я даю обет с величайшим усердием выполнять задачи, которые возложит на меня кардинал Фрингс...

Данный текст включал в себя также отказ от всякого поощрения и обещание хранить работу Собора в тайне. Касательно первого пункта проблем не было: самая богатая в Европе немецкая Церковь позволяла своим священникам жить достойно. Второй пункт, который Ратцингер готов был соблюдать неукоснительно, спустя несколько недель рассеялся как дым под натиском аккредитованных на Соборе журналистов: вскоре каждое утро многочисленные наблюдатели стали узнавать через прессу, что говорилось накануне в соборе Святого Петра!

С юношеской походкой и румяным лицом Ратцингер был на сорок лет моложе своего архиепископа: зачастую отцов Собора и их советников разделяли десятки лет. Именно такая связка двух разных поколений и определяла динамику Собора. Когда Ганс Кюнинг и Йозеф Ратцингер паковали чемоданы для поездки в Рим, одному было 34 года, другому 35 лет. Этим двоим суждено было стать самыми молодыми «экспертами» и младшими участниками II Ватиканского собора. Некоторые старые прелаты не без определенной снисходительности называли их «*teenagers*».

При отъезде будущие друзья едва были знакомы. Они виделись всего один раз в 1957 году. Преподававший в Бонне Ратцингер опубликовал хвалебную рецензию на книгу Кюнга, который преподавал в Тюбингене. Они по-

знакомились позже в Риме в кафе на виа делла Консильяцоне. Позже Кюнг рассказывал, что Ратцингер произвел на него впечатление «застенчивого» парня с «незримой церковной елейностью», человека «довольно симпатичного» и, что особенно важно, «одного с ним возраста, с которым можно было общаться на равных». Кюнг часто судил о людях по самому себе. После Собора они разъехались по своим местам, однако продолжали общаться «на равных» в течение сорока следующих лет...

«Все очень сильно беспокоились!»

Четверг, 10 октября 1962 год. Накануне официального открытия II Ватиканского собора в приходе Санта-Мария-дель-Анима вокруг кардинала Фрингса, которого папа назначил членом Соборного «председательства», собрались германоязычные епископы и богословы (немцы, австрийцы, швейцарцы и люксембуржцы). Фрингс поручил Ратцингеру организовать дискуссию и представить первые доктринальные схемы, которые готовились обсуждать отцы Собора. Такое свидетельство доверия было очень примечательным. Собор еще не начал свою работу, а скромный и застенчивый Йозеф Ратцингер уже успел стать «звездой».

В тот же вечер в посольстве Германии состоялся большой прием, который отнюдь не отличался праздничной атмосферой и на котором царила «некоторая неловкость», сразу бросившаяся в глаза Ратцингеру. Большинство присутствовавших на приеме епископов и богословов не скрывали своего пессимизма по поводу торможения работы Собора со стороны курии, которая контролировала дискуссионные схемы, невзирая на проповедуемое Ианном XXIII *аджорнаменто*. Они также констатировали, что

выборные списки епископов различных соборных комиссий были полны неизвестными бюрократами и послушными наблюдателями. Чувствовалось, что курия надеялась на непродолжительность собора и на то, что в ходе него будет лишь голосование по пресным текстам и грандиозные церемонии. В своих воспоминаниях Ганс Кюнг писал: «Шеню, Конгар, Даниелу, Любак, Ранер, Ратцингер, Шиллебикс — все очень сильно беспокоились!»

На следующий день 11 октября 1962 года все собрались в базилике Святого Петра на торжественное открытие II Ватиканского собора. Около трех тысяч кардиналов, патриархов, архиепископов, епископов, главных аббатов и настоятелей религиозных орденов, не католических наблюдателей, экспертов, дипломатов и журналистов присутствовали на этом необычном Богослужении, которое транслировали все европейские телеканалы, и которое с великой пышностью вводило Католическую Церковь в новую стадию ее двухтысячелетней истории.

Любопытно, но эта впечатляющая церемония сильно не понравилась молодому Ратцингеру, как своей нескончаемостью (семь часов кряду!), так и своей формалистской и неестественной литургией. «Нормально ли то, — писал он позже, — что две тысячи пятьсот епископов [...] вынуждены были молча созерцать литургию, на которой за исключением проводивших Богослужение священников, можно было услышать лишь хоры Сикстинской капеллы?» Почему в конце мессы отказались от *Credo*[1]? Почему не прочли ни Евангелие, ни послание? Почему не причастили людей? Почему верующим отказали в активном участии в Богослужении?» Ратцингер не скупился на слова, сожалея о

[1] Лат. *credo* (верю, верую) — католическое песнопение, патетическая часть мессы, обычно — третья часть мессы (после *Kyrie* и *Gloria*).

«плачевности ситуации» и «опасном археологизме», искажавших истинную суть самой мессы. Впрочем, он громко радовался, когда 8 декабря во время завершающей первую сессию мессы, он услышал, как епископы просили спеть общим пением молитвы и псалмы, положив тем самым начало всеобщему участию, которое Ратцингер назвал «многообещающим».

Модернизация литургии

К счастью, была еще речь Иоанна XXIII. Трогательная и свободолюбивая речь, которая «позитивным настроем» очень обрадовала Ратцингера и всех сторонников перемен, явив собой полную противоположность куриальному консерватизму. Молодому богослову было особенно приятно, когда папа предложил отказаться от «провозвестников несчастья», особенно таких, которые мечтали «возродить» эфемерный «золотой век» Церкви. И, конечно же, глубоко в своем сердце он аплодировал заявлению о том, что Церкви лучше «прибегать к милосердию, нежели потрясать оружием суровости»!

К счастью, двумя днями позже во время первого пленарного заседания по просьбе кардиналов Льенара (Лилль) и Фрингса (Кёльн) под одобряющие аплодисменты соборной ассамблеи состоялось показательное перенесение выборов комиссий. Для Ратцингера, который в тот день многое сделал для речи своего патрона, это стало приятным сюрпризом. Прежде всего, данный инцидент расстроил планы курии, мечтавшей создать послушные комиссии, которые состояли бы из тех же самых «экспертов», что и перед открытием Собора. Потом такое голосование совершенно неожиданно проводило «горизонталь» между епископами всего мира, привыкших к «вертикальной» структуре

власти, объединявшей их с Римом в единодушном повиновении папе.

Ратцингер и его коллеги очень обрадовались, когда председательство Собора большинством голосов объявило о намерении начать работу с обсуждения литургической схемы. Не то, чтобы эта тема была основной, но она, по словам Йозефа Ратцингера, являла собой, «нечто вроде испытательной площадки для апробирования методики соборной работы». Немецкие и французские богословы опередили эту тему на несколько лет. Согласно подавляющему большинству, Церковь должна была «отойти от вычурной литургии XIX века».

Более же всего из всех рассказов Ратцингера о прениях по поводу литургии в ходе конференции в Боннском университете 18 января 1963 года поражало его очевидное стремление к литургической реформе, «о которой легче всего можно было договориться». Будущий папа призывал к «возвращению к корням», отказу от «узости», благодаря которой традиционная месса с веками приобрела плачевную «ритуальную ригидность». Он был рад тому, что вывод на первый план Божьего Слова обуславливал глубокое обращение к «Библейским сокровищам», которые сведущие церковные деятели всегда стремились скрыть. Наконец, он подчеркивал, что немалым прогрессом стало «активное участие в мессе прихожан».

Ратцингер не остался равнодушным и к спорам о языке литургии. Как, по его мнению, Церковь могла идти на сближение с современным миром, если она использовала «мертвый язык»? Если на протяжении двух веков католическое богословие и философия подвергались различным кривотолкам со стороны просветителей, то не по причине ли языка, который больше не шел в ногу с «живыми про-

явлениями человеческого разума?» Аргументация Ратцингера в пользу родных языков сводилась к следующему: разве Иисус не разговаривал на языке своих соотечественников? Он также не без юмора заметил, что некоторые «пламенные» ревнители латинского языка отстаивали свои позиции на «кухонной латыни», в то время как защитники родных языков, в том числе и сам Ратцингер изъяснялись зачастую на настоящей классической!

Йозеф Ратцингер, как и все его учителя, друзья и коллеги, не представлял себе, что применение на практике этого литургического *аджорнаменто*, принятого 14 ноября 1962 года 2 162 голосами на фоне 42 «против» 7 «воздержавшихся» и год спустя внесенного в конституцию *Sacrosanctorum Concilium*[1], вызовет позже столько вирулентной полемики, пасторской неловкости и реформаторского избытка, став на долгие годы центром постсоборного кризиса. Кризиса, которого, по словам Ратцингера, «не ожидал никто».

Два источника Откровения

Сразу после заседания в Санта-Мария-дель-Анима 10 октября кардинал Фрингс попросил Ратцингера представить одну из подготовленных курией схем под названием *De fontibus Revelationis* (Источники Откровения). Для богословов это была животрепещущая тема: должна ли общая для всех католиков догма ограничиваться тем, что Бог непосредственно открыл людям в Писании — Ветхом Завете и Евангелии, — либо она может распространяться на знамения, посредством которых Бог «открывался» людям и на

[1] Конституция *Sacrosanctum Concilium* стала одной из четырех конституций Второго Ватиканского собора и одним из наиболее важных документов, принятых на нем Она посвящена литургическому богослужению Католической церкви и реформам в нем

которых до настоящего времени взращивалась церковная *традиция*? В первом случае христианская догма являлась незыблемым правилом на все времена; во втором же случае она могла меняться, а Церковь оставаться живой...

Ратцингер хорошо ориентировался в этой теме, поскольку подобные вопросы уже звучали в написанной им в 1955 году докторской диссертации, посвященной «Взглядам святого Бенавентуры на откровение». Благодаря этому у него было больше оснований для критики документа, предложенного богословской комиссией. Ратцингер полагал, что данный текст был «полностью охвачен антимодернистским духом», настолько его «отрицательная позиция» была «холодной» и даже «шокирующей». «Должна ли Церковь ограничиваться этим антимодернистским пониманием, продолжая придерживаться изоляции, осуждений и обороны вплоть до панического отказа от всякого новшества?»

Фрингс, Дёпфнер, Кёниг и все окружавшие их богословы считали, что такой никуда не годный текст нельзя было выносить на голосование отцов Собора. Ведь чего доброго они могли его и принять! Мысль нашла свое воплощение в словах Карла Ранера: нужно было как можно раньше предложить альтернативный документ, который помог бы перенести обсуждение на более поздний период. Эти же участники, включая нескольких гостей, собрались вновь во второй половине дня 19 октября в межепархиальном пансионе Матер Деи, расположенном на склонах Яникульского холма, в котором жил епископ Майнца монсеньор Германн Фольк. В тот день Ратцингер предложил всем новый проект схемы, к которому Ранер добавил свои собственные соображения.

Этих двоих попросили составить общий текст, который 25 октября в немецком колледже Ратцингер представил Фрингсу. Послушать пробный вариант альтернативной схемы Фрингс пригласил нескольких наиболее влиятельных кардиналов: австрийца Кёнига, голландца Альфринка, бельгийца Суененса, француза Льенара, итальянца Сири, а также кардинала Монтини, будущего Павла VI. Новому проекту, получившему название «документ Ранера-Ратцингера», предстояло пережить еще немало оживленных совещаний. «Широкомасштабный документ», так прокомментировал его в своих «Записках» отец Шеню. Он не заменил собой изначальную схему, однако после бурного голосования 21 ноября вынудил папу перенести обсуждение на следующую сессию. Цель была достигнута.

Для Ратцингера это была победа: «торможение Иоанном XXIII гегемонистских тенденций курии» давало надежды на будущее. Тем не менее, будущий папа испытывал некоторую неловкость, поскольку в действительности «документ Ранера-Ратцингера» мало отражал его собственные суждения. Его размышления перекликались с размышлениями Ранера, который, по словам Ратцингера, слишком просто отделялся от отцов Церкви и перемещался «на другую планету». Но на тот момент этот дуэт был весьма эффективен и даже убедителен. Данный эпизод закрепил за Ратцингером репутацию блестящего и открытого реформатора...

Повара соборной «кухни»

После завершения 8 декабря первой сессии, работавшие в тени отцов Собора три сотни «экспертов», особенно немецкие и французские богословы, продемонстрировали всю важность своей роли. Среди них было огромное

количество «римлян», зачастую близких к курии: работавшие на ту или иную ватиканскую администрацию специалисты канонического права, прикрепленные к тому или иному римскому институту исследователи и преподаватели, духовники всевозможных конгрегаций, орденов и движений. Были также и два-три десятка интеллектуалов, преподававших богословие, историю Церкви и каноническое право во Франции (Конгар, Любак, Даниелу), Германии (Ратцингер, Кюнг, Йедин, Хэринг), Бельгии (Шиллебикс, Филипс, Тилс), Швейцарии (Ранер) и Австрии (Юнгман). Все они не отличались особенным уважением к куриальным институтам, гневно обрушивавшимся на них в пятидесятые годы. Начиная с первой же сессии, они отвергли все требования секретности, став любимчиками журналистов. Их личные записи, статьи, интриги и споры сразу же стали влиять на соборный процесс. Их иногда называли соборными «поварами» или «ткачами».

Молодой Ратцингер, который уже был знаком с некоторыми своими соотечественниками, такими как Хуберт Йедин, Отто Семмелрот, Эдуард Стакмейер и Бернард Хэринг (в общей сложности около пятнадцати немецких экспертов), довольно быстро сошелся с французами, особенно со сторонниками «нового богословия», которые на протяжении нескольких лет в специализированных журналах активно предлагали размышления о Церкви и вере, далекие от ограничений и юридически-догматических положений римской курии. Будущий Бенедикт XVI не однократно впоследствии благодарил Собор за то, что он позволил ему познакомиться со всеми этими людьми (особенно он выделял Даниелу, Любака, Конгара и Филипса), многие из которых стали его настоящими друзьями.

Все эти разнообразные заседания, конференции, сеансы (которые нужно было переводить на латинский язык, пе-

чатать, корректировать и размножать) заставляли Ратцингера и его коллег бегать из одного конца Рима в другой, из самых престижных институтов в самые многолюдные кафе, даря им приподнятое настроение и энергию. Если мы прочтем многочисленные свидетельства об этих сумасшедших неделях, оставленные в «Дневниках» Ива Конгара и «Заметках» отца Любака, мы увидим, насколько важен был Собор для жизни и карьеры целого поколения мужей Церкви. Поколения немецкого богослова Йозефа Ратцингера (35 лет), советника французского епископата Роже Этшегаре (40 лет), секретаря курии Поля Пупарда (32 года), а также польского епископа Кароля Войтылы (42 года). Всем им было уготовано блестящее будущее.

Самые горячие участники соборных прений в ожидании открытия второй сессии Собора 29 сентября 1963 года, встречались на нескольких неформальных рабочих совещаниях (Майнц, Мюнхен и т.д.). В это время у руля Церкви встал Павел VI, бывший кардинал Монтини, сменивший на своем посту Иоанна XXIII. Он был знаком со всей компанией этих Ратцингеров, Кюнгов, Даниелу, Конгаров и Ранеров. Он знал их крайности, знал их талант и полезность. К молодому советнику кардинала Фрингса, преподававшему отныне в университете Мюнстера, новый папа испытывал подлинное уважение, не подозревая, конечно же, что в 1977 году этот советник станет кардиналом.

Конгрегация Священной Канцелярии под прицелом

На протяжении второй соборной сессии у Йозефа Ратцингера было достаточно случаев для открытого выступления на стороне преобразований, что превосходило его простую роль советника кардинала архиепископа Кёльна.

Все началось с назначения *коллегиальности* в будущем церковном управлении. Этот вопрос I Ватиканский собор в 1870 году решил в пользу власти папы, провозглашенного «непогрешимым», и в ущерб епископам. Прения были бурными, обсуждения жесткими. Ратцингер ратовал за то, чтобы за епископами признали автономную власть, унаследованную ими от апостольской «коллегии», внутри которой папа как преемник Петра исполнял бы определенную функцию.

В проповедуемом же епископами Южной Америки возрождении дьяконской должности Ратцингер видел настоящую ответственность для тех «полусвященников», для которых не существовало целибата и которые зачастую были активнее и подвижнее представителей духовенства. Дьяконы были незаменимы в миссионерских странах в плане углубления и укрепления начатой священниками духовной практики. Зачем было отказывать им в этой роли? «Тайнодействующая, часто близкая к магии рутина христианства вызывает страх», — писал он.

На экуменическом поле боя Ратцингер, как и многие богословы северной Европы, был в первых рядах. Новоиспеченный, возглавляемый немецким кардиналом Беа «Секретариат христианского единства» являлся в его глазах стоящим вкладом в будущее. Однако и он, и его коллеги отмечали, что патрон Конгрегации Священной Канцелярии и глава соборных консерваторов кардинал Оттавиани беспрестанно уводил этот новый организм в сторону вплоть до игнорирования и унижения его председателя. Ратцингер искренне считал, что католическая Церковь должна оставить свое самодовольство, признать вину за прошлые ошибки и открыться навстречу всем своим «отделенным братьям», православным и протестантам, кото-

рых она продолжала называть «еретиками» и «раскольниками».

Когда кардинал Оттавиани представил схему о духовном влиянии Церкви, Ратцингер посоветовал Фрингсу «включить в нее небольшой параграф, гласивший, что папа не может пользоваться своими правами по собственному усмотрению». В Германии католические богословы ежедневно соприкасались со своими лютеранскими братьями. Они знали, что последние особенно настойчиво оспаривали «главенство» папы и что именно этим главенством первый ватиканский Собор сильно раздражал протестантов. Привнесение бемоля во власть папы «было бы, — уточнял Ратцингер, — с благодарностью воспринято всем христианским миром»...

Другое его вмешательство обретает смысл при знакомстве с дальнейшей карьерой Йозефа Ратцингера. 8 декабря 1963 года при полном зале кардинал Фрингс неожиданно потребовал реформирования Конгрегации Священной Канцелярии, «процедура которой в большинстве случаев больше не соответствовала своему времени, вредила Церкви и становилась для многих поводом для возмущений!». Внутри Церкви должны царить «свобода» и «уважение», заявил Фрингс своим слабым голосом, читая подготовленный Ратцингером текст. Последний несколькими неделями ранее был шокирован тем, что Конгрегация потребовала изъять из римских книжных магазинов книгу его друга Ганса Кюнга «*Kirche im Konzil*». Своим неожиданным обвинением архиепископ Кёльна тут же вызвал гнев старого кардинала Оттавиани:

— *Ego altissime protestor! (Я отчаянно протестую.)*

Оттавиани мог протестовать сколько угодно, своим подчеркнутым неприятием критики он лишь навлек на себя

большее недоверие со стороны епископов. Благодаря этому Павел VI смог беспрепятственно поручить кардиналу Фрингсу подготовку доклада о возможной реформе нелюбимого всеми учреждения. Этот доклад Фрингс поручил, разумеется, Ратцингеру. Делая все для того, чтобы Священная Конгрегация Священной Канцелярии, бывшая Священная Конгрегация Римской и Вселенской Инквизиции, стала Конгрегацией Доктрины Веры, Ратцингер не предполагал, что однажды он сам ее и возглавит!

До самого конца Собора, завершившегося 8 декабря 1965 года, Ратцингер изучал, составлял, подготавливал, переводил, резюмировал, убеждал, спорил, работая зачастую над двумя или тремя схемами одновременно. Он призывал к обновлениям и открытости в миссионерской иерархии и отношениях с евреями. По словам свидетелей, в глубине он мог быть «жестким» и «резким», но никогда при этом не отступал от своей скромности и сдержанности. Все, кто работал с Ратцингером, подчеркивали в своих воспоминаниях высокое мастерство его пера, владение сложными темами, а с легкой руки того или другого хроникера нередко можно было услышать возглас Даниелу либо Конгара:

— К счастью, здесь был Ратцингер!

***

1962—1965 гг. Три года сложных дебатов, интеллектуального противостояния, человеческого опыта. Три года, которые закалили характеры, сплотили друзей, отточили убеждения. Йозеф Ратцингер и Ганс Кюнг очень сблизились друг с другом. В 1964—1965 гг. имена обоих фигурировали среди основателей журнала *Concilium*, созданного

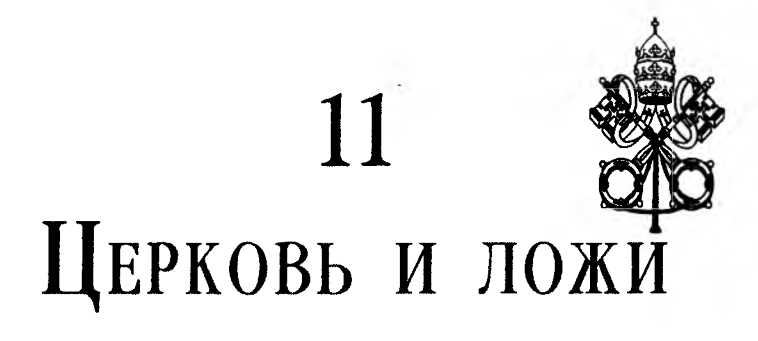
ими для продолжения соборных дискуссий. В 1966 году Кюнг даже пригласил Ратцингера в университет Тюбингена. После II Ватиканского собора у обоих богословов вошло в привычку сравнивать свой круг чтений и размышлений.

Однако между ними имели место и некоторые серьезные расхождения. Ратцингер, к примеру, не слышал, чтобы его приятель продолжил идти по пути постоянной, порой радикальной, критики. Постсоборная буря взорвала команду *Concilium*. В 1972–1974 гг. Даниелу, Любак, Буйе, Конгар, Бальтазар и Ратцингер приняли участие в создании нового журнала под названием *Communino*, призванного расширить завоевания II Ватиканского собора и поддержать внутрицерковные прения.

Между тем, и те, и другие пережили — более или менее спокойно — невероятное потрясение, которое в 1968–1969 гг. поколебало все западное общество. Доведенная после завершения Собора до состояния крайнего возбуждения католическая Церковь в полной мере испытала на себе социологическое, политическое и культурное волнение. Не смог его избежать и университетский городок Тюбингена, скорее наоборот. Захват студентами богословского факультета собственных аудиторий и провозглашение ими распятия «садомазохистским» символом, а Евангелия «способом обмана рабочих масс», окончательно избавило Ратцингера от всякого радикального излишества.

Безудержные студенческие споры, отклонения от литургической реформы, устремление вперед некоторых католиков и расшатывание религиозных основ побудили Ратцингера выступить на публичных конференциях и научных заседаниях, благодаря чему очень скоро к нему приклеился ярлык «консерватора», оставшийся за ним вплоть до избрания на трон святого Петра.

Что изменилось? Человек или окружавший его мир? В Риме в ватиканских кулуарах нечасто вспоминали работы будущего папы, датированные периодом II Ватиканского собора. Однако Ратцингер сам предвосхитил все вопросы, упомянув о своей перемене в вышедшей в 1997 году книге «Соль земли»: «Моя основополагающая импульсивность во время Собора всегда была направлена на освобождение чистого верующего сердца от ороговевшего слоя и придания ему силы и динамичности. Эта импульсивность является постоянным измерением моей жизни».

11
Церковь и ложи

Можно ли быть и католиком, и франкмасоном?

Христианство и франкмасонство понятия несовместимые.

Лев XIII (1884)

Христиане и франкмасоны придерживаются одних и тех же ценностей прогресса, гуманизма и свободы...

Монсеньор Доминик Рей (2007)

Рим, виа делла Консильяционе, 26 ноября 1983 года. В то утро ватиканский пресс-центр обнародовал «декларацию», которой суждено было стать предметом многочисленных обсуждений. Этот краткий документ был составлен Конгрегацией Доктрины Веры и являл собой вовсе не подробный анализ какого-нибудь догматического понятия или исчерпывающий ответ на доктринальный вопрос. Обычное разъяснение. Полтора листа с написанным на латыни названием: *Declaratio de associationnibus massonicis.*

Это был документ о «масонских организациях», на который набросились все аккредитованные в Ватикане журналисты и который стал ответом для тех, кто удивлялся,

почему новый канонический Правовой кодекс недвусмысленно уклонялся от упоминаний об отношениях между католиками и масонскими ложами. Обнародованный в январе месяце и вступивший в силу двумя месяцами позже Кодекс больше не грозил отлучением от Церкви католикам — членам масонских лож. Неужели это говорило о том, что Церковь изменила свои взгляды в отношении франкмасонства и больше не осуждала его адептов? Это, конечно, стало бы своего рода революцией!

Поэтому во избежание всякой двусмысленности Конгрегация Доктрины Веры поспешила расставить все точки над i.

Негативное отношение Церкви к масонским организациям остается незыблемым, поскольку их принципы всегда рассматривались как несовместимые с доктринами Церкви, и вступление в эти организации Церковью запрещается. Верующие, которые принадлежат к масонским организациям, пребывают в тяжком грехе и не могут участвовать в Святом Причастии.

Документ имел две подписи: «Префект кардинал Йозеф Ратцингер» и «Секретарь монсеньор Ж. Хамер». Новый префект Конгрегации Доктрины Веры и бывший архиепископ Мюнхена перед публикацией показал документ папе Иоанну Павлу II, который одобрил его содержание. Неизвестно, обсуждали ли эти два мужа использованные в документе формулировки, однако их очевидность говорит сама за себя: «негативное» отношение, которое остается «незыблемым»; вступление «запрещается»; пребывают в «тяжком грехе» и т.д. Нет, конечно, основная тема изменению не подверглась!

Итак, обычное разъяснение? Небольшое пояснение, дополняющее новый Правовой кодекс, широко обновив-

ший по данной теме свою традиционную формулировку? Не все было так просто. Прежде всего, текст вписывался в сложную историческую протяженность, менявшуюся в течение трех веков по воле революций и пап. Потом, даже если в документе говорилось, что все оставалось неизменным, он больше не угрожал отлучением от Церкви вовлеченным в ложи католикам, что само по себе уже было немало. И, наконец, новая формулировка осуждения франкмасонства как бы то ни было давала право на некоторые животрепещущие вопросы...

Когда все «братья» были христианами

В момент своего зарождения в XVIII веке франкмасонство несло на себе сильный отпечаток христианства. И причиной этому было то, что оно явилось наследником соборных зодчих, пользовавшихся «свободами» и объединенных в товарищества, защищавших свои профессиональные секреты паролями, символами, ритуалами и знаками. Уже тогда разделенное на три ступени (учеников, подмастерьев и мастеров) отличавших его членов от простых рабочих, это древнее франкмасонство выглядело вполне «действенным». Оно было тесно связано с широко распространенной в эпоху Средневековья христианской религией. Его верхушка состояла из пасторов и священников, следивших за тем, чтобы все эти братства зиждились прежде всего на вере в Бога.

Современное франкмасонство, вышедшее из строительных бараков каменотесов и создавшее кружки мыслительной деятельности и солидарности, стало «умозрительным». Официальной датой его основания принято считать 24 июня 1717 года, день праздника Святого Иоанна в Лондоне. В этом городе, превращенном гигантским пожаром 1666 года

в огромную стройку, четыре ложи, главным образом протестантских, объединились в «Великую Ложу», возглавляемую англиканским священником французского происхождения Жаном Теофилом Дезагюлье и пресвитерианским пастором Джеймсом Андерсоном.

Фундаментальные правила этой Великой Ложи, опубликованные Андерсоном в 1723 году, не противоречили ни Богу, ни религии, даже наоборот. По утверждению Андерсона, каждый франкмасон должен был чтить веру в Бога и моральный закон, чтобы не стать «глупым атеистом или безбожным распутником». Первостепенным долгом любого франкмасона было сохранение верности Богу и уклонение от «ереси и споров».

Оригинальность «правил» Андерсона была в новаторской концепции своего времени, заключавшейся в межрелигиозной толерантности. Подлинное масонское «братство» можно было создать лишь при условии отделения от политики и религии (что в то время было одно и то же), которые более века топили Англию в крови. В этом несчастном разделенном королевстве ни одна религия не навязывалась в ущерб другой. Англикане, пресвитерианцы, кальвинисты и католики потрошили друг друга в течение почти двух веков. Все понимали, что франкмасоны сделают все, чтобы эти вечные религиозные междоусобицы не чинили препятствий их предприятию.

Религиозной толерантности как оттиску прагматизма и рационализма суждено было не только принести успех новым ложам, но и стать их ахиллесовой пятой. Ведь если провозглашалось равное уважение всех деноминаций, это означало, что ни одна из деноминаций не должна была рассматриваться выше других. Особенно настаивала на своей универсальности отстаивавшая непреложную исти-

ну Католическая Церковь. Ссылаться на христианство, да, но смешение различных конфессий в очищенное от догмы нагромождение могло лишь вызвать неудовольствие папы и кардиналов.

Выходит, что франкмасоны почерпнули в христианстве основные свои символы и действия: «братья», паперть, франкмасонское собрание, легенда о Хираме и Соломоне, число 33, храм, алтарь, колонны, крест, клятва на Библии, надпись «*INRI*[1]», свадебные и погребальные обряды, общая трапеза вплоть до поклонения Великому Архитектору Вселенной!

Между 1725–1735 гг. франкмасонство размножилось на континенте (во Франции и Италии) в разнообразных английских (большей частью протестантских) и шотландских (большей частью католических) вариантах. В 1730 году в Лондоне был посвящен Монтескье, а рыцарь Рамсей, ученик Фенелона, часто рассматриваемый в роли главного основателя французского франкмасонства, был приехавшим из Лондона католиком. Лорду Ричмонду, англиканцу и либералу, потомку незаконнорожденного сына Карла II, удалось в 1738 году подтвердить автономию «Масонства Французского королевства».

Развитие лож в XVIII в. не было однородным процессом. Порой он представлял собой игру, видимость, а иногда и легкомысленное, плутовское развлечение. В письме к своей сестре, эрцгерцогине Марии Кристине, Мария Антуанетта весело писала: «Здесь собран весь свет!» Это было время, когда поднявшаяся эзотерическая волна привела к многочисленным мифическим разглагольствованиям. Фран-

---

[1] Аббревиатура латинской фразы *IESUS NAZARENUS REX IUDAEORUM*, то есть «Иисус Назарянин, Царь Иудейский» Фраза восходит к Новому Завету

кмасонство строилось на библейских, соломоновых, ессейских, друидических, пифагорейских, кабалистических, тамплиерских основах, широко используя различные символы, псевдооткрытия, и неестественные секреты. Иногда становилось известно, что какая-нибудь франкмасонская ветвь, наподобие *Stricte Observance*[1] в Германии или баварских *Illuminati*[2], заявляла, что ее целью является уничтожение религии. Такие слухи доходили порой до местного епископа, который, в свою очередь, передавал их в Ватикан...

Именно это обстоятельство и побудило папу Клемента XII — а, скорее, его правую руку Священную Конгрегацию Римской и Вселенской Инквизиции — провести тайные расследования в Авиньоне, Флоренции, Португалии, Фландрии, Вене и Бреслау, часто руководствуясь при этом лишь поступившими в Рим сведениями. Развернувшиеся позже многочисленные процессы на самом деле преследовали цель узнать как можно больше о франкмасонском движении!

Первые заперты

Появившиеся подозрения постепенно нарастали, сгущались и становились все более назойливыми. В 1738 году папа Климент XII опубликовал апостольское письмо *In Eminenti*[3], ставшее первым осуждением франкмасонства, которое, напомним, еще состояло из 90% христиан, подавляющее большинство которых представляли служители Церкви. Почему же появилось это осуждение? И почему преемник Климента XII Бенедикт XIV повторил его в апостольской

---

[1] Орден цистерцианцев строгого обряда.

[2] От лат *illuminatus*, озаренный, просвещенный — в разное время название различных объединений (орденов, братств, сект, обществ)...

[3] Окружное послание папы Климента XII.

конституции под названием *Providas*[1], обнародованной в 1751 году?

Первая причина — политика. Стоявшая на первом месте в масонских действиях тайна представляла угрозу для общественного порядка как в гражданском, так и в религиозном плане. Клятва, произносимая всеми масонами, которые обещали хранить тайну всегда, если только она не грозила им «перерезанным горлом», обнаруживала убеждение и решимость, которые вызывали у власти определенное беспокойство: что мог сделать гражданский судья перед человеком, который уже находился под клятвой? Именно по этой причине еще до осуждения Климента XII франкмасонство было запрещено на двух протестантских территориях: в Объединенных провинциях (будущих Нидерландах) в 1735 году и Женевской республике в 1736 году.

Вторая причина запрета проистекала из «плохой репутации» лож. Кто хранит тайну, тому обязательно есть что скрывать. Правда и то, что некоторые великие мэтры, такие как Филипп, герцог Уортон, были известными распутниками! Третий, наиболее близкий к религии, мотив был привязан к невыносимой недифференцированности между католическими, протестантскими и другими конфессиями, служащими открытой дверью всякому синкретизму, индифферентизму и релятивизму. Названное «толерантным» такое мультиконфессиональное отклонение вело, по мнению деятелей Церкви, к «ереси».

Но была еще и четвертая, непризнанная, причина, которая не имела ничего общего ни с Евангелием, ни с каноническим правом. В ту пору папским государствам угрожала Тоскана, которую Медичи уступили общепризнанному

---

[1] Окружное послание папы Бенедикта XIV.

франкмасону Франциску Лотарингскому, доверившему управление ею своему сыну, Петру Леопольду Габсбургу. По словам испанского иезуита Феррера Бенимелли, автора написанного на эту тему труда, старый флорентинец папа Климент XII метал в адрес новой власти гром и молнии, будучи заинтересованным в дискредитации всех этих докучливых личностей. Именно эту не слишком благородную цель и преследовал папа, когда любопытным образом сослался в своем тексте «на другие, известные Нам причины».

Именное такое чисто политическое требование и объясняет, по мнению некоторых историков, суровость объявленной санкции: отлучение от Церкви. Для христианина, а тем более, для служителя Церкви того времени, это было самое страшное наказание: отлученный не мог больше причащаться, не имел права быть похороненным по христианской традиции и т.д. Если во Французском королевстве папское осуждение не применялось (галликанизм обязывал), оно сеяло волнения в Италии, Бельгии, Испании, Португалии и т.д. В этих странах многие католики вышли из лож, которые вследствие этого наполнились свободомыслящими либералами, республиканцами и другими антицерковными элементами.

Теория заговора

Французская революция стала для Католической Церкви настоящим землетрясением. Сначала, в августе 1789 года Декларация прав человека и гражданина ограничила влияние Церкви на род человеческий. Затем в июле 1790 года Гражданская конституция духовенства превратила священников и епископов в государственных чиновников. В довершении всего этого в январе 1791 года от церковнослужителей потребовали принести публичную клятву в верно-

сти нации и королю, полностью лишавшую французскую Церковь папской власти. Эта клятва, от которой отказалось подавляющее большинство епископов и против которой яростно выступил в апреле 1791 года Пий VI, нанесла Церкви смертельный удар, жестоко разделив ее между меньшинством согласившихся поклясться «конституционных» священников и большинством «непокорных» священников, отказывавшихся это делать даже под страхом смерти.

Была ли эта набиравшая ход война «двух Франций» делом рук франкмасонов? Влияние «братьев» на французскую революцию дало повод как обвинению, так и оправданию. Действительность отливала всеми цветами радуги. Конечно, некоторые общеизвестные и убежденные масоны были на высоте революционных идей, включая их антиклерикальную направленность, но дальнейшее развитие революции, особенно после Террора, мало должно франкмасонству, которое, кстати, претерпело по сей причине серьезное разделение. Ни Руссо, ни Дидро, ни д'Аламбер, ни Кондорсе масонами не были. Сам Вольтер был посвящен в масоны накануне своей смерти. Зато два известных масона, французский традиционалист Жозеф де Местр и английский консерватор Эдмунд Берк, числились среди самых ярых противников идей Просвещения и Революции!

В то время большинство лож (накануне 1789 года их насчитывалось 629) интересовались больше оккультизмом, эзотерикой, алхимией, магией, колдовством, астрологией, чем рационализмом или Энциклопедией. В моде были алхимики, гадальщицы, колдуньи и продавцы зелья. Масонскими знаменитостями в тот момент слыли скандальный граф де Сен-Жермен, целитель Калиостро, гипнотизер Месмер. Среди основных сословий в 1789 году масоны представляли более половины третьего сословия, добрую

треть дворянства и десятую часть духовенства; но и те, и другие, сильно разделенные между собой, голосовали согласно установленным правилам до тех пор, пока все эти связи не раздробил террор.

Зато по другую сторону Атлантики масоны играли мощную политическую роль. Прежде всего, она выражалась в начале войны за американскую независимость, вдохновленную и состряпанную явившимися из Бостона «братьями», затем в Декларации независимости 1777 года, широко вобравшей в себя масонские принципы. Масонами были Джордж Вашингтон и Бенджамин Франклин, равно как и большинство членов первого правительства Соединенных Штатов. Именно в Америке, а не во Франции был «обращен» молодой маркиз де Лафайет.

Однако антипапская и антицерковная окраска многочисленных европейских революционных движений и фракций подтолкнула недоверчивую и потрясенную Католическую Церковь к поискам происхождения столь удачных нападок: ну, разве могло в этом деле не быть замысла, виновника, искусственной развязки, заговора, стремившихся уничтожить монархию и религию? Кто же был заинтересован в падении католической Церкви? Позже волна современного антисемитизма добавила к «фантазмам» антицерковного заговора приставку «еврейско-масонский».

Процветавшие в то время «заговорщические» идеи придали остроты антимасонской литературе. На эту фантасмагорическую и пикантную тему уже тогда были написаны и проданы десятки книг! В 1738 году появились небольшие работы под названием «Тайна франкмасонов». За ними последовали брошюры аббата Перо «Тайна франкмасонов», (1742 год), далее — «Катехизис франкмасонов» Луи Травенола (1744 год), «Поверженные франкмасоны» аббата Бэсси (1745 год). «Откровениям» франкмасонства

не нужно было ждать появления новостных журналов начала XXI века, чтобы заставить издателей пускать слюни!

Революция удвоила эти произведения — с жадностью стали поглощаться книги аббатов Жабино, Лефранка, Гийона, — питая ими теорию масонского заговора, с давних пор разжигаемого против Церкви и монархии. Изданные в Лондоне в 1797 году пять томов бывшего франкмасона иезуита аббата Августина Баррюэля «Воспоминания, полезные для истории якобинства» стали справочным материалом, который папа Пий VII долго хранил на своем письменном столе.

Шквал обвинений

В глазах Его Святейшества дело было решенным: Революция — это ложи! Во Франции, а также в Италии возрастало общее давление на папские государства, отдававшее сильным оттенком антиклерикализма. На франкмасонство готовился пролиться поток обвинений. В 1821 году Пий VII опубликовал *Ecclesiam a Jesu Christo*, где франкмасоны были названы «тайными обществами» и «сектами», преследовавшими скрытую цель разрушения Церкви и низложения христианства. В 1825 году Лев XII опубликовал *Quo graviora*. В 1829 году Пий VIII написал энциклику *Traditi humilitani*. Эти папы были первыми, кто сделал акцент на «сатанинской» природе франкмасонства. А в 1832 году Григорий XVI в *Mirari vos* подчеркнул их явно «еретический» характер.

В 1846 году череда осуждений тайных обществ, в том числе и масонов, не обошла стороной и Пия IX. Он отразил свое к ним отношение в энциклике *Qui pluribus*[1]. Папа, начавший свое служение в духе открытости, повторил свое

[1] Папские труды, направленные на освещение природы франкмасонства.

осуждение девять или десять раз. После присоединения его земель в 1870 году «братьями» Мадзини и Гарибальди он продолжал приписывать франкмасонству главную пагубную роль в процессе либерализации и секуляризации в большинстве европейских стран.

Несмотря на то, что у этих пап были определенные смягчающие обстоятельства — бесславная кончина Пия VI в Валенсе, насильственное выдворение Пия VII в Савону и т.д., — они несколько опережали события, поскольку франкмасонство начало открыто позиционировать себя противником власти и Церкви только после «Народной весны» 1848 года и после падения в 1870 году Второй империи. Это стало периодом развития многих тайных обществ, таких как итальянские *carbonari*[1], которые были враждебно настроены против власти папы, но коренным образом отличались от франкмасонства.

В странах северной Европы, где традиционное франкмасонство вскоре было объявлено «законным», предпочитали не вступать в это противостояния, которое становилось все более жестким. В этих странах Реформа предвосхитила свободу совести, толерантность и свободу сознания: там протестанты ощущали меньшую угрозу, нежели католическая Церковь. Впрочем, единую английскую Великую Ложу осуждения папы не касались никогда.

Во Франции, напротив, эти осуждения лили воду на мельницу лож, образование и становление которых происходило в рамках республиканских антицерковных движений. «Клерикализм — вот истинный враг!» — заявил в Палате депутатов в мае 1877 года Гамбетта. В том же году во время своего главного сентябрьского собрания «Великий

[1] От итальян. слова *carbonari* — угольщики — тайное политическое общество революционного оттенка.

Восток» решил освободить себя от упоминания «Великого Архитектора Вселенной», обязательства веры в Бога, бессмертную душу и т.д.

Такая радикальная реформа породила в европейском франкмасонстве сеизм. Это привело к тому, что подавляющее большинство его последователей, особенно на севере Европы, поспешили разорвать отношения с опасными безбожниками. Многочисленные расколы привели к образованию новых обществ, которым прочили иногда блестящее будущее (как Великой французской Ложе в 1894 году) и которые заявляли о свое верности Великому Архитектору Вселенной, скандально преданному историческому забвению «Великим Востоком».

Однако в то время «ВВ», насчитывавший 20 000 приверженцев в 300 ложах, был широко представлен во властных кругах Франции в лице многочисленных министров и парламентариев. «Великий Восток» тайно готовил некоторые законопроекты и подсказывал руководителям Третьей республики львиную долю законодательных мер редкой дикости от секуляризации кладбищ до освобождения школ от церковного влияния, включая запрет религиозным конгрегациям заниматься образовательной либо врачебной деятельностью на территории Франции. Это уже была не война за сферу влияния, это была настоящая законодательная резня.

«На войну против Бога и Церкви»

Разумеется, все эти события отнюдь не улучшили отношение папы к франкмасонству. В Риме Лев XIII продолжал вколачивать гвозди, сперва посредством энциклики *Humanum Genus* (20 апрель 1884 года), ставшей на долгие

годы авторитетным трудом, затем посредством воззвания к итальянскому народу *Custodi di quella* (8 декабря 1892 года), в котором он недвусмысленно заявил следующее: «Не будем забывать, что христианство и франкмасонство — понятия абсолютно не совместимые. Так что вступление в одно означает выход из другого».

Очень весомые слова. В глазах Льва XIII между Церковью и ложами разразилась смертельная битва. Даже если и были какие-то исключения и нюансы, они являлись всего-навсего «счастливой непоследовательностью». Конечной целью франкмасонства, особенно во Франции, стало низложение Церкви и полное уничтожение религии. Нужно было выбирать, к кому примкнуть, поскольку любой христианин, ставший членом одной из лож, должен был быть отлучен от Церкви, ибо он рассматривался как сообщник тех, кто стремился «заменить одно общество другим», и тех, кто — папа написал об этом в энциклике *Annum ingressi* в 1902 году — «воевал против Бога и Церкви».

Лев XIII добавил, что хорошим средством борьбы с франкмасонством станет «обнажение его истинного лица». Это предложение породило многочисленные инициативы вплоть до представления широкой общественности «тайн» лож, в частности списков их членов. Это было подходящее время для подобных откровений, поскольку франкмасонство становилось реальной оккультной силой, влиявшей на политическую и общественную жизнь Франции при посредничестве республиканцев и особенно радикалов, большая часть которых были масонами. В 1880 гг. половина депутатов, сенаторов, префектов, генеральных секретарей и мэров являлись «братьями», поклявшимися в верности и воплощавшими в жизнь решения, тайно принятые на собраниях «Великого Востока».

В 1867 году большой успех имело сочинение «Франкмасоны», вышедшее из-под пера сына известной графини монсеньора де Сегюра. Также неоднократно переиздавались произведения иезуита Николя Дешама «Тайные общества и общество» (1874 год) и аббата Готреле «Франкмасонство и Революция» (1875 год). Благодаря издательской щедрости обнаружились две новые идеи: во-первых, франкмасоны восставали только против католической религии, отрицая для нее те права, которые восхваляли для всего остального мира. Во-вторых, простые масоны не могли подвергаться порицанию, поскольку они не знали, что происходило «за кулисами лож», где вокруг сомнительных и пагубных планов собирались истинные посвященные...

В то время мало кто из епископов реагировал на все это, ибо действующий конкордат от 1801 года под страхом суда запрещал им заниматься какой бы то ни было политической деятельностью. Некоторые смело защищали данное законодательство, как, например, монсеньор Фреппель, епископ Анжера и депутат от консерваторов, заявивший:

— Мы не в республике, но во франкмасонстве!

Монсеньор Фава, епископ Гренобля, основал в 1883 году многообещающий журнал под названием «Франкмасонство без маски», а также резюмировал всю известную ему информацию в книге «Тайна франкмасонства», в которой он называл последнее «ересью», призванной заменить веру в Иисуса Христа рационализмом, и призывал свою паству к сопротивлению.

Неприятности, постигшие монсеньора Ле Норде, рукоположенного в 1899 году на должность епископа Дижона, хорошо иллюстрируют царившие в ту эпоху крайности. Этот епископ, имевший очевидные дружеские связи с республиканцами (в 1902 году он отказался осудить закон,

запрещавший религиозные конгрегации) пал жертвой интриги. С легкой подачи некоторых дижонских священников был пущен слух, что епископ сам был франкмасоном. Скандал! Епископа освистали в его же соборе:

— Долой свинью! Долой франкмасона! Долой продажного!

Развернувшаяся вокруг этого обвинения злобная кампания была настолько ужасна, что папа Пий X вызвал епископа в Ватикан. Однако этот вызов, шедший вразрез с правительственным путем, предусмотренным действующим Конкордатом, послужил для министра Комбеса предлогом для... разрыва в 1904 году дипломатических отношений со Святым Престолом и ускорения процесса отделения церкви от государства.

Потрясения двух мировых войн

Война 1914–1918 гг. остудила общий пыл. Этому способствовало прежде всего то, что на территории воюющих государств франкмасонство лишилось своего равновесия. Зачем теперь Франции нужны были Эльзас и Лотарингия, если все равно все люди братья? И потом, как в Германии, так и во Франции и Италии бывших противников объединяло так называемое «окопное братство». Нашлись и некоторые пионеры, такие как французский иезуит Жозеф Бертло, бельгийский францисканец Борроме из Греве, австрийский протестант Фюлоп Миллер, решившие заняться наведением мостов и организацией встреч. В 1937 году масон Великой французской Ложи Альберт Лантуан опубликовал «*Письмо папе римскому*», которое вызвало сенсацию, однако вместо похвалы его автор удостоился резкой критики, особенно со стороны франкмасонов.

В это же время по указке кардинала Гаспарри ватиканские юристы переработали церковное законодательство, в том числе и осуждение франкмасонства. Опубликованный в 1917 году новый Кодекс канонического права имел следующие уточнения: поскольку франкмасонство является «сектой», враждебно настроенной по отношению к Церкви, его членов нельзя хоронить с соблюдением религиозных обрядов (канон 1240); все, что может послужить во благо франкмасонству, должно быть запрещено (канон 1399); всякий христианин, ставший франкмасоном, автоматически отлучается от Церкви (канон 2335), тем более, если это церковнослужитель или монах (канон 2336).

В этом не было ни богословской, ни моральной, ни доктринальной подоплеки: масонов упрекали прежде всего в том, что их нападки на католическую религию угрожали общественному порядку. При этом некоторые церковнослужители задавались вопросом, что делать с христианином, если он принадлежит ложе, но никакой угрозы общественному порядку не несет? Будет ли он в этом случае отлучен от Церкви? Северная Европа отреагировала немедленно: конечно же, нет! Такая двойственность сыграла на руку тем, кто в XX веке попытался сблизить две враждующие системы.

1945 год изменил мир. Война перевернула все вверх дном. Начиная с 1935 года, при Гитлере немецкие франкмасоны подверглись преследованию со стороны гестапо. Во Франции они были запрещены и также подвержены преследованиям со стороны режима Виши. Папским осуждениям было теперь не время. Отныне Церкви угрожал другой враг, вызывавший не меньшую обеспокоенность — коммунизм.

В своей книге отец Бертло задал вопрос: разве атеистический материализм не является «общим врагом» христиан и франкмасонов? Не пришло ли время пойти на сближение? Один предприимчивый иезуит посоветовал франкмасонству «провести духовное очищение и доктринальное возрождение». Он добился встречи с Великим Магистром «Великого Востока» Франсисом Вио, однако тот до конца не понял смысл этого предприятия и предпочел поостеречься. 21 сентября общее собрание «ВВ» приняло документ, который начинался такими словами: «Антиклерикализм сегодня необходим, как никогда...».

Другой иезуит отец Мишель Рике, известный сопротивленец и неподражаемый проповедник, выразил желание вступить в диалог с евреями, коммунистами и франкмасонами, начав его с Мотозена и Дашо, и особенно с будущим префектом и высшим масонским должностным лицом Шарлем Рианде. Будучи приглашенным на заседание «Великого Востока» в Лавале в 1961 году, он столкнулся с презрением национальных деятелей, относившихся к нему как «маргинальному священнослужителю». Тогда Рике повернулся к Великой национальной французской Ложе и «законному» франкмасонству, которое, по его мнению, отличалось искренней открытостью в противоположность другому, антиклерикальному, которое яростно отказывалось от любого диалога с христианами. В глубине души Рике верил в диалог с масонами, верующими в Бога...

Эти попытки сближения остались незамеченными. Ничего не знавшая об этой индивидуальной инициативе официальная Церковь продолжала придерживаться обвинений Льва XIII и Кодекса канонического права 1917 года. Однажды во время проходившей в Париже в 1953 году

конференции кардинал архиепископ Парижа монсеньор Фельтен заявил:

— ...Враги Церкви никогда не спят, даже тогда, когда хранят молчание. [...] Франкмасонство трудится и готовится предпринять против Церкви новое яростное наступление!

Зерна и плевелы

Открывшийся в Риме в октябре 1962 года II Ватиканский собор изменил правило игры. 2500 епископов были созваны папой Иоанном XXIII под знаком открытости миру и диалога со всеми «людьми доброй воли». Некоторые епископы считали, что такая формулировка относилась и к франкмасонам. 6 декабря 1962 года монсеньор Мендес Арсео, епископ Куэрнаваки (Мексика) призвал к упразднению автоматического отлучения от Церкви, мешавшему христианину — некатолику присоединяться к Церкви.

В ходе II собора наметился импровизированный диалог с ложами. Так, французский епископат делегировал монсеньора Пезерила, второго епископа Парижа, для встречи с Великим Магистром Великой французской Ложи Пьером Симоном. В Германии немецкий епископат, находившийся на протяжении всего Собора в авангарде, начиная с 1974 года, предпринял серию переговоров с ложами, особенно с Великой единой франкмасонской Ложей Германии.

Все эти формальные и неформальные беседы выявили две очевидные стороны: с одной стороны, франкмасонство было настолько же раздутым, насколько и разделенным, и «сколько было франкмасонов, столько же было и разновидностей франкмасонства». С другой стороны,

прежние претензии, которые предъявляла Церковь ложам — тайна, клятва, заговор, сатанизм — были отныне лишены своей актуальности. Не должна ли была Церковь ввиду всех этих изменений смягчить свою позицию в отношении франкмасонов? Или, по меньшей мере, отказаться от отлучения вступивших в ложи верующих?

Еще раньше в августе 1972 года предприимчивый отец Рике получил от кардинала Сепера, префекта Конгрегации Доктрины Веры, утешающее письмо: «Ваша интерпретация [канона 2335] отвечает истине: отлучение от Церкви касается исключительно масонских ассоциаций, занимающихся заговорами против Церкви и легитимной гражданской власти». В то же время консультант кардинала Сепера отец Миано констатировал, что ВФМЛ мыслила в том же направлении и не замышляла против Церкви никакого заговора.

И что? Была ли теперь католическая Церковь способна отличить один тип франкмасонства от другого? Отделить, как написано в Евангелии, пшеницу от плевел, иначе говоря, богобоязненные законные ложи «Великого Востока» от антиклерикальных лож? Это можно понять из письма того же Сепера, адресованного им 18 июля 1974 года президенту епископской американской Конференции кардиналу Кролу. Но, если префект Конгрегации Доктрины Веры утверждал, что вопрос отлучения от Церкви в каждом конкретном случае нуждался в особом рассмотрении, он открыто заявлял, что запрет на посещение лож продолжал распространяться на «всех церковнослужителей, монахов и членов светских институтов».

Та же осторожность прослеживалась и в опубликованной немецким епископатом после шести лет общих обсуж-

дений торжественной, но негативной декларации. Конечно, в ней отводилось место определенному числу «контактов» между христианами и франкмасонами в плане борьбы за свободу, человеколюбие, дел милосердия, а также приверженности к символике и обязательствам соблюдения обрядов. Однако, несмотря на все эти составляющие возможного диалога, вердикт оставался непреложным: нельзя было одновременно принадлежать Церкви и быть франкмасоном.

Казалось, что между Ватиканом и многими Церквями Северной Европы образовывалась пропасть. Уже в 1966 году епископская скандинавская конференция решила (наперекор мнению курии), что обращенный в христианство франкмасон мог сохранять свое членство в ложе. В 1974 году епископы Англии и Франции постановили, что нельзя осуждать верующего человека, искренне убежденного в том, что его принадлежность франкмасонству не противоречит его верности Церкви; осудить его мог только сам епископ. В 1976 году епископат Квебека сделал то же самое...

В Риме такое положение дела вызвало беспокойство. Не могло быть и речи о том, чтобы франкмасоны были возведены в категорию «отделенных братьев», за что ратовал в своей книге в 1961 году адвокат Алек Меллор! В 1965 году дело «франкмасонства» подчеркнуто было передано секретариату по вопросам неверующих, а не секретариату, который занимался вопросами христианского единства. В декларации от 17 февраля 1981 года Конгрегация доктрины веры, отказавшаяся от знаменитого письма Сепера, восстала против некоторых «ошибочных и тенденциозных толкований». Она недвусмысленно заявила, что

суд должны проводить не епископские конференции, а сам папа! А папа, разумеется, не одобрял двойную принадлежность Церкви и ложе, какой бы она ни была, и точка!

Не все было так просто. Невозможен был и возврат к прошлому. Даже папская Комиссия по пересмотру Кодекса канонического права придерживалась мнения о передаче самостоятельного решения по данному вопросу местным епископатам. На внутренних собраниях экспертов с различными точками зрения царила не предвещавшая ничего доброго какофония. Двойственность закрепилась надолго.

Откройте или же закройте дверь...

В январе 1983 года Святой Престол обнародовал проект нового Кодекса канонического права, который не пересматривался с 1917 года. Новый документ содержал статью 1374 (заменившую собой прежний канон 2335), в которой оговаривалось осуждение секретных обществ, но уже без ссылки на франкмасонство. Последнее больше не считалось «сектой», но «ассоциацией». При этом возникал вопрос: если ложи отныне были освобождены от «сектантской» трактовки, то продолжало ли строиться обвинение оных на их предполагаемом заговоре против Церкви?

Иоанн Павел II вместе с составителями Кодекса замыслил упразднить те случаи, когда наказание отлучением от Церкви считалось необоснованным: 35 случаев из 42, среди которых фигурировала и принадлежность масонской ложе. Как стало известно позже, обсуждение данного предложения проходило бурно, а отказ от прежнего положения серьезно оспаривался некоторыми немецкими специалистами канонического права. Принадлежность к ложе отныне

каралась «справедливым наказанием». Как? По усмотрению местного епископа? Вероятно, поскольку допускалось, что ситуация могла варьироваться в зависимости от каждой конкретной местности. Однако ясности эти обсуждения не прибавили.

26 ноября 1983 года, накануне принятия нового Кодекса канонического права, Конгрегация доктрины веры опубликовала свою знаменитую «декларацию», в которой подчеркнуто продемонстрировала возврат к прежним положениям. Нового префекта Конгрегации звали Йозеф Ратцингер. Будучи немцем, он, по сути, вернулся к декларации немецкого епископата 1980 года (одним из составителей которой сам тогда и являлся), отклонявшей все щедроты кардинала Сепера. Согласно этой декларации «посвященные» католики пребывали в состоянии «тяжкого греха» и, как вступившие в повторный брак разведенные христиане, должны были воздерживаться от причастия. Если этот грех был тяжкий и очевидный, а грешник продолжал упорствовать, в причастии ему могли и отказать (канон 915).

Примерно через год *L'Osservatore Romano* опубликовала большую анонимную статью под названием «Христианская вера и франкмасонство», объяснявшую, что на самом деле никаких изменений не произошло. По-прежнему сохранялась непримиримость и осуждалась тайна, возможно, потому, что она искажала вероисповедание. Но могла ли простая анонимная статья из *L'Osservatore Romano* перечеркнуть десять лет неопределенности?

Эта двойственность сохраняется и в наши дни. Иногда она становится причиной редких, но суровых и одновременно ничего не значащих ответных действий со стороны Курии. А также причиной открытых разговоров, в том числе и со

стороны папы Бенедикта XVI, обратившегося в Париже 26 марта 2011 года в «Паперти послушников» со словами:

Если речь идет о строительстве общества свободы, равенства и братства, то как верующие, так и неверующие должны ощущать себя свободными в своем выборе, наделенными равными правами, позволяющими им вести личную и общественную жизнь в соответствии со своими убеждениями, и оставаться друг для друга братьями.

Итак, вопрос, кажется, решен: отныне каждый по совести может делать то, что считает нужным.

12
«Наместник»

Как одна театральная пьеса изменила образ Пия XII

Глухие, слушайте! Слепые, смотрите!
Пий XII
Summi Pontificatus (1939)

Это одна из самых удивительных загадок истории современного папства. В результате чего в течение нескольких лет образ Пия XII прошел эволюцию от позитивного до негативного, изменив отношение к себе от полного приятия и восхищения до презрения, превратив безупречного папу в несостоятельный исторический персонаж? Что же такого произошло после смерти Пия XII в 1958 году, что он стал предметом невероятно яростных споров, встав в один ряд с самыми скандальными личностями своего времени? Каким образом обыкновенная театральная пьеса «Наместник», написанная неизвестным автором и поставленная в 1963 году на театральной сцене, смогла превратить великого папу, которого все мечтали канонизировать, почти в дьявольское воспоминание?

1958 год: всеобщее почтение

Когда 8 октября 1958 года Пий XII скончался в Кастель Гандольфо, ему были возданы почести как одному из величайших людей эпохи, притом не только от лица итальянцев, но и от лица всего мира, включая еврейское сообщество и государство Израиль. Когда траурный кортеж доставил тело усопшего понтифика в Рим, у собора Святого Петра собралась огромная толпа римлян, пришедшая поклониться памяти умершего. К 13 октября мимо выставленного на высоком красно-золотом катафалке гроба уже прошли два миллиона верующих, а торжественные похороны папы собрали пятьсот тысяч человек, скопившихся до пределов Тибра, и официальных представителей от шестидесяти государств. Соболезнования поступали со всех концов земного шара. От королевы Елизаветы до генерала де Голля, от президента Эйзенхауэра до министра иностранных дел Израиля госпожи Голды Меир. Это были скорбные сожаления, искреннее поклонение и проникновенные свидетельства.

Все знали, что Эудженио Пачелли, выборы которого в 1939 году были восторженно встречены практически всеми европейскими государствами, за исключением гитлеровской Германии, старался изо всех сил предотвратить Вторую мировую войну, делал все, чтобы разубедить Италию режима Муссолини в следовании военному безумию Рейха, и даже тайно поддержал весной 1940 года план по свержению Гитлера. И, хотя потом папа стремился сохранить нейтралитет Святого Престола, это не помешало американцам и англичанам — что подтверждают все дипломатические источники — относиться к нему как тайному, влиятельному и верному союзнику.

«Наместник»

В Риме еще свежи были в памяти горожан картины, когда перед отменой тревоги папа Пачелли выходил на улицу, чтобы ободрить жителей квартала Сан Лоренцо после союзнических бомбардировок 19 июля 1943 года. В архивах агентства Хавас, будущего АФП, содержится рассказ французского журналиста Макса Бержера, пафосно описывавшего папу «в запачканной кровью сутане», благословлявшего мертвых и умирающих...

Римляне помнили и о бесчисленных и настойчивых хлопотах Пия XII в мае и июне 1944 года, направленных на то, чтобы Рим был объявлен «открытым городом», что дало ему возможность избежать трагических разрушений. В августе после освобождения на площадь Святого Петра устремилось великое множество людей, чтобы воздать папе честь и хвалу. Как для верующих, так и для неверующих папа был *defensor civitatis,* спаситель города.

И, наконец, все знали, что Пий XII спас тысячи евреев, укрывая их в церквях, монастырях и даже ватиканской библиотеке и своей собственной резиденции в Кастель Гандольфо. Великий раввин Рима Израэль Золли и его семья также были обязаны жизнью приютившему их Ватикану. Раввин принял католичество и окрестил своего сына «Эудженио» по имени спасшего его папы. У его преемника великого римского раввина Элио Таффа не нашлось достаточно теплых слов для почтения умершего понтифика: «Евреи всегда будут помнить о том, что по приказу папы сделала для них Католическая Церковь во время расовых репрессий...»

Среди многочисленных соболезнований фигурировала знаменитая телеграмма министра иностранных дел Израиля Голды Меир:

В тяжелое время войн и распрей Пий XII поддерживал самые возвышенные идеалы мира и взаимопонимания.

Когда на протяжении десяти лет нацистского террора наш народ испытывал ужасные страдания, папа возвысил свой голос в пользу мучеников. Нашу эпоху обогатил этот голос, который среди всей суматохи обыденного конфликта провозглашал фундаментальные моральные истины. Мы оплакиваем великого служителя мира.

Никто не забыл и впечатляющего концерта, который 26 мая 1955 года дал в Риме израильский филармонический оркестр, состоящий из 95 еврейских музыкантов из 14 стран мира под управлением Пауля Клетцки «в знак признательности и благодарности за огромный вклад Его Святейшества в дело спасения огромного числа евреев во время Второй мировой войны».

1963 год: убийственная пьеса

Берлин, 20 февраля 1963 года. В театре Курфюрстендамм, западной копии расположенной по ту сторону Стены мифического Вольксбюне, около восьмисот зрителей собрались на «премьеру» пьесы молодого 31-летнего немецкого автора протестантского вероисповедания некоего Рольфа Хоххута, который был обязан этой постановкой «выдающейся личности» берлинского театра Эрвину Пискатору, открывшему некогда всему миру имя Бертольта Брехта. Пьеса называлась *Der Stellvertreter* («Наместник»).

В ней рассказывалось, как один молодой и блестящий иезуит по имени Рикардо Фонтана, узнавший от раскаявшегося лейтенанта СС Курта Герштайна о существовании лагерей смерти, попытался убедить папу Пия XII выразить протест Гитлеру по поводу депортации римских евреев в 1943 году. Потерпев неудачу, молодой священник добровольно сел в поезд с депортированными и в знак соли-

дарности с жертвами Холокоста отправился в Освенцим. И все это на фоне тревожных выяснений политической и моральной ответственности немцев (нацистов, военных, буржуа и католиков) за уничтожение евреев на европейском континенте.

Книга Хоххута, появившаяся в магазинах одновременно с пьесой, произвела впечатление. Она отличалась сильным словом, точным описанием, колоритными персонажами, являя в своей совокупности интеллектуальное и драматиче-ское богатство. Неудивительно, что, когда весной 1962 года издатель Ледиг-Ровольт дал прочитать книгу новому художественному руководителю Берлинского Свободного Народного театра Эрвину Пискатору, старый режиссер тут же решил поставить ее на сцене. Он нашел данное сочинение «неизбитым, стимулирующим, крупным и необходимым». Приверженец воинствующего, даже революционного театра, вечный марксист и активный антиклерикал Пискатор видел в новом произведении «пьесу для эпического и политического театра», «полную» пьесу для «полного» театра, а также возможность вернуть себе немного былой славы.

Однако смелое построение этой длинной театральной драмы, расцвеченной непривычными утомительными «историческими пояснениями» наталкивалось на техническую проблему: во-первых, продолжительность пьесы не позволяла ставить ее целиком, а во-вторых, некоторые декорации были попросту непригодны для сцены. Такая пьеса становилась непостановочной, и единственным выходом из сложившейся ситуации стали значительные сокращения, ставившие под угрозу авторский замысел. Но Пискатор хватил через край: из 212 страниц текста он оставил только 90, а 47 персонажей сократил на целых 30 человек! И вот

что из этого вышло: широко «перешагнувшее через образ папы» произведение превратилось в «адаптированную» пьесу, смело сведенную к ядовитому шаржу на Пия XII. А это уже не входило в планы Хоххута.

Тем не менее, на следующий день после премьеры лондонская газета *Times* посвятила пьесе хвалебную статью знаменитого британского критика Оссии Триллинга, восторгавшегося обвинениями в адрес Пия XII. Пьеса молодого Хоххута, хотел он того или нет, превратилась в грандиозную критику роли Пия XII в деле Холокоста. Именно этого и стремился достичь Пискатор. Этот старый берлинский «анархист» прежде всего стремился раскритиковать буржуазию и папство, подвергнув их несмываемому позору.

В своей статье Оссия Триллинг перевел название пьесы на английский язык как *The Vicar*. Именно этот перевод и стал причиной возникновения французской версии «*Викарий*». Нелишне будет уточнить, что немецкое слово *Stellvertreter* переводится дословно не как «викарий» (человек, имеющий церковный сан, что соответствует немецкому *Vikar*), а, скорее, как «представитель», «заместитель», «помощник», «наместник». Такую трактовку привела спустя несколько месяцев *Royal Shakespeare Company* (Королевский Шекспировский театр), дав своей версии более созвучное с оригиналом название: *The Representative* (представитель). В понимании автора каждый человек — немец, епископ, солдат, промышленник — становится «наместником» и «заместителем» другого, если речь заходит о перекладывании на этого другого своей ответственности за Холокост. В этом случае перевод *Stellvertreter* как «наместник» оставлял только одного виновника — папу как «наместника Христа» на земле...

Сам Рольф Хоххут тремя неделями позже во время встречи в Париже с журналистами, объяснил, что «Пий XII

представлял собой нашу общую вину». «Глядя на не занявшего определенную позицию наместника Христа, — добавил он, — каждый зритель должен поразмыслить над своей собственной виновностью. Каждый должен спросить себя: где был я? Какую долю ответственности понес за все эти события лично я?» Это были полезные уточнения, но несвоевременные: сразу после постановки, пьеса перестала принадлежать своему автору...

Феномен поколений

«Наместник» имел настолько оглушительный успех, что свою первую полосу журнал *Der Spiegel* полностью посвятил Хоххуту. Пьеса была донельзя актуальна, поскольку в декабре 1963 года во Франкфурте открылся процесс по делу ответственных за Аушвиц (Освенцим), на протяжении нескольких месяцев будораживший старые немецкие раны. Но особенный поток восторженных отзывов хлынул от левых представителей западного мира (начиная, разумеется, с немцев Генриха Бёлля и Гюнтера Грасса), увлеченных началом процесса в отношении главы Католической Церкви. *Newsweek* назвал пьесу «самой большой сенсацией» Берлина. *Life* заговорил о «самом спорном произведении поколения». *New York Times*[1] описывал ее как «творение, вызвавшее самую большую сенсацию на европейских послевоенных сценах».

Парижская газета *La Croix* стала первым изданием, оттенившим похвалу пьесы строгим замечанием: «Ее главный недостаток заключается в искажении исторической правды». Следующие публикации подчеркнули серьезные несоответствия с реальными фактами. Что до того! «Дело

[1] Периодические издания США.

9 Зак 478

Пия XII» решило судьбу «Наместника», сопроводив его постановки нескончаемыми скандалами. Например, во Франции в декабре 1963 года в театре Атене — там разрешение на постановку дал Жорж Семпрен — в программу каждого спектакля входили свист, гвалт и драки.

С чего вдруг такое увлечение впечатляющей, но непригодной для постановки выдумкой и немодной темой в сложном изложении новичка, который во время описываемых событий был еще ребенком? В начале 60-х гг. XX в. в Европе война со всеми своими ужасами была «забыта». В то время католические газеты вещали о II Ватиканском соборе, о напряженных отношениях между Кеннеди и Хрущевым, угрозе ядерного конфликта, а во Франции особое внимание было уделено концу войны в Алжире. Тема уничтожения евреев почти никогда не поднималась средствами массовой информации. Те евреи, которые избежал лагерей смерти, — о чем очень хорошо рассказал Симон Вей, — но очень скоро устали от всеобщего непонимания, предпочитали молчать. Слово «Холокост» тогда еще не употреблялось. В своем фильме «Ночь и туман», снятом в 1955 году, Ален Рене повествовал о «концентрационном мире», в котором евреи, даже в Освенциме, ничем не отличались от других депортированных. А Жан Ферра в своей знаменитой одноименной песне пел: «Всех их звали Жан-Пьерами, Наташами и Самюэлями...». Сегодня в его тексте не было бы ни Жан-Пьера, ни Наташи.

Начиная с «Наместника» историография полностью изменила видение того, что являлось на тот момент всего лишь одним из самым трагических эпизодов Второй мировой войны. Именно после «Печали и жалости» Макса Офюльса (1969) и «Холокоста» Клода Ланцмана (1985) «финальная развязка» стала специфическим, самостоятельным историческим событием, отличным от истории Второй мировой войны.

«Наместник»

Между окончанием войны и постановкой «Наместника» прошло восемнадцать лет. За это время сменилось целое поколение. В Германии пережившее войну старшее поколение изо всех сил старалось забыть всю ее драматичность, ужасы, трусость и предательство. Это поколение жертв и палачей попыталось обмануть свою память и начать жизнь заново. Но 31-летний Хоххут представлял новое поколение немцев, задававшее запрещенные вопросы, в том числе и о личной ответственности каждого действующего лица мирового конфликта. Можно ли было помешать этому кошмару? Кто мог бы противостоять этому варварству? Молодой протестант был очарован папой, который мог бы помочь — и он верил в это — избежать многочисленных жертв, «раскрыв перед всеми» еврейскую трагедию. Наивность? Во время своего интервью с Ги Ле Клеком для *Le Figaro littéraire*[1] Хоххут был похож на «прилежного студента, который сказал невероятную глупость и первый удивился наделанному ею шуму».

Мы можем согласиться с Хоххутом, но можем и оспорить его. Особенно его упреки в адрес папы в том, что тот не «предупредил» еврейские семьи, которые не знали, что их ожидало в нацистских лагерях. Скорее всего, не в этом молчании обвинили позже Пия XII. Этому молчанию можно противопоставить «молчание» Черчилля, Рузвельта, де Голля или Сталина. Ведь ни один из победителей ни разу не промолвил слова по поводу Холокоста.

---

[1] Французское периодическое издание.

Ватикан сказал: «Немыслимо!»

Итак, Пий XII стал идеальным козлом отпущения. Обвинять его в «безразличии» к судьбам преследовавшихся евреев было проще, популярнее и безопаснее, чем поднимать вопрос об ответственности самих немцев, оказавшихся в безвыходной ситуации. Эту мысль 29 марта 1963 года выразила в своей статье *L'Osservatore Romano*: «Если Хоххут прав, — писала официальная ватиканская газета, — то выходит, что ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Эйхман, ни СС не несут ответственности за Аушвиц, Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен [...], во всем виноват папа Пачелли. Такое утверждение просто недопустимо».

В Рим шум от этих споров дошел через немецкое сообщество. Ни кардиналы, ни другие монсеньоры курии не верили в это разглагольствование. По их мнению, отношение к Пию XII как одному из ответственных лиц за «финальную развязку» наряду с Гиммлером и Эйхманом было полнейшим абсурдом! Этой вызывающей, вышедшей за рамки дозволенного версии, католическая пресса единодушно выразила свое недоверие и презрение. В апреле апостольскому нунцию в Бонне монсеньору Бафилю вместе с его адвокатом было поручено разузнать, не могла ли Церковь начать судебную тяжбу против злополучного театра по причине «нанесенного им оскорбления церковным институтам» или по причине «клеветы на усопшее лицо». Но это предприятие сочли настолько несостоятельным, что в итоге не была подана ни одна жалоба.

Более состоятельный и властный протест по поводу пьесы Хоххута пришел сверху. Один из двух основных соратников Пия XII времен войны кардинал Монтини в своем письме, адресованном им в середине июня 1963 года английской католической газете *The Tabler*, изложил

внушительное возражение по поводу представленного в пьесе сюжета. По воле случая это послание появилось в газете 21 июня 1963 г., как раз тогда, когда Монтини стал папой Павлом VI!

В своем письме бывший субститут папы Пачелли утверждал: «Хоххут нарисовал нам ложный образ Пия XII. Он не был трусливым человеком. [...] Пий XII мог занимать очень смелые позиции и без колебаний шел на риск». Далее автор письма сообщал: «...и, тем более, Пий XII не был "бесчувственной" и "изолированной личностью", которая когда-либо руководствовалась "оппортунистскими расчетами светской политики или экономических интересов". Правда состояла в том, что политика осуждений и протеста, в непринятии которой упрекал папу Хоххут, "была не только бесполезной, но еще и вредоносной"». Подобное отношение, объяснял Монтини, породило бы собой «такие репрессии и разрушения, из которых позже тот же Хоххут смог бы сделать новую драму!»

Будущий Павел VI талантливо, правильно и искренне защищал память своего бывшего покровителя. Однако он все же допустил один промах, написав следующее: «Правду о действиях Пия XII во время последней войны перед лицом преступлений нацистского режима раскроет история, а не искаженные факты с их интерпретацией согласно предвзятому мнению». Это был плохой прогноз. Новый папа, как и все окружавшие его кардиналы, как 2 500 «отцов» II Ватиканского собора, который должен был вскоре открыть свою вторую сессию в Риме, не мог представить себе, что в конечном итоге идеи «Наместника» завоюют общественное мнение!

Ошибка Собора?

Парадоксально, но Собор, главным действующим лицом которого до и после конклава июня 1963 года был все тот же Монтини, способствовал показательному переписыванию истории. Прежде всего II Ватиканский собор в некоторой степени освободил католиков от традиционного следования фициальным папским постановлениям. «*Roma locuta est, causa finite est*», — говорилось веками. «Рим сказал, и дело закончено!» Однако II Ватиканский собор призвал священников и верующих к критике, в том числе и отношений с евреями. Именно поэтому Иоанн XXIII поручил кардиналу Беа, немцу по происхождению, подготовить соборную схему «о евреях» *(De Judaeis).*

Тема «покаяния», развитая тридцать лет спустя Иоанном Павлом II, явилась отдаленным следствием II Ватиканского собора. Это понятие было недалеко от понятия *Bekenntnis* (что в переводе с немецкого означает «исповедь», «признание»), к которому в своей пьесе призывал современников Хоххут. Как Церковь — или Германия, или Европа, или же все человечество — могла строить свое будущее, не очистившись от ошибок прошлого? Начиная с середины 1960-х гг. позицию Церкви критиковала не только кучка смелых богословов, подвергавшихся порой преследованиям со стороны Конгрегации Священной Канцелярии, отныне это делали все верующие.

Вопрос о молчании папы во время войны, особенно после принятия Вторым собором в октябре 1965 года декларации о евреях *Nostra Aetate*, нашел позже немалый отклик у «постсоборных» католиков. Иезуитский журнал *Etudes* в июньском номере 1963 года опубликовал разоблачающую статью. «Отказ от позиций Хоххута, — писал богослов Рене Марле, — не должен помешать нам признать

всю серьезность заданных нам вопросов». Автор возмущался по поводу имевшихся в пьесе исторических заблуждений, но от сюжета оной не уклонился: «Долг несения бескорыстного свидетельства духовных ценностей лежит на том, кто призван при любых обстоятельствах сохранять и передавать этому миру дух Христов».

Первые призвания к добросовестному исследованию получили подкрепление в виде неизбежных расслоений, четко представленных в постсоборных средствах массовой информации между «прогрессивными» и «консервативными» католиками. Причем за последними с легкой подачи светских журналистов прочно закрепился штамп уклонистов от дебатов по поводу Пия XII! К этому двойственному расслоению зачастую толкала и нерасторопная пресса, ибо ее манихейская подача драматических событий 1960-х гг. XX века рисовала упрощенческий раскол между «сопротивленцами» и «коллаборационистами» или же, как в случае Церкви, между «левыми» и «правыми» христианами: добрыми и злыми. Вот кто поистине экономил время!

Увы, но это информационное манихейство с годами усилилось, препятствуя сбалансированной критике роли Пия XII в годы войны и мешая исторической оценке действий папы 1942–1943 гг., акцентируя внимание на его смелости и человеколюбии, с одной стороны, и колебаниях и тактических отступлениях — с другой. Пий XII, как и любое другое противоречивое историческое лицо, прошедшее через жернова средств массовой информации, не мог быть либо только героем, либо только негодяем. Однако для некоторых он стал именно негодяем.

Историческая аргументация

Когда Ватикан решился на контратаку, было уже слишком поздно. Возобновить оную неоднократно пытался лично Павел VI. 30 ноября 1963 года в письме немецкому епископату он высказался против «обвинений и оскорблений», порочащих память Пия XII. «Этому бесчестью пора положить конец!», — писал Павел VI. 6 января 1964 года в конце своего путешествия по Святой Земле он сказал: «...нет ничего более несправедливого, чем эти нападки». 12 марта 1964 года во время торжественного открытия в соборе Святого Петра статуи Пия XII, он еще раз подтвердил, что пьеса Хоххута «шла вразрез с истиной и справедливостью».

L'Osservatore Romano, другие католические издания и многие прелаты — включая немецких епископов — встали на защиту памяти Пия XII, упрекая пьесу в «переложении на папу ответственности и ошибок, лежащих на совести всех: немцев и не немцев, верующих и неверующих». Все было напрасно. Как только прения стихали, начинали громче звучать голоса светских журналистов, марксистских историков, радикальных публицистов и других антиклерикалов. Каждый из них интерпретировал содержание «Викария» на свой вкус.

В 1963–1964 гг. развернулись дополнительные дебаты по поводу известных, но спорных исторических фактов, однако на этот раз с претензией на точность. Так, парадоксальным образом полемика между историками позволила вывести на свет два забытых документа:

— Речь, которую Пий XII произнес перед Священной коллегией 2 июня 1943 года, упомянув тех несчастных, которые «ввиду своей национальности или расы» подвергались «истреблению». По словам папы «любое слово,

любое публичное заявление в их адрес» необходимо было «серьезно взвешивать и оценивать» в интересах самих же жертв, «чтобы не усугубить их и без того тяжелое положение»;

— большое личное письмо, написанное 30 апреля 1943 года епископу Берлинскому монсеньору фон Прейзингу, в котором Пий XII говорил, что «поручает действующим пасторам на местах» самим решать «как и в какой степени им следует воздерживаться от вмешательства, пусть даже и вполне обоснованного, чтобы не навлечь своими действиями еще большие неприятности», ввиду того, что официальные протесты «могли быть чреваты последующими репрессиями». В этом письме Пий XII вернулся к своему знаменитому Рождественскому радиообращению 1942 года, в котором сожалел о преследованиях «по национальному или расовому признаку». «Это слово было кратким, однако всем понятным», — писал папа.

Эти два важных документа как нельзя кстати демонстрировали поведение Пия XII, которое (в противовес версии Хоххута) не было следствием ни страха, ни нерешительности, но оправдывало его «молчание» явным, почти тактическим опасением возможных жестоких репрессий. Прав ли он был? Папу беспокоил пример Голландии: в конце июля 1942 года после официального протестного письма, прочитанного во всех церквях страны нидерландскими епископами, нацисты тут же депортировали в Освенцим всех евреев, начиная с евреев-христиан, среди которых была известная женщина-богослов Эдит Штейн.

Однако на фоне театральных представлений, статей, публичных дискуссий, круглых столов и книг, чисто исторические аргументы — что говорил Пий XII, чего он не говорил, когда и почему — мало-помалу нивелировались, искажались и упрощались, пока, наконец, не уступали место

бурной полемике, кафедральным доводам, искажению истины, а порой и банальной дезинформации.

Полемика, крайности, дезинформация

В дискуссионной гонке вокруг «Наместника» в своих многочисленных книгах Пия XII обвиняли такие крупные авторы, как Гюнтер Леви (1964), Саул Фридлендер (1964), Джон Корнвелл (1999) и Даниэль Гольдхаген (2002). Их произведения, некоторые из которых стали настоящими бестселлерами, переведенными на многие языки мира, без стеснения превращали Пия XII в ярого антисемита, чья любовь к Германии — он был нунцием в Мюнхене и Берлине — вылилась в достойное сожаления пособничество гитлеровцам. Вот такие крайности. В своей оригинальной версии название книги Корнвелла звучит как *Hitlers' Pope* («Папа Гитлера»). Такая несдержанность шокировала даже его французского издателя, который предпочел озаглавить произведение иначе: «Папа и Гитлер».

В феврале 2002 года новую волну обсуждений вызвал поставленный по пьесе «Наместник» фильм Коста-Гавраса «Аминь». Фильм вызвал большой скандал. Не по причине своего хоть и спорного, но в целом спокойного сценария, а по причине вызывающей афиши, на которой была изображена слившаяся с христианским крестом свастика. Многие католические деятели были возмущены, в первую очередь архиепископ Парижа кардинал Люстиже, мать которого умерла в Освенциме. Доведенная до крайности полемика в очередной раз взяла верх над исторической справедливостью. Автор афиши Оливьеро Тоскани попробовал защитить себя словами: «Вот, наконец, фильм, который говорит правду: евреев депортировали католики!»

Ненадежное полемическое упрощение коснулось также и защиты Пия XII. Крайние консерваторы и традиционалисты, слепые защитники главы Церкви зачастую перегибали палку исключением всяких оговорок в отношении действий папы в период с 1939 по 1945 гг. Позже эти тезисы были заменены десятками интернет-сайтов, которые стали появляться с каждой новой книгой, особенно после того, как в 2005 году на «миф папы Гитлера» обрушился раввин Давид Далин.

В пылу полемики даже возникло предположение, что «Наместник» был дестабилизирующей операцией восточных спецслужб против главы католической Церкви. Действительно, разве пьеса молодого Хоххута не обладала поразительным сходством с советской пропагандой? Ведь именно советские лидеры после окончания войны были единственными, кто по-настоящему хулил имя Пия XII. После того, как Сталин выпустил декрет о полном уничтожении католической религии на территории СССР, особенно в западной Украине и Литве, органы советской пропаганды и средства массовой информации Восточной Европы наперебой стали обвинять папу в пособничестве «фашистам».

Конечно же, Рольф Хоххут читал книгу советского историка Михаила Шейнмана, изобилующую кремлевской пропагандой, название которой было переведено на немецкий язык как *Der Vatican im zweiten Weltkrieg* («Ватикан во Второй мировой войне»). Эрвин Пискатор, человек, который сократил и инсценировал пьесу Хоххута, был старым марксистским антиклерикалом, близким к Советам. Ведь не зря же он жил в Москве при Сталине с 1933 по 1936 годы.

В 2007 году американский журнал *National Review Online* опубликовал шокирующую информацию Иона Михая

Пачепы, бывшего румынского перебежчика и генерала политической полиции Николау Чаушеску. Пачепа, нашедший приют в США и пользовавшийся защитой ЦРУ, позиционировал КГБ как настоящего промоутера «Викария». В Риме аплодировали «ходатаю по делу» Пия XII отцу Гумпелю: «Нам давно известно, что у истоков дискредитирующей кампании против Пия XII стоит большевистская Россия!» Однако специалисты очень сомневались в словах Иона Пачепы, готового предать публичности все истинные и ложные «откровения», которые требовали у него его покровители...

Архивные документы

Со стороны хулителей Пия XII, особенно израильтян, стал с завидной регулярностью выдвигаться другой аргумент: архивы. Раз Ватикан не спешил раскрывать свои «секретные» архивы, это означало, что Церкви было что скрывать. Обвинение же требовало доказательств. Все историки прекрасно понимали, что передача исследователям таких ценных и сложных документов требовала очень много времени. Начиная с 1964 года Ватикан предпринял значительные усилия по раскрытию своих дипломатических архивов, в особенности «секретных архивов» Государственного секретариата до 1939 года, т.е. до избрания Эудженио Пачелли на папский престол. Вспомним, что последний в течение девяти лет был соратником Пия XI, папы, который осудил в трех своих знаменитых энцикликах фашизм, нацизм и коммунизм.

Почему вскрытие архивов вызывало столько недоверия? Потому что никто всерьез не предполагал, что однажды один исследователь обнаружит в них рукописный документ, «доказывающий» тайный сговор между Пием XII и нацистами.

И, напротив, стоило побиться об заклад, что открытие архивов периода 1939–1945 годов через несколько лет укрепит дух защитников папы, особенно в деле спасения венгерских, болгарских и румынских евреев.

По правде говоря, историки уже обладали огромным количеством свидетельств и документов, однако развернутая вокруг архивов полемика не помешала появиться на свет огромной массе книг, написанных на наболевшую тему за тридцатилетний период, и в большинстве своем написанных с достойной документальной точностью. Сам Хохут прежде, чем создать свою пьесу, также провел три месяца в Ватикане, собирая там всю необходимую ему информацию. «Наместник» способствовал частичному вскрытию архивов времен войны..., а также парадоксальным образом будущей беатификации Пия XII!

Действительно, весной 1963 года после смерти Иоанна XXIII несколько кардиналов выдвинули идею беатификации «доброго папы Иоанна», инициатора Вселенского собора. Но здесь очень скоро возникла проблема: не случится ли так, что беатификация папы, который благодаря своей гениальной интуиции смог собрать вместе епископов всего мира для побуждения Церкви к *аджорнаменто*, дискредитирует его предшественника, который не предпринял подобного шага? Не станет ли это молчаливым согласием с Хоххутом и его скандальной пьесой?

Вот так и был начат параллельно с беатификацией Иоанна XXIII «процесс» по беатификации Пия XII. По мнению Церкви, аргументов в его пользу было предостаточно: Пий XII, который был папой с 1939 по 1958 гг., слыл неординарной личностью, перенесшей серьезные испытания, его благочестие, ум и смелость не подлежали никакому сомнению. И хорошо, что его дело защищал папа Павел VI,

он, так долго работавший в тени Пия XII, никого не мог ни оскорбить, ни неприятно удивить.

Нужно ли было еще оспаривать «черную легенду», начинавшую искажать образ будущего святого? Павел VI учредил специальную историческую комиссию, поставив во главе ее известного иезуита отца Пьера Бле, которая после тщательно проведенной работы опубликовала с 1965 по 1982 гг. одиннадцать томов под названием «Акты и документы Святого Престола времен Второй мировой войны». Удивительно, но столько исторического материала цитировали редко. Почти ни у кого не вызывали любопытства и переданные исследователям архивы периода 1933–1939 гг.

При каждом воспоминании о действиях Пия XII времен войны лейтмотивом начинали звучать архивные доказательства. Поэтому в 1999 году, желая еще раз доказать добрую волю Ватикана, особенно в контексте реального сближения христиан и евреев, папа Иоанн Павел II учредил смешанную экспертную комиссию, состоявшую из католических и еврейских историков. Однако по истечении двух лет последние вышли из комиссии, громко хлопнув дверью, под предлогом того, что им был закрыт доступ в архивы!

***

Через пятьдесят лет после появления «Наместника» образ Пия XII в глазах общественности приобрел прочную негативную окраску. В западных средствах массовой информации он был сведен на уровень «папы, не осудившего Холокост». Это не только отравило отношения между христианами и евреями, но и породило разделение внутри каждого из сообществ. Не все католики благосклонно смотрели на беатификацию Пия XII, и не все евреи забыли о том, что этот самый папа спас тысячи их собратьев.

«Наместник»

Редко какой папа вызывал столько полемики, которая была зачастую поверхностной, а иногда и весьма жесткой. Пометка внизу страницы папского текста, легенда фотографии на стене музея *Yad Vashem*[1], новая книга в оправдание либо осуждение — и вот между клеветниками и защитниками Пия XII вспыхивает очередной спор на повышенных тонах. Пьеса Хоххута продолжает вносить смуту в самый сложный период церковной истории. Старый Эрвин Пискатор должен радоваться в своей могиле тому, что ему удалось достичь своей цели.

---

[1] *Яд Вашем* — мемориальный комплекс Катастрофы и героизма еврейского народа.

13
Дело Эстермана

Кто желал смерти командиру швейцарских гвардейцев?

Тучи, пришедшие на день, не могут
затмить небо пятисотлетней давности.
Кардинал Содано
6 мая 1998 года

Рим, понедельник, 4 мая 1998 года. Чуть более 21 часа. Ватикан медленно погружался в вечернюю сладкую негу. Но запоздалых прохожих, шествовавших по площади Святого Петра, вовсе не удивляло то, что в комнате папы на третьем этаже горел свет. В этот час Иоанн Павел II еще работал. Однако прямо под окнами Его Святейшества в примыкавшем к казарме швейцарских гвардейцев здании позади ворот Святой Анны внезапно началась странная суета. Тишину сотрясли сухие, необычные хлопки. Казалось, стреляли из пистолета не менее пяти раз.

Хлопки действительно оказались выстрелами. Встревоженные шумом проходившие мимо прелаты и охранники папы бросились к квартире командующего швейцарскими гвардейцами Алуа Эстермана. В вестибюле они наткнулись на три трупа. Первым оказался труп 43-летнего полковни-

ка Эстермана, недавно возглавившего папскую гвардию. Он был сражен двумя пулями. Рядом с ним без признаков жизни лежала его супруга Гледис, служащая посольства Венесуэлы в Риме. В нее также были выпущены две пули. Третье согнувшееся на полу тело принадлежало 23-летнему вице-капралу швейцарских гвардейцев Седрику Торне. Согласно первым сделанным выводам, именно Торне совершил это двойное убийство, а потом выстрелил себе в рот. Следователи нашли под безжизненным телом Торне его служебный пистолет SIG P-75, из которого были выпущены пять пуль. Жуткая, не совместимая с реальностью сцена. Убийство в сердце Ватикана!

«Безумный поступок»

Срочно прибывший на место государственный судья Ватикана Джанлуиджи Марроне констатировал все факты и немедленно начал расследование. Так как преступление было совершенно в Ватикане и было связано с его служащими, магистрат не стал обращаться за юридической помощью к гражданским итальянским властям. Не осведомили и итальянскую прокуратуру. Марроне приказал провести вскрытие. Приказ выполнили во вторник утром в одном из отделений санитарной службы Папского государства. Дело о случившемся не должно было выйти за пределы Ватикана.

Однако надолго сохранить секретность не получилось. У аккредитованных в Ватикане итальянских и иностранных журналистов, так называемых «ватиканистов», весь вечер разрывался телефон. Была почти полночь, когда шеф ватиканского пресс-центра Жоакин Наварро-Валлс организовал импровизированную пресс-конференцию. Сам Наварро, бывший ватиканист, — еще недавно он являлся

корреспондентом мадридской газеты ABC — был человеком старой закалки. Находясь на своем посту с 1984 года, он умел хранить хладнокровие. По словам Наварро, априори речь шла о безумном поступке вице-капрала Торне, решившего, скорее всего отомстить своему начальнику. Как медик Наварро-Валлс использовал термин «раптус», означающий «внезапный приступ неистового возбуждения, могущий повлечь за собой серьезные последствия». Больше на тот момент ничего известно не было.

Начиная со следующего утра, эта гипотеза была подтверждена и развита самим Наварро-Валлсом в ходе новой пресс-конференции, собравшей журналистов со всего мира. Директор *Sala Stampa* объяснял, что не было никакого сомнения в том, что преступление совершил именно вице-капрал Седрик Торне. Именно он убил своего начальника полковника Эстермана и его супругу. Мотив же преступления выглядел примерно так: молодой человек был потрясен, не увидев своей фамилии в списке гвардейцев, представленных к медали *Beneverenti*, престижной награде, учрежденной еще папой Григорием XVI в 1832 году, которую должны были получить на следующий день многие его товарищи в честь ежегодного праздника швейцарских гвардейцев.

Вероятно, молодой Торне не пережил такого унижения. Однако он прекрасно знал, почему его фамилии не было в списках. 12 февраля он получил от Эстермана письменное предупреждение за то, что не вернулся ночью в казарму. Тот же самый Эстерман отозвался о нем во внутреннем донесении как о «непослушном», «надменном», «неустойчивом» человеке и вычеркнул его имя из списка тех, кто был представлен к награде. И вот этот Эстерман, которому Торне был обязан своим наказанием и унижением, был назначен его новым командиром!

Опираясь на свое предположение, Наварро-Валлс сообщил журналистам, что в 19 ч. 30 мин. убийца передал одному из своих сослуживцев тайное письмо, которое он второпях написал для своей матери и в котором раскрывал свой трагический замысел. Это послание подтвердило версию Наварро-Валлса: молодой неуравновешенный человек с болезненным чувством самолюбия совершил «безумный поступок».

Испорченный праздник

Среда, 6 мая 1998 года. В то утро должен был состояться праздник, посвященный годовщине героической гибели 147 гвардейских алебардийцев, спасших жизнь Клименту VII, которого преследовали ландскнехты Карла V во время нападения на Рим в 1527 году. Благодаря их жертве папа смог скрыться через тайный ход *Passetto*[1], соединявший Ватикан с замком Святого Ангела на берегу Тибра. Таким образом, набранные за двадцать один год до упомянутого события папой Юлием II швейцарские гвардейцы с шумом ворвались в историю, оставшись в сердцах всех последующих понтификов, от века к веку свидетельствующих им свое доверие и симпатии.

В ту среду во дворе апостольского дворца как обычно должна была состояться церемония принесения присяги сорока новыми *Svizzeri* — так называют здесь швейцарских гвардейцев — по случаю вступления в должность их нового командира полковника Эстермана, достойного

---

[1] Итал. *Passetto, Passetto di Borgo* — «маленький коридор» — укрепленный коридор длиной около 800 м в Леонинской стене, который соединяет Ватикан с замком Святого Ангела в районе Борго. Сооружение возведено в 1277 году при папе Николае III.

преемника Роланда Буша, ушедшего несколькими месяцами ранее в отставку после пятнадцати лет верной службы.

Роланд Буш тоже был там. Он приехал, чтобы присутствовать на посвящении своего преемника. Однако в тот год праздник швейцарских гвардейцев был омрачен скорбным трауром. Шокированные, полные печали 99 солдат со слезами на глазах в полном молчании вошли в часовню Святого Мартина, куда каждое утро они приходили на мессу. Перед алтарем стояли три одинаковых гроба. Папа Иоанн Павел II, которому от дворца до часовни было всего два шага, уже стоял на коленях перед жертвами этого ошеломляющего преступления и молился за упокой души троих несчастных.

Траурную службу по чете Эстерманов в соборе Святого Петра в 17 часов провел лично государственный секретарь Ватикана кардинал Содано. В первом ряду собравшихся находились родители Эстермана, приехавшие на торжества по случаю вступления в должность своего сына и не подозревавшие, что вместо этого им придется присутствовать на его похоронах! Гроба убийцы на церемонии не было. Его отпевание состоялось на день позже в церкви Святой Анны в присутствии приехавшей из Швейцарии матери молодого человека, которую сопровождал секретарь Конференции швейцарских епископов отец Ролан Трофер. Сопровождал или... присматривал? Швейцарские журналисты нашептывали, что эту женщину отговаривали от поездки в Рим из опасения, что журналистам удастся взять у нее интервью. Но что она могла им сказать?..

Странные темные пятна

Слухи распространялись быстро. Как всегда в Ватикане была немедленно оспорена официальная версия, которая априори могла быть всего-навсего государственной ложью

и, несомненно, скрывала еще большую гнусность. Дело Эстермана не стало исключением из общего правила. Мало того, что оно касалось *Svizzeri*, этого небольшого армейского подразделения, овеянного тайной и легендами, состоящего из преданных папе холостяков; оно еще и обрастало всякого рода фантазиями. Малейшая бессвязность или бестактность тут же исследовалась, вскрывалась и раздувалась итальянской прессой, за которой по пятам шли швейцарские журналисты.

Сразу же возникли неприятные, зачастую коварные вопросы, крутившиеся вокруг Седрика Торне: действительно ли убийцей был он? Покончил ли он с собой после своего злодеяния или же был убит истинным преступником? На месте преступления якобы нашли четыре стакана. Не означало ли это, что в вестибюле находился кто-то четвертый? Причем первые свидетели утверждали, что Торне лежал ничком. Если же следовать логике, то он должен был упасть навзничь. И почему начиная со следующего же дня после трагедии грузовик стал вывозить мебель из квартиры Эстерманов?

Среди всех этих вопросов один заслуживал особого внимания: назначение полковника Эстермана командиром швейцарских гвардейцев. Пост, который покинул Роланд Буш, любопытным образом оставался вакантным на протяжении нескольких месяцев. Что таила в себе такая аномальная трата времени? Имели ли место споры по поводу назначения преемника? Мог ли кто-нибудь противиться этому назначению, и если да, то какими доводами он руководствовался?

Алуа Эстерман, бывший швейцарский военный родом из Гунцвиля (кантон Люцерн), поступил на службу в папскую гвардию в 1980 году. Этот «малый» ростом в метр

девяносто проявил невероятную храбрость. Во время покушения на Иоанна Павла II 13 мая 1981 года он, находясь в папамобиле, после первого взрыва бросился к папе, загородив его своим телом, в точности следуя инструкции, усвоенной им на тренировках. Виновник демонстрации такой смелости Иоанн Павел II проникся чрезвычайным уважением к этому человеку и стал относиться к нему как к «члену своей семьи» наравне с секретарем и личным доктором. Отныне он брал его во все свои поездки и на отдых в горы. Над Эстерманом иногда подшучивали. Его квадратное лицо, ясный взгляд и тяжелый подбородок напоминали черты лица молодого Кароля Войтылы...

Первого сентября 1987 года Эстерман был назначен помощником командира швейцарских гвардейцев. Требовательный к самому себе и своим подчиненным, Эстерман демонстрировал неоспоримые полномочия, отчего некоторые из его бывших солдат упрекали его в авторитаризме. Он женился на молодой образованной венесуэлке, докторе канонического права, которая была на три года моложе его и с которой он познакомился в Риме во время лингвистической стажировки. Для командира швейцарских гвардейцев Гледис Мецца Ромеро стала идеальной супругой...

И, тем не менее, этот безупречный вояка не годился для своего поста. Если говорить откровенно, то никогда раньше для командования папской гвардией не выбирался кадровый офицер. Традиционно командирами становились выходцы из швейцарской аристократии. Так, семья Пфиффер фон Альтисхофен подарила гвардии 11 гвардейских командиров из 34-х. Последний, Франц фон Альтисхофен, командовал швейцарскими гвардейцами как раз во время покушения 13 мая 1981 года. Но старую привилегию сохранять не так уж и легко, поскольку в наши дни выходцы

из известных швейцарских семей редко бывают расположены к командованию самой маленькой армией в мире с месячным жалованием в 3 000 евро.

Прежде чем стать тридцать первым командиром этого необычного подразделения, простолюдин Алуа Эстерман вынужден был ждать, пока прелаты решатся порвать с одной из своих устаревших традиций, которую особенно любила курия и за которую так упорно, казалось, держались швейцарские власти. В день назначения Эстермана, утвержденного самим Иоанном Павлом II, министр обороны Швейцарии загадочно заявил: «У Ватикана должны быть свои причины, если там выбрали Эстермана, не учитывая тех кандидатов, которых предложил советник министра». Другие поздравления отличались большей теплотой.

Но, тем не менее, ничто не наводило на мысль, что этот нудный чиновник мог инициировать коварную месть, тем более убийство.

Полицейская война, шпионские игры

Появились и другие гипотезы. Некоторые наблюдатели заговорили о негласном противостоянии между различными службами, ответственными за безопасность Святого Престола, его главы, кардиналов, комитетов и прибывающих в Ватикан миллионов паломников. На самом деле в то время ощущалось сильное напряжение между структурами различного происхождения и действия.

Со времен решительной реформы, проведенной Павлом VI на следующий день после закрытия II Ватиканского собора, безопасность Святого Престола стали обеспечивать три разные службы: швейцарские гвардейцы, ватиканские жандармы и инспекторы итальянской полиции. Швейцарские гвардейцы, численность которых в 1998 году состав-

ляла 100 человек, не всегда воспринимались всерьез. Одетые в пестрые благоухающие костюмы эпохи Ренессанса алебардисты являлись теперь объектом внимания туристов и фотографов-любителей всего мира. В их обязанности отныне входило сопровождение официальных церемоний, охрана апостольского дворца и въездов в Ватикан. Неэффективность гвардейцев обнаружило покушение на Иоанна Павла II, совершенное 13 мая 1981 года. Традиционное уважение к папе со стороны этих людей запрещало им поворачиваться спиной к понтифику, что помешало гвардейцам в тот день видеть, что происходило в толпе.

Поэтому за подступами к площади Святого Петра и безопасностью паломников следит ватиканская жандармерия в составе 130 человек, прозванная *Ufficio Centrale di Vigilanza* (Центральное бюро бдительности). А в случае угрозы и серьезных инцидентов в действие вступает итальянская полиция — охранники, снайперы, разведчики... Координацию этих трех соперничающих друг с другом организаций осуществляет «комитет безопасности».

А они действительно соперничают друг с другом, как показала в 2008 году отставка Эльмара Медера, недовольного вошедшей в силу ватиканской жандармерией. Швейцарская гвардия, судя по своему названию, состоит из молодых людей — выходцев из различных швейцарских кантонов. Жандармы же по своему происхождению — итальянцы. Однако это обстоятельство не может служить оправданием дурных поступков. Соперники, чужие, но не враги. С трудом можно представить себе, что подобная зависть в состоянии спровоцировать инцидент, вылившийся позже неизвестно почему в двойное убийство!

После полицейских войн очередь доходит до шпионажа. Через день после драматического события, произошедшего

4 мая 1998 года, немецкая газета *Berliner Kurier* «раскрыла», что полковник Эстерман скорее всего работал на политическую полицию ГДР Штази. Он якобы был завербован в 1979 году международным департаментом секретных восточногерманских служб *Hauptverwaltung Aufklärung* (HVA) и имел позывной «Вердер». В то время Алуа Эстерман учился в центральной федеральной военной школе недалеко от Берна, откуда вышел в звании обер-лейтенанта и готовился ходатайствовать о получении должности в папской гвардии. В том же году его направили в Аргентину для углубленного изучения итальянского языка. К своим же обязанностям в Риме Эстерман приступил 1 июля 1980 года, через несколько месяцев после своей предполагаемой «вербовки».

Такое «разоблачение» проверить практически невозможно. Разумеется, в Ватикане были шпионы восточных спецслужб, ибо Святой Престол как пункт управления всеми католическими епархиями и конгрегациями мира издавна интересовал как западную, так и восточную разведку. Отметим, что после покушения 1981 года *Vigilanza* под управлением Камилло Чибина стала поддерживать тайную связь с ЦРУ и западногерманским БНД...

Когда в январе 1999 года ЦРУ расшифровало некоторые секретные архивы восточногерманской Штази, оно обнаружило, что в Ватикане работали два агента восточных спецслужб. Их кодовыми именами были Лихтблик и Антониус. Первый оказался бенедиктинцем по имени Юджин Брамметц, служащим в немецком издательстве *L'Osservatore Romano.* Вторым был Альфонс Вашбюш, журналист римского католического агентства KNA, ставший впоследствии влиятельным лицом CDU[1].

[1] Христианско-демократический союз Германии (ХДС; нем. *Christlich Demokratische Union Deutschlands* (CDU)) — политическая партия в Германии, основана в 1946 г.

Эти отрывочные, противоречивые сведения были весьма ненадежными. Во всяком случае, они не содержали в себе никаких намеков на таинственного Вердера. Бывший руководитель итальянской контрразведки адмирал Фульвио Мартини бездоказательно утверждал, что Эстерман был агентом иностранной разведки. Ватикан же отрицал какую бы то ни было причастность Эстермана к шпионажу. Однако одного отрицания было недостаточно. Более убедительно опроверг подобные слухи бывший шеф HVA[1] знаменитый Маркус Вольф. Но мог ли он знать абсолютно всех резидентов Штази?

Единственным отголоском этой информации было мнение итальянского «шведского судьи» Фердинандо Импозимато, который сумел замести следы покушения на Иоанна Павла II, перенаправив их на «болгарскую ветвь». По словам судьи, известного своим богатым воображением, Эстерман точно являлся шпионом Штази, завербованным еще во время учебы. Его беспрепятственное передвижение по Ватикану, включая посещение личных апартаментов Его Святейшества, позволило ему якобы установить там микрофоны перед покушением 1981 года. Но зачем? Для сбора каких данных? В своей книге «Ватикан, государственное дело», написанной в 2002 году, многословный «шведский судья» этого не объяснил. Конечно, когда речь идет о шпионаже, ни в чем нельзя быть уверенным. Но ни одно доказательство предложенную теорию не подтвердило.

Фантазии и бульварные романы

Другое «разоблачение» привело к появлению после драмы нескольких громких заголовков в газетах, таких как

[1] Главное управление просвещения внешней разведки ГДР.

«Эстерман и Торне были гомосексуалистами!». Это была версия историка Массимо Лаккеи, который утверждал, что несколькими месяцами ранее встречал обоих мужчин в римском обществе американских священников-геев. В апреле 1998 года он будто бы вновь видел Торне в римском баре и якобы Торне, который не мог уже защитить себя от всех этих сомнительных обвинений, предлагал ему хорошо оплачиваемые сексуальные услуги.

Лаккеи предполагал, что отношения между вице-капралом и его полковником переросли в конфликт, из чего следовало, что совершенное 4 мая убийство было, скорее всего, убийством из ревности! Ничего удивительного, ибо в мире, по словам историка, «насчитывалось до 70% гомосексуалистов»! То, что полковник Эстерман любил свою жену Гледис, и то, что у Седрика Торне была подруга Валерия, на которой он собирался жениться, Лаккеи не смущало. Он продолжал настаивать на своих утверждениях: «Швейцарская гвардия нечто вроде гарема для кардиналов». Это было уже слишком. Утверждение Массимо Лаккеи вскоре зачахло, а его автор впал в безвестность.

И наконец, отметим маловероятную версию, выдвинутую 75-летним отцом Габриэлем Амортом, главным заклинателем злых духов Святого Престола в течение пятнадцати лет. Этот старый священник был убежден в том, что «в Ватикане творились дела дьявола». По словам Аморта, за всеми актами «жестокости и педофилии», в особенности за последним двойным убийством 4 мая 1998 года, стоял сам сатана. В Ватикане лишь некоторые прелаты обратили внимание на предупреждение этого человека, которого многие считали слишком эксцентричным. Его малоубедительную теорию, лишенную конкретной основы, оспорил другой римский заклинатель — отец Жозе Антонио Кукукулл...

Все «откровения» о предательстве «агента» Эстермана и сексуальной жизни Седрика Торне вдохновили некоторых романистов, воспользовавшихся этим романтическим делом для вполне обоснованного создания фантастических произведений. Среди таковых фигурировали Валеска фон Рокеса, написавший *Mord im Vatikan* (*Смерть в Ватикане*), и Жерар де Вилье, создавший «*SAS*» (*Ватиканский шпион*), который все же верил в гипотезу безумного поступка. Сколько детективов и шпионских романов по праву используют подобные мотивы?

Однако романисты были не единственными, кто фантазировал на тему Ватикана, Опус Деи, КГБ, мафии и баров гомосексуалистов. Так, английский заурядный писатель Дэвид Ялоп состряпал несуразный рассказ, в котором заявлял, что Эстерман «слишком много знал», но что именно, для нас навсегда останется загадкой. В 1994 году французский журналист Виктор Гитар, добывавший информацию для *Détectiveet Match*[1], также опубликовал свое невероятное «расследование», в которое помимо всего прочего без всяких доказательств были вовлечены секретные болгарские службы и Легионеры Христа!

Смятение матери

Но особенно большие сомнения официальная версия вызвала у Мюгетт Мода, матери Седрика. Как она была горда, когда ее сын, ученик электрика, попал в 1994 году в швейцарскую гвардию! Она не могла поверить, что ее мечта закончилась кошмаром, и не верила в то, что говорилось о Седрике: якобы в его мозге была обнаружена крупная киста размером с голубиное яйцо, объяснявшая наруше-

[1] Периодическое издание, в котором публикуются различные детективы.

ния в его поведении, якобы в его моче, а также в двадцати четырех подозрительных окурках, спрятанных в ящике ночного столика, нашли следы конопли...

Это очень быстро привело Мюгетт к убеждению, которое закрепилось в ее сердце: если ее сына выдали за сумасшедшего, это значит, что его попросту устранили, и она приложит все усилия, чтобы выяснить почему. В этом наваждении ее укрепляло и письмо, которое сын передал ей перед убийством. В нем она обнаружила сомнительные несовпадения. Так, Седрик вспоминал о «трех годах, шести месяцах и шести днях», которые он провел в форме швейцарского гвардейца, в то время как на самом деле он носил ее три года, пять месяцев и три дня:

«Я надеюсь, что ты простишь меня, потому что именно они заставили меня это сделать. В этом году я должен был получить Бенемеренти, а подполковник [Алуа Эстерман] мне в ней отказал. После трех лет, шести месяцев и шести дней всех несправедливостей они отказали мне в единственной вещи, которую я так хотел получить [...]. Я поклялся отдать свою жизнь за папу, и я это сделаю. Я прощу прощения за то, что покидаю вас, но этого требует мой долг. Скажи Саре, Мелинде и папе, что я люблю их. Я обнимаю самую лучшую маму в мире. Твой любящий сын».

Конверт был адресован «Шаморель Мюгетт», то есть была указана фамилия ее второго мужа, с которым она находилась в разводе. Почерк письма был неопределенным. Какие-то труднообъяснимые итальянизмы. Более того, у письма не было подписи. Именно это послание и побудило Мюгетт Мода в воскресенье 7 февраля 1999 года сделать следующее заявление для газеты «Мессаджеро»: «Трое убитых 4 мая 1998 года стали жертвой чьей-то хитрой игры». Однако за отсутствием доказательств слова Мюгетт Мода не были восприняты серьезно.

Через четыре года она доверилась двум французским адвокатам: Жаку Верже и Люку Броссоле, — установившим невиновность Торне. По их мнению, молодой человек был убит. По просьбе его семьи они потребовали повторного вскрытия, которое было проведено в судебно-медицинском институте Лозанны. Их ждал сюрприз: отверстие от пули, пущенной в голову Седрика, было скорее 7 мм, а не 9 мм (калибр личного оружия Торне). Чтобы развеять все сомнения, судебный врач профессор Томас Кромпехер запросил у Ватикана протокол первого вскрытия. Ответа не последовало.

Однако для возобновления расследования всех этих «но» было недостаточно. Французские адвокаты пошли дальше, сделав акцент на незначительных несоответствиях в письме Седрика, которое они квалифицировали как «грубую подделку». Безуспешно. В апреле 2002 года они обратились к папе Иоанну Павлу II с ходатайством о позволении провести процесс вне Ватикана. Они долго ждали официального ответа от государственного секретаря, который поступил в виде расписки в получении. Нужно признать, что публичное высказывание французских адвокатов, назвавших Ватикан «примитивным обществом, устраняющим своих собственных гвардейцев», диалогу с папским окружением не способствовало.

Странно, но даже последовавшая после драмы череда отставок швейцарских гвардейцев, особенно офицерских чинов, не убедила судью начать новое расследование. Ну и что такого в том, что Кристиан Франжи, Кристиан Эмменже, Федерико Шьюшетти, Мишель Пфистер, Ганс-Ульрих Еёртле предпочли проявить свои таланты вне этой маленькой армии, потрясенной совершенным преступлением, травмированной всеми последующими событиями

и смущенной безумными слухами? Новых вопросов это ни у кого не вызвало.

Дело закрыто

В конечном итоге не нашлось ничего, что серьезно опровергло бы официальную версию, выдвинутую в феврале 1999 года после девяти месяцев расследования, десятка экспертиз, пяти полицейских отчетов и тридцати восьми допросов. Своим докладом судья Марроне опроверг и развеял всевозможные слухи, вопросы и загадки. Как будто и не было никогда четырех стаканов в комнате, где было совершено убийство. Впрочем, если бы, по словам следователей, четвертый человек все же был, он не смог бы остаться незамеченным в узком вестибюле и тесном кабинете.

Итак, выходило, что Седрик пришел к Эстерманам около 20.45. Дверь ему открыла Гледис, поскольку ее муж в то время разговаривал по телефону с другом, который поздравлял его с новой должностью. Торне тотчас выпустил в него две пули из своего пистолета, затем застрелил Гледис, в которую не попал с первого раза. После этого он стал на колени и, наклонившись вперед, выстрелил себе в рот и упал на пол. То, что пуля попала в потолок, никого не удивило.

Все заставляло думать, что молодой человек действительно не перенес недавнего выговора со стороны Эстермана за свою ночную непозволительную отлучку. Все видели, как за несколько дней до убийства он отказался встать, чтобы поприветствовать своего командира. Некоторые из его сослуживцев видели также, что он плакал от злости, когда обнаружил, что его лишили награды за «серьезные нарушения по службе в гвардии». Слышали, как он изрекал

какие-то угрозы в адрес своего нового командира Эстермана, к которому отныне пылал страшной ненавистью. Ненавистью, которая, однако, как все считали, не могла толкнуть молодого человека на убийство.

Поскольку убийца был мертв, уголовное преследование начато не было, и 5 февраля 1999 года судья Марроне объявил дело закрытым.

14

Встреча в верхах двух славян

Что сказали друг другу Иоанн Павел II и Михаил Горбачев?

Старую Россию с Европой объединяло христианство.

Михаил Горбачев

В 10.47 длинный бронированный «ЗИЛ» Михаила Горбачева пересек белую травертиновую линию, символично обозначающую границу самого маленького в мире государства. В ту пятницу, 1 декабря 1989 года, площадь Святого Петра и все центральные улицы Рима были перекрыты. Однако за металлическими ограждениями собралась многочисленная толпа, которая встречала главу советского государства такими аплодисментами, которых никогда и никому не дарила. Генеральный секретарь советской компартии впервые в истории приехал в Италию. Тем более в Ватикан.

Впечатляющий кортеж черных лимузинов в сопровождении восемнадцати мотоциклистов отъехал от Квиринала, бывшего папского дворца, ставшего официальной

10. Зак 478

резиденцией итальянского правительства. Он проехал по корсо Виктора Эммануила II, вихрем пронесся по одноименному мосту, пролетел по виа делла Консильяционе и, обогнув базилику со стороны ворот Святой Анны, остановился во внутреннем дворе Святого Дамаза, где его торжественно встретили швейцарские гвардейцы, наряженные в сине-желтые костюмы XVI века и вооруженные алебардами, а также дворяне из папского дома. Это был «официальный» а не «государственный» визит, поэтому советский гимн играть не стали...

Освещенные яркими лучами, из «ЗИЛа» вышли «первое лицо» Советского Союза и его супруга. Их встретил префект папского дома монсеньор Дино Мондуцци, который, казалось, был смущен не менее своего знаменитого гостя. Поездка в лифте на второй этаж апостольского дворца, поспешное пересечение великолепных залов эпохи Ренессанса, разлучение с Раисой, которую пригласили на короткую экскурсию, и Михаил Горбачев под вспышки целой армии фотографов оказался в Тронном зале, где — в знак особого уважения — его встретил лично сам Иоанн Павел II с широкой улыбкой на устах. Мужчины долго пожимали друг другу руки, обмениваясь отдельными русскими словами, которые безжалостно заглушались щелкающими фотоаппаратами.

В действительности Иоанн Павел II по-русски не говорил. Он постигал азы этого языка на первом курсе Краковского Ягеллонского университета в 1938 году. Просто по такому случаю папа выучил несколько соответствующих фраз. Но когда мужчины вошли в «частную библиотеку», в которой вопреки ее названию не было ничего частного, их сопровождали два официальных переводчика: иезуит Станислав Словенич из государственного секретариата и

молодой дипломат Павел Прокофьев из советского Министерства иностранных дел.

«Это Провидение...»

Между главой Католической Церкви и главой международного коммунистического движения, сидящими друг против друга за длинным столом из массивного дуба, началась оживленная беседа. Исторический диалог между двумя людьми, такими разными и одновременно такими близкими! Оба с Востока. Оба славяне. Оба принадлежали к одному поколению, практически к одной культуре, оба были крещены. Оба были вождями, управляли огромным количеством людей, оба были умными и волевыми. Первый — поляк с признанным духовным авторитетом для 900 миллионов католиков; второй — русский, руководитель «коммунистического блока», насчитывавшего более четырехсот миллионов человек...

Разговор без камер длился около часа, выйдя за предусмотренные протоколом рамки. По истечении 45 минут мужчины поднялись, и к ним присоединилась Раиса Максимовна. Горбачев сам представил супругу папе, который приветствовал ее на русском языке. Там, где все женщины одеты в черное, часто с покрытой головой, первая дама СССР — очевидно более «атеистичная», чем ее муж, — предстала в красном костюме, плохо гармонирующем с кардинальскими сутанами. Горбачев взял ее за руку и, нежно посмотрев на нее, сказал:

— Раиса, я имею честь представить тебе человека, обладающего самым высоким моральным авторитетом в мире; он славянин, так же как и мы...

— Да, я первый папа славянин, — подтвердил Иоанн Павел II. — Это Провидение устроило нашу встречу.

В большой зал вошли две делегации. Горбачев и папа сели в кресла. Раиса расположилась в двух шагах справа от своего мужа. Иоанн Павел II как хозяин положения подошел к микрофону, держа в руках бумаги. Позади него находилась картина XV века «Появление Христа из могилы». Сколько глав государств, президентов, королей и королев уже сидело перед этой картиной, принадлежавшей предположительно кисти Перуджино, украшавшей частную библиотеку Святого Престола! Кардиналы, министры, всевозможные руководители и суетящиеся журналисты — все были возбуждены, а атмосфера — накалена.

Папа взял слово. Его руки немного дрожали, чего обычно с ним не случалось. Сначала он говорил на русском, затем на итальянском, упомянув то самое «знамение времени», «длительное созревание», которое «оказалось богато надеждами на будущее» и которое «окажет мощное воздействие на мировое мнение». Его Святейшество освятил важные темы своей встречи с Горбачевым. Они говорили о том, что времена преследований верующих прошли; что верующие в СССР ожидали с надеждой голосования по закону о свободе совести; что Кремль и Ватикан вскоре возобновят дипломатические отношения; и что папа «с большим интересом следил за реформами», которые проводил в Советском Союзе Михаил Горбачев...

Иоанн Павел II сел. Наступила очередь Горбачева.

— Только что произошло поистине необычное событие... — начал он. Стоя за трибуной с непринужденной улыбкой, генеральный секретарь компартии СССР читал: — Это событие стало возможным благодаря глубоким преобразованиям, коснувшимся в настоящее время многих стран и государств...

Горбачев намекнул на перестройку — проводимую им худо или бедно открытую политику как внутри Советского Союза, так и в отношении своих спутников, «с учетом национальных, духовных и культурных особенностей разных народов». Он поэтому и приехал из Москвы, чтобы получить от папы явное одобрение этой политики. Поэтому он и заявил, что «закон о свободе совести» гарантирует религиозную свободу на всей территории СССР.

Ничего не дается даром. Поддержка перестройки папой в обмен на свободу советских верующих — вот к какой «сделке» пришли дипломаты этих двух таких не похожих друг на друга держав.

Необычное приглашение

Речь Горбачева готовили его службы, до последней минуты внося в нее добавления и поправки. Накануне, когда государственный секретариат попросил для себя один экземпляр, чтобы по обыкновению соотнести с ним речь Его Святейшества, советские дипломаты ответили, что речь еще не готова! Итак, заверив всех, что он «счастлив отметить высокий уровень взаимопонимания», достигнутый между Кремлем и Святым Престолом, заявив о «своем желании воплотить данный диалог в действие», Михаил Горбачев оторвал взгляд от бумаги и, широко улыбаясь, сообщил, что приглашает папу римского с официальным визитом в Советский Союз!

Это заявление вызвало всеобщее изумление. Иоанн Павел II в своей речи ни о чем подобном не упоминал и теперь предпочел ничего не отвечать. Но польского папу никто не обманывал: Горбачев всегда мог пригласить его от лица государства или партии. Однако сначала ему нужно было заинтересовать в подобном визите Православную

церковь, что сделать было практически невозможно. В советской делегации находился митрополит Ювеналий, представлявший патриарха всея Руси Пимена. Он сделал вид, что ничего не слышал. Заявление о визите папы в СССР оказалось слишком преждевременным, как осторожно сообщил Ватикан уже после отъезда советской делегации. Но приглашение все же имело место быть.

Последовали шумные аплодисменты. Затем Его Святейшеству представили членов горбачевской делегации. Последовал обмен подарками. Горбачеву преподнесли «*Christ pancreator*[1]» — изделие мозаичной ватиканской школы, сделанное по образцу изображений Спасителя первой церкви. Иоанну Павлу II подарили одну из старинных копий знаменитой «Киевской псалтыри», написанной на славянском языке в 1397 году. Раисе Максимовне же преподнесли великолепные жемчужные четки на золотой нити. Поскольку в помещении было жарко, секретарь папы Станислав Дзивич открыл окно, что позволило Горбачеву полюбоваться краем глаза площадью Святого Петра.

В обеих делегациях царило нечто вроде эйфории. Это были люди, которые не привыкли ни друг друга поздравлять, ни даже друг друга видеть. Среди них находились и шесть министров или равных им по должности, в том числе преемник Андрея Громыко Эдуард Шеварднадзе, возглавлявший Министерство иностранных дел. Вместе с кардиналом Казароли и его преемником на посту министра иностранных дел Ватикана монсеньором Анджело Содано Шеварднадзе являлся главным устроителем этой необычной встречи. Беседа набирала ход. Каждый находил удовольствие в сопоставлении этой оригинальной встречи с

---

[1] Икона с изображением Христа Спасителя

другим историческим событием, изменившим тремя неделями ранее карту Европы: падением Берлинской стены.

Роль, которую играл польский папа во всех этих событиях во время своего первого путешествия за железный занавес в 1979 году, его поддержка движения «Солидарность», сочувствие пражским диссидентам в Вильнюсе, появившаяся у всех живущих там верующих надежда тогда ускользнули от многих партийных советских руководителей. В тот же час в Тронном зале министр Шеварднадзе, наклонившись к кардиналу Казароли, упомянул о потрясениях, испытанных народами Восточной Европы:

— Без вас [имея в виду Ватикан] всего этого не было бы!

Крещение князя Владимира

Небольшой экскурс в историю. Когда в марте 1985 года Михаил Горбачев возглавил политбюро компартии СССР, он ничего не знал о религиозных делах. Конечно, в свое время его тайно крестили православные бабушка с дедушкой, однако этот блестящий юрист, образцовый коммунист, несравненный диалектик и оратор никогда не бывал ни на одном богослужении. В его родном Ставрополе на Юге России малейшее подозрение в религиозности быстро скомпрометировало бы его и лишило многообещающей карьеры. И вполне вероятно, что этот провинциальный аппаратчик никогда в своей жизни не слышал выступлений папы римского.

Среди ожидавших его документов новый хозяин Кремля обнаружил сообщение о праздновании полукультурной-полурелигиозной годовщины: в 1988 году русская Православная Церковь готовилась отметить свое тысячелетие. В 988 году киевский князь Владимир принял вместе со своими дружинниками крещение в водах Днепра. Горбачев не

обратил на этого никакого внимания. Он планировал по обыкновению организовать в Москве официальные памятные торжества, на которые собирался пригласить отдельных иностранных гостей, устроив после церемонии пышный банкет, что позволило бы им убедиться в том, что в СССР царила полная религиозная свобода...

Однако с наступлением 1988 года ситуация в стране была уже не та. Новый хозяин Советского Союза сделался певцом реформаторской политики, зиждившейся на двух главных китах: гласности и перестройке. Иными словами: открытости и переменах — двух словах, которые были выведены из оборота еще после Октябрьской революции. Начиная с лета 1987 года Горбачев, не без волнений по этому поводу партийных консерваторов, постепенно начал ослаблять давление со стороны определенных структур, державших под строгим контролем прессу, ученых, артистов, диссидентов и религиозных деятелей. Что это было: попытка пустить пыль в глаза Западу? Мир недоумевал.

В Риме был один человек, который понял раньше других, что эта политика вовсе не была пропагандистской видимостью, но представляла собой особый, исключительный случай. Польский папа Иоанн Павел II прочел в польской газете *Tygodnik Powszechny* статьи журналиста Анджея Дравича, слывущего тонким знатоком России. Он имел возможность лично обсудить это с генералом Ярузельским, посетившим Ватикан в январе 1987 года, пытаясь вывести Польшу из образовавшегося тупика. Он быстро составил свое собственное суждение по данному вопросу, обратившись к мнению признанных «ватиканистов». По сути дела, да, можно было верить в искренность Горбачева и его желание реформировать СССР, но не следовало питать никаких иллюзий по поводу его способности реформировать

всю тоталитарную систему. Однажды он открылся своему другу журналисту Андре Фросару:

— Проблема Горбачева в том, что он хочет изменить что-то в системе, не меняя саму систему.

Вырисовывавшееся в недалеком будущем тысячелетие Руси стало шансом, которым можно было воспользоваться. Князь Владимир крестился тогда, когда русские и украинцы, православные и католики еще ничем не отличались друг от друга. Поэтому «тысячелетие» касалось не только русских и православных, но также украинцев и католиков, а следовательно, и самого папы.

В воскресенье 17 января 1988 года в Риме Иоанн Павел II был приглашен на встречу с иностранными журналистами. Он решил воспользоваться этим, чтобы слегка приоткрыть тайну о правилах большой игры, которая должна была начаться через полгода. Неужели его пригласили в Москву на праздничную церемонию 1988 года? Папа сказал, что не получил никакого приглашения и что поездка в СССР могла предполагаться исключительно в «истинных целях». Это означало, что визит в Москву не имел никакого смысла, если папа не сможет посетить своих «братьев и сестер» в Литве, куда еще совсем недавно въезд ему был запрещен, а также не побывает на Украине, где до сих пор под запретом находились пять миллионов «униатских» католиков византийского вероисповедания, которые хранили верность папе еще с XVI века. «Такая преданность, — сказал Иоанн Павел II, — обязывает и папу быть преданным». Все это могло вызвать негодование Московского Патриархата, опекавшего как русских, так и украинских православных и не желавшего слышать ни о каком возрождении «униатов».

Несколько дней спустя Иоанн Павел II подписал апостольское письмо *Euntes Mundum*, адресованное православным «братьям» по случаю празднования тысячелетия крещения Руси, затем опубликовал другое письмо на эту же тему, *Magnum Baptismi Donum*, предназначенное для «униатских» католиков советской Украины и всего мира. И тем и другим папа предложил примирение, что было похоже на игру в бильярд «с тремя участниками»: разве столь желанное примирение, как писал папа, «не способствовало бы снятию напряженности в подающем большие надежды гражданском обществе?». Это означало следующее: если бы такому примирению могла помочь перестройка, неужели и те и другие с радостью не поддержали бы ее?

Двадцатого апреля 1988 года по приезде в Рим помощник главного редактора газеты «Правда» дал знать Иоанну Павлу II, что его послание «на сто процентов» оказалось на столе Горбачева. Генеральный секретарь компартии знал, что для успеха его реформаторской деятельности ему необходима была поддержка главных сил советского общества, и прежде всего 90 миллионов верующих, которые, в противовес остальному населению, хранили нравственные ценности, опирались на общечеловеческие принципы и, несмотря ни на что, продолжали надеяться на будущее.

Верующие — такие же граждане, как и все остальные?

29 апреля 1988 г. Горбачев пригласил в Кремль шестерых главных предстоятелей Московского Патриархата: патриарха Пимена и пятерых митрополитов, членов Синода русской Православной Церкви. Встреча имела большое значение для обеих сторон. В ответ на дружную

поддержку перестройки со стороны православных предстоятелей глава компартии разрешил им открыто для всего мира провести в июне праздничные мероприятия, заявив о том, что широкое участие в них намерено принять государство, и прежде всего он сам. «Верующие люди, — сказал Горбачев, — являются советскими гражданами: рабочими, патриотами, как и все прочие, поэтому они имеют право достойно выражать свои убеждения...»

Никогда еще советский руководитель не произносил подобных речей. Это открытие, как и тотальная поддержка праздника властями в июне 1988 года, явились полной неожиданностью. Но едва удовлетворенные прелаты покинули Кремль, как у них тут же возник вопрос: если русская церковь пригласит на празднование своего тысячелетнего юбилея представителей христианских церквей со всего мира, то кого она должна пригласить от Ватикана? Для выяснения данного вопроса в Москву от папы прибыли два эмиссара: секретарь Совета христианского единства отец Пьер Дюпре и специалист по русским делам монсеньор Сальваторе Скрибано. Они добились приглашения двух католических делегаций: делегации от универсальной церкви, состоявшей из десяти епископов со всего мира, и представительства Государства Ватикан «на самом высоком уровне», исключая самого папу.

В действительности инициатором этой идеи выступил Иоанн Павел II. Он решил, что делегацию Святого Престола возглавит его личный государственный секретарь, 73-летний кардинал Агостино Казароли, старый кормчий ватиканской дипломатии, который повезет в складках своей сутаны личное письмо папы для Михаила Горбачева. Ну, разве мог последний отказать Казароли в приеме? Иоанн Павел II думал, что нет, и, тем не менее, это было

смелое предприятие. Когда Казароли 8 июня 1988 года улетал в Москву, он все еще не знал, примут его в Кремле или нет.

В аэропорту Шереметьево второе лицо Ватикана было встречено вторым лицом Московского Патриархата митрополитом Киевским Филаретом. Митрополита сопровождал председатель Совета по делам религии Константин Харчев, горячий сторонник перестройки, понимавший, что приезд в Москву кардинала Казароли уже являлся историческим событием. У него не было никаких новостей по поводу прошения о частной аудиенции в стенах Кремля.

Празднование тысячелетия стало зрелищным событием. Грандиозные шествия, золото и ладан, великолепные хоры, симфония праздничных костюмов, украшений, епитрахилей, посохов, головных уборов и сутан. От Москвы до Загорска шли и поздравляли друг друга христиане. Или, по крайней мере, представители христианской иерархии. Оттесненные на определенное расстояние вездесущей службой правопорядка простые русские верующие оказались вне праздника. Нельзя все изменить в одночасье...

Десятого июня во время торжественного вечера в Большом театре в присутствии Михаила Горбачева, стоя перед представителями христианских конфессий всего мира, кардинал Казароли произнес сенсационную речь. Он заявил, что «религиозный вопрос» являлся «неоспоримой действительностью» и не мог «оставлять равнодушным ни одного государственного лидера». Нельзя было обойти вниманием и вопрос о религиозной свободе.

— Этого требует реализм государственного мужа, и к нему призывает уважение человеческой личности!

Имеющие уши да слышат...

«Папа нас любит!»

Терпение и хладнокровие Казароли были вознаграждены 13 июня. Старый кардинал был принят новым Председателем совета министров Андреем Громыко, а также его преемником на посту министра иностранных дел, грузином по национальности Эдуардом Шеварднадзе, активным проводником «нового мышления» Кремля относительно международного сообщества. И наконец, Казароли принял лично Михаил Горбачев. Разговор, длившийся полтора часа, был, по оценке одного из сопровождавших кардинала прелатов, прямым, открытым и даже «милым». Кардинал передал Горбачеву личное письмо Иоанна Павла II, который, пользуясь добрыми намерениями Кремля, предложил генсеку план будущей встречи.

Написанное от руки на русском языке письмо представляло собой радушное приглашение, к которому было приложено досье с тремя темами предполагаемого обсуждения: установление дипломатических отношений между Ватиканом и Москвой; религиозная свобода для всех верующих в СССР; легализация восточных католиков, так называемых знаменитых «униатов». К этому добавлялся еще и четвертый пункт, демонстративно символизировавший обратную сторону медали: «инициативные действия, предпринятые [Горбачевым] в различных областях социальной жизни», т.е. перестройку.

В заключение письма Иоанн Павел II позволил себе личное замечание: «Я убежден, что все это найдет отклик в вашем сердце». К таким словам руководители СССР не привыкли. Папа был уверен в человечности Горбачева, который отличался от своих холодных предшественников — взаимозаменяемых аппаратчиков в сфере политбюро. Был ли тронут этим Горбачев? Монсеньор Казароли добавил

масла в огонь, процитировав венгерского министра: «Мы чувствуем, что этот папа нас любит!». Невозмутимый советский лидер ответил ему репликой:

— В данном случае я предпочитаю реализм, а не любовь!

Когда кардинал Казароли сразу после возвращения из Кремля устроил в гостинице «Советская» международную пресс-конференцию, он светился от счастья. Позже кардинал признал, что у него было такое чувство, будто в тот момент его долгая карьера получила, наконец, долгожданный венец. Для него дело казалось решенным: встреча на высшем уровне между Горбачевым и Иоанном Павлом II приняла реальные очертания, несмотря на то, что никто тогда еще не мог сказать, когда и по случаю чего она состоится. По возвращении в Рим Казароли заявил:

— Мы перешагнули через мост протяженностью в семьдесят лет.

Государственный секретарь никогда не узнал, что этот исторический момент был отмечен одним инцидентом: после того как они сфотографировались на память, Горбачев, вернувшись в свой кабинет, не нашел на письменном столе письма от папы. Его унес нечаянно какой-то чересчур усердный служащий. Вернуть ценную бумагу было уже невозможно. Чтобы Горбачев смог тайно получить копию папского послания, пришлось прибегнуть к определенным скрытым дипломатическим уловкам между «вторыми скрипками Кремля и Ватикана».

Униатская закавыка

И более... ничего. Никаких новостей из Москвы. Молчание в радиоэфире. Однако нельзя было сказать, что приоткрытая дверь вновь захлопнулась. Об этом свидетель-

ствовали многочисленные признаки снятия напряженности, как-то: назначение католическим епископом в Минске монсеньора Кондрусевича или вручение паспорта главе католической литовской церкви кардиналу Степонавичусу, получившему, наконец, право, после тридцатилетней ссылки, свободно отправиться к папе в Рим. Но ответа на предложения Иоанна Павла II по-прежнему не было.

В Ватикане не представляли себе, насколько этому противостояла Православная Церковь, осторожно, но настойчиво борясь с советской властью и противодействуя всяким контактам между Кремлем и польским папой. Внимание, которое Иоанн Павел II уделял католикам-униатам, пробудило греко-католиков Западной Украины, о которых в Москве уже давно забыли. В республике возникла напряженная обстановка. Семнадцатого сентября во Львове средь бела дня несколько сотен тысяч представителей греко-католической церкви вышли на манифестацию с требованием вернуть им собор Святого Георгия, который в 1948 году Сталин передал православным!

В Кремле с трудом понимали, кем были эти миллионы связанных с папой и вышедших из подполья верующих. За униатов вступились подхваченные ветром гласности крупные московские еженедельники, такие как «Огонек» и «Аргументы и факты». Некоторые депутаты-реформаторы настаивали на признании этой новой армии будущих выборщиков. У окружения Горбачева не было ни малейшего желания разжигать непонятную религиозную рознь. Там прекрасно поняли послание трех митрополитов: Филарета Киевского, Филарета Минского и Ювеналия Крутицкого, с которыми провели тайное совещание по данному вопросу: «Униатской церкви не существует!» Точка.

Время шло. Со времени визита Казароли в Кремль прошло уже больше года. В окружении Иоанна Павла II царил пессимизм. Но тут неожиданно в разгар лета 1989 года малоизвестный советский дипломат в Риме Юрий Карлов сообщил Ватикану о своем намерении передать Иоанну Павлу II ответ от Горбачева. Наконец-то! Карлов был принят папой в резиденции Кастель-Гандольфо 24 августа. В своем письме советский генсек долго вспоминал о встрече с кардиналом Казароли и благодарил папу за его благосклонное отношение к перестройке. Странным образом, но на фоне череды событий: от вывода советских войск из Афганистана до первых свободных выборов в Польше и подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь — ответ Горбачева выглядел так, будто он получил письмо от папы только накануне.

В действительности глава Кремля руководствовался планом, который вынашивал еще с весны: планом нового союза между странами Восточной и Западной Европы, нечто вроде «Хельсинки II», который мог бы сдержать безудержную либерализацию Центральной Европы. Планом, для осуществления которого столь желанным было согласие Святого Престола, подписавшего Хельсинское соглашение 1975 года. Вот что вызывало позитивный ответ на письмо папы, пусть даже и с годовой задержкой! Горбачев развивал идею «общего европейского дома», к которому желал привлечь Иоанна Павла II, убеждая его в том, что СССР «имеет теперь иной взгляд на религию, экуменизм и Ватикан...».

28 августа в Риме Карлов долго беседовал с Казароли, а 31 августа молодой дипломат направил большой меморандум своему министру Эдуарду Шеварднадзе, находившемуся в отпуске на Кавказе. Тон меморандума носил позитивный

характер. Ратование за встречу было принято благосклонно. Юрий Карлов не скрывал, что «униатский» вопрос представлял собой серьезную проблему в отношениях с православными верующими, однако политическая власть могла решить эту проблему путем примирения религиозных вождей... Копия данного послания тотчас отправилась к Михаилу Горбачеву, его помощнику Александру Яковлеву и другим членам политбюро. Будущая встреча нашла положительные отклики и, возможно, могла состояться еще до конца года, однако никакого решения тогда не последовало. В середине сентября советский посол в Риме Николай Лунков для утверждения принципов визита пригласил главу папского МИДа архиепископа Содано.

Ожидание длилось до 20 октября, когда тот же Содано был принят в Кремле. Было решено, что Горбачев воспользуется своим официальным визитом в Италию и посетит папу непосредственно перед советско-американской встречей в верхах, которая должна была пройти на Мальте 2 декабря. Игра началась. Несколько дней спустя почтенный кардинал Виллебрандс и важная ватиканская делегация встретились с руководителями Православной Церкви в великолепном Даниловском монастыре в Москве, который Советское государство вернуло русской церкви по случаю празднования ее тысячелетия в июне 1988 года. Патриарх Московский неохотно согласился с решением Горбачева.

Последняя встреча состоялась 16 ноября. О, сколько дипломатии! Иоанн Павел II пригласил к обеду ссыльного греко-католического кардинала Лубашиского, главного архиепископа Львова, а также его основных сотрудников. Он обратился к «униатам» с просьбой забыть о каком бы то ни было реванше, самоуверенности, чрезмерных требо-

11. Зак 478

ваниях и сыграть на «перемирие». Гости согласились. Они просто не могли поступить иначе. На следующий день, 17 ноября, Святой Престол публично озвучил новость, гласившую, что Горбачев действительно приедет в Ватикан 1 декабря…

За официальными речами

Состоявшаяся 1 декабря встреча между Иоанном Павлом II и Горбачевым была освещена первыми полосами почти всех мировых газет. В ее определениях особенно соревновались друг с другом папское окружение и итальянская пресса. «Случилось непостижимое, — писала *L'Osservatore Romano*, — на свет вышло неизвестное, обрело очертания неуловимое, тайна истории взяла верх над человеческими планами…». Лавина комментариев ознаменовала собой конец семидесятидвухлетней войны между двумя главными церквями: католиками и коммунистами. Тем не менее, никто достоверно не знал, что сказали друг другу папа и Горбачев во время своей беседы тет-а-тет.

Но именно эта личная встреча и послужила появлению подлинного взаимопонимания между двумя руководителями, которое не могли предвидеть дипломаты и которое косвенно повлияло на последующие события в Европе. Это, можно сказать, близкое соглашение между двумя людьми выходило за рамки закона о религиозной свободе, вопроса об униатах и поддержки перестройки со стороны папы. Оно зиждилось на двух неожиданных доводах, один из которых был предложен Горбачевым, другой — Иоанном Павлом II.

Когда гость упомянул о «новом мышлении», которое руководило его открытой политикой, на папу снизошло Божественное изумление.

— Наше новое европейское кредо заключается во всеобщем взаимопонимании ради построения лучшего мира, — объявил советский лидер. Это было бы похоже на общие слова, если бы он неожиданно с чувством не добавил: — Мы не будем больше считать себя обладателями абсолютной истины и не будем пытаться навязывать ее другим!

Для польского папы этот крик души в одночасье положил конец семидесятилетнему смертоносному идеологическому давлению. Начиная с октября 1917 года марксистско-ленинская власть провозглашала себя обладательницей абсолютной истины, стремясь навязать ее другим. Нынешний папа на протяжении тридцати лет до своего избрания боролся против режима, который во имя этой «абсолютной истины» отрицал Бога и угнетал человека. Папа не верил своим ушам.

Но удивление папы было ничем по сравнению с его откровением, поразившим Горбачева несколькими минутами позже, после того как он разъяснил, в какой атмосфере желал строить «общий европейский дом»:

— Некоторые полагают, что обновление Европы возможно лишь на основе западных ценностей, что совершенно неприемлемо!

Он не ожидал, что Иоанн Павел II без всяких обиняков ответит ему:

— Никто не должен претендовать на то, что перемены в Европе и во всем мире обязаны развиваться согласно «западной» модели. Это противоречит моим самым глубоким убеждениям!

Горбачев не мог опомниться. Как любой советский гражданин, он всегда рассматривал Ватикан в качестве оплота западного капитализма и верного союзника американского империализма. И вот этот папа славянин, рожденный в

сердце центральной Европы, дал ему понять, что тоже противился тому, чтобы объединенной Европе была навязана американская модель!

В таком фундаментальном положении инстинктивно понять друг друга могли лишь два славянина. В глазах Иоанна Павла II падение Берлинской стены не было торжеством капитализма над марксизмом-ленинизмом, но победой ценностей, свойственных всем народам Европы, христианских ценностей в конце концов. Сколько раз папа объяснял, что разделение Европы на две части было всего-навсего исторической случайностью, что ее сила заключалась в христианских корнях и что Европа должна дышать «обоими своими легкими»: и западным, и восточным! Но его не понимали.

Двумя годами позже Иоанн Павел II развил эту тему в энциклике *Centesimus annus*[1], где изложил уроки, извлеченные из 1989 года. «Коммунизм рухнул, — писал он, — ибо относился к человеку, как к «винтику социальной машины»; однако та же участь постигнет и либерализм, если он забудет поставить человека в центр своих планов...»

Позже и Горбачев вернулся к упомянутым событиям в одной из статей, опубликованной в *La Stampa* в феврале 1992 года:

«Сегодня мы можем утверждать, — писал он, — что все произошедшее в Восточной Европе за последние годы было бы невозможно без участия папы, без той значительной роли, которую он играл на мировой арене, в том числе и в области политики».

---

[1] Лат. — Сотый год — энциклика папы римского Иоанна Павла II от 1 мая 1991, посвященная столетию со дня опубликования «*Rerum Novarum*» и явившаяся открытым письмом, адресованным епископам Римско-католической церкви.

15

Регенсбургская «оплошность»

Как цитата XIV века разожгла исламский огонь

Плохо отзываться о вещах — значит вносить в мир беспорядок.

Альбер Камю

Мюнхен, 12 сентября 2006 года, вторник. В номере 179 отеля Плацл, расположенного в центре баварской столицы, с 5 часов утра царило немыслимое оживление. По коридору дефилировали шестьдесят пять еще толком не проснувшихся журналистов из папской свиты, привыкших к ранним подъемам. Когда освещаешь поездки папы, не следует пропускать утренние брифинги. Ответственные лица *Sala Stampa* всегда на заре уточняют дневную программу, выделяют ценные указания по важным пунктам визита и, что важнее всего, распространяют под строгим секретом речи, которые папа должен произносить на каждом этапе своего путешествия.

Среди кипы всех этих бумаг журналисты обнаружили одну внушительную речь, которую папа должен был произнести в 17 часов перед «представителями научного мира» в университете Регенсбурга. Это было пространное

академическое сочинение под названием «Вера, разум и университет: воспоминания и размышления». В автобусе по дороге в Регенсбург для участия в папской мессе «ватиканисты» со вздохом обменивались друг с другом своими впечатлениями по поводу этого неудобоваримого умствования. Интеллектуал Бенедикт XVI совершенно не заботился о сотрудниках средств массовой информации.

Сентиментальное возвращение на родину

Тремя днями ранее стартовало четвертое международное турне Бенедикта XVI. Речь шла о немного необычном пасторском визите, ибо папа решил посетить свой родной край — Баварию. В прошлом году преемник Иоанна Павла II приезжал в Кёльн, чтобы возглавить там Всемирные дни молодежи. Это стало его первым путешествием за пределы Италии. Германии выпал случай встретить первого, только что избранного немецкого папу современной истории.

«Немецкий» папа или… «баварский»? Бавария — это не Германия, несмотря на то, что сегодня она является одной из самых крупных ее земель. Присоединенная в 1871 году к остальной части немецкого Рейха, в котором в то время доминировала Пруссия, Бавария отнюдь не утратила свою собственную историю, культуру, язык и обычаи. А также религию. Пестрящая куполами колоколен и готическими шпилями Бавария являет собой католический удел, жители которого никогда не уступали призывам Реформации. В детстве Йозефа Ратцингера окутывала такая же ревностная католическая среда, какая окружала и Кароля Войтылу, будущего Иоанна Павла II, в его родной Польше. В самолете по пути в Мюнхен, отвечая на вопросы журналиста, папа цитировал свою книгу, вышедшую в августе

под названием *Mein Herz schlägt bayerisch* («Мое сердце бьется по-баварски»).

Позже, будучи преподавателем в Бонне, Мюнстере и Тюбингене, профессор теологии аббат Ратцингер открыл для себя не только жизнеспособность протестантизма, но и контрастирующую с экуменизмом реальность. В каждом из этих университетов рядом с факультетом католического богословия соседствовал факультет протестантского богословия. Именно эту интеллектуальную близость и вспомнил не без ностальгии в начале своего выступления Бенедикт XVI. Разве в 1541 году в университете Регенсбурга не имело место первое великое противостояние эрудитов в лице лютеран и католиков?

Прибыв накануне вечером, папа заночевал в крупной семинарии Святого Вольфганга. В этом городе он чувствовал себя дома. Здесь в 1969 году он принял догматическую кафедру, стремясь убежать от волнений, потрясавших университет Тюбингена после 1968 года. Тогда он остановился у своих брата и сестры Георга и Марии, живших в квартале Пентлинг недалеко от Дануба, пока не построил свой собственный дом на Бергштрассе, 6. Именно туда прибыл как-то раз в марте 1977 года апостольский нунций в Германии монсеньор Гвидо дель Местри, чтобы сообщить Ратцингеру о его назначении на должность Мюнхенского архиепископа. На тот момент Ратцингеру было 50 лет. С тех пор минуло ровно 30 лет.

Его официальный день начался в 10 часов утра с великой мессы под открытым небом на лугу Ислингер Фельд, на окраине города, куда Бенедикт XVI прибыл в папамобиле на полчаса раньше условленного времени. Встреченный ликующей толпой из 250 тысяч верующих, он уже успел коснуться в своей проповеди темы «смертельных

болезней религии и разума», производящих «ненависть и фанатизм». Никогда никакой папа, включая Иоанна Павла II, не чествовал с такой настойчивостью «креативное мышление», выступающее основой христианской веры. Бенедикт XVI знал, что вернется к этой теме во время своего выступления перед «мужами науки».

Подобные вопросы всегда будоражат сознание теолога, а Ратцингер никогда не переставал быть теологом. После того как он оставил преподавательскую кафедру, чтобы возглавить в 1977 году Мюнхенское архиепископство, а в 1981 году Священную конгрегацию доктрины веры, он не прекращал размышлять над волновавшей его проблемой: могла бы христианская религия позиционировать себя в качестве истинной религии, если бы она стремилась ускользнуть от человеческого разума? Опубликованная Иоанном Павлом II в 1998 году энциклика под названием *Fides et ratio* («Вера и разум») была навеяна долгими беседами с Ратцингером. По пятницам вечерами в апостольском дворце друзья размышляли о том, что вера сама по себе ведет к фидеизму и мракобесию, в то время как стремящийся к собственному превосходству разум влечет за собой безумие и тоталитаризм.

Но став папой, тот же Ратцингер пошел намного дальше своего польского предшественника. Как лишенная разумного основания религия приводит к насилию и терроризму, объяснял неоднократно Бенедикт XVI, так и не признающий веру разум порождает релятивизм, нигилизм и фундаментализм. Эти два питающие друг друга отклонения обеспечивают политике полную инструментализацию познания Бога. Поэтому для возможности диалога с различными культурами и другими религиями любая религия должна опираться на человеческий разум, ибо это есть

первое условие для поддержания мира во всем мире. Но то, что правильно для христианства, может ли быть таковым и для ислама? В наши дни этот вопрос возник с новой остротой.

Слишком уж неподходящее для средств массовой информации выступление

Прибыв в университет Регенсбурга немногим ранее 17 часов, папа почувствовал некое раскрепощение. В этом почтенном заведении он преподавал на протяжении восьми лет, занимая здесь даже некоторое время должность вице-ректора. Он хорошо помнил этот холл, эти коридоры и эту лекционную аудиторию из серого бетона, в которой ему предстояло произнести речь перед полутора тысячами именитых представителей университетского и научного мира. Там в парадных костюмах присутствовали некоторые из его прежних коллег и многие из его бывших учеников, гордившихся визитом Бенедикта XVI и с любопытством ожидавших появления в стенах университета своего знаменитого соотечественника.

За исключением двух-трех приближенных, все журналисты должны были следить за церемонией на экране из пресс-центра, расположенного в городском парке. Именно здесь, начиная с 9 утра, специальные корреспонденты мировых изданий численностью также около полутора тысяч начали знакомиться с текстом выступления Бенедикта XVI. Как всегда во время путешествия папы, в распоряжение журналистов были переданы три экземпляра его речи: на немецком, английском и итальянском языках. Самые признанные знатоки Ватикана тотчас увидели в ней «след» Бенедикта XVI, который явно собственноручно

составил свое выступление, причем на немецком. Доказательством этому служили некоторые переводческие ляпы, имевшие место в двух других экземплярах.

По примеру своих коллег из папской свиты, эти журналисты также обругали про себя сложную речь, которая так мало подходила для средств массовой информации! Они не строили никаких иллюзий по поводу будущих статей для своих редакций, для которых данная поездка представляла интерес исключительно в плане сентиментального возвращения папы Ратцингера в страну своей молодости. Все полагали, что выступление папы перед ученым баварским миром уложится в лучшем случае в краткое резюме и, скорее всего, послужит для читателя обычной приманкой.

Речь папы Бенедикта XVI в Регенсбурге имела мало шансов появиться под крупными газетными заголовками еще и потому, что в то утро вся западная пресса была обращена к памятным церемониям по случаю годовщины терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Именно в этот день пять лет назад исламские террористы Усамы бен Ладена из Аль-Каиды направили самолеты на башни-близнецы Всемирного торгового центра, вызвав самое крупное всеобщее потрясение за всю историю США.

Среди прочих своих коллег расположились также и американские журналисты. Все они, от специального корреспондента канала *ABC* до корреспондента «Нью-Йорк таймс», желали убедиться в том, что поездка папы в Баварию никак не сможет затмить собой передовые статьи, ретроспективы, очерки, свидетельства и реакции, относящиеся к 11 сентября. Если бы только папа хотя бы в нескольких словах коснулся в своей речи этой годовщины! Но нет, бывший преподаватель Ратцингер предпочел

ограничиться *disputatio*[1] прежних времен, любезной вневременной беседой, далекой от современности.

Несколько странная цитата

Однако внимание некоторых привлекла одна фраза, несколько странная цитата, стоявшая в самом начале текста. Согласно университетской традиции профессор Бенедикт XVI предвосхитил свою лекцию небольшой притчей в виде риторической провокации, позаимствованной им у одного из своих бывших коллег по Мюнстеру профессора Теодора Кури, переводчика Корана на немецкий язык и признанного специалиста в области исламо-христианского диалога. Он вспомнил об интеллектуальной беседе между византийским императором Мануилом II Палеологом и неким персидским эрудитом, которые в 1391 году рассуждали на тему джихада, священной войны, и отношения религии к насилию. Император бросил своему собеседнику: «Покажи мне, что нового принес Мухаммед, и ты не увидишь ничего, кроме зла и бесчеловечности вроде воззвания к распространению своей веры мечом и огнем!». И император принялся развивать это фундаментальное отличие между христианским видением, провозглашавшим, что «действия вопреки разуму противоречат Божьей природе», и мусульманским видением, согласно которому Бог обладает абсолютной трансцендентностью и не зависит от человеческого разума. Это стало отправной точкой размышлений, которыми Бенедикт XVI собирался поделиться в тот вечер со своей аудиторией.

Некоторые из американских журналистов отметили для себя фразу императора особо и в царившей в пресс-центре

---

[1] От лат. — беседа, спор.

суматохе принялись делиться своими впечатлениями. Откуда взялась в речи столь провокационная цитата? Хотел ли папа подчеркнуть ею, что ислам не прибегает к разуму и поэтому склоняется к насилию? Для этого ли Бенедикт XVI недвусмысленно говорил о «священной войне»? Не это ли явилось связью с терактом бен Ладена на Манхеттене? Если это так, заключил специальный корреспондент Ассошиэйтед Пресс, это может послужить поводом для отправки срочного сообщения...

Европейские журналисты прочли речь папы иначе. Для них бывший профессор Ратцингер продолжил свои размышления на тему взаимодополняемости веры и разума. Он вспоминал тут же, что его первая лекция в университете Бонна в июне 1959 года была посвящена «Богу веры и Богу философов». По словам Бенедикта XVI, через сорок пять лет эта тема приобрела еще большую остроту, ибо «разум, который глух к Божественному», «неспособен» к желанному диалогу между религиями и культурами. *Диалог культур*, как и *столкновение цивилизаций*, стал навязчивой идеей Бенедикта XVI.

Когда папа закончил свое выступление, было немногим более 18 часов. Едва поприветствовав аудиторию, он, дабы не нарушать своей программы, незаметно покинул зал, не дожидаясь, пока смолкнут аплодисменты. Папамобиль уже ждал, чтобы отвезти папу на вечерню в Регенсбургский собор, которая должна была состояться в 18 ч. 15 мин. во время торжественного экуменического богослужения, где папе необходимо было произнести еще и проповедь. Так всегда бывает во время поездок папы: церемонии сменяют друг друга в невероятном столпотворении сопровождающих лиц, прелатов, офицеров безопасности и выступлений...

Взрыв

Мюнхен, 13 сентября 2006 г., среда. Ранним утром в аэропорту Франца-Йозефа Штрауса ожидал своего самолета специальный корреспондент газеты *Le Monde* Анри Тенк. Он уже надиктовал по телефону короткую статью о визите в Баварию Бенедикта XVI, когда машинально купил в киоске аэровокзала «Интернэшнл геральд трибюн». Эта американская газета, выпускаемая в Европе, является единственным еженедельным изданием, которое выходит в столь ранний час в Мюнхене, Риме и Париже. Французский журналист буквально оцепенел, когда прочел заголовок: «Папа разоблачил исламские призывы к джихаду». Статья была написана спецкором агентства Ассошиэйтед Пресс, цитировавшим в ней императора Мануила Палеолога. Несколько обеспокоенный Анри Тенк перезвонил в свою газету и изменил начало написанного им сообщения таким образом, чтобы в нем тоже фигурировало это знаменитое изречение. Хотя бы в нескольких словах.

Через несколько часов в редакционных залах и киосках всего мира появилась газета «Нью-Йорк таймс» с убийственным заголовком: «В своей пламенной речи Бенедикт XVI атаковал все и вся: секуляризм, джихад, ислам и пророка Мухаммеда». Статья была подписана Яном Фишером, входившим в папскую свиту. Разница во времени с Соединенными Штатами позволила ему накануне вечером дополнить свой анализ интервью с известным в США ватиканистом Марко Полити и австралийским иезуитом Даниелем А. Мадиганом, специалистом по исламо-христианскому диалогу, профессором Римского грегорианского и Колумбийского университетов.

В тот вечер отклики не заставили себя долго ждать. Президент пакистанской диаспоры в Италии опубликовал

коммюнике, в котором просил епископа Рима дезавуировать свои заявления. На следующий день, 14 сентября, кувейтский руководитель призвал все мусульманские страны отозвать из Ватикана своих послов, что немедленно сделало Королевство Марокко, в то время как в Каире для объяснений был вызван апостольский нунций. В Пакистане Палата депутатов осудила речь, которую все приписывали Бенедикту XVI. «Провокация» папы возмутила десятки мусульманских сановников от Джакарты (Индонезия) до Аммана (Иордания) и от Эр-Рияда (Саудовская Аравия) до Наплуза (Западный берег реки Иордан).

Эмоции, подогретые каналами Аль-Джазира и Аль-Арабия, накалились до предела. Попав под общее давление, к гневным протестам присоединились даже известные умеренные мусульмане. Среди таковых выделялись политические лидеры, такие как король Марокко Мухаммед II, главы мусульманских диаспор в западных странах, как, например, ректор парижской мечети Далил Бубакер. Такая реакция никоим образом не строилась на выступлении самого папы, но на том, как преподнесла его американская пресса, к которой присоединились некоторые европейские средства массовой информации, примкнувшие к американцам с двадцатичетырехчасовым опозданием — на беду находившимся в Регенсбурге специальным корреспондентам, сдержанность которых скоро была погребена под потоками негодующих протестов.

Через три дня все это превратилось в настоящий пожар. В Индии по призыву имама самой крупной в стране мечети манифестанты вышли на улицы, объявляя криками «аллах акбар» о своей готовности к мести. На Западном берегу реки Иордан и в Ираке в церкви полетели бутылки с зажигательной смесью. В Иране перед объективами теле-

камер были сожжены портреты Бенедикта XVI. В Багдаде Совет моджахедов пообещал начать против Рима войну и завоевать его. В Сомали, в больнице Могадишо, была убита монахиня, 70-летняя сестра Сгорбати...

Без взаимности не бывать и диалогу

Повсюду в мусульманских странах руководители католических церквей открыто старались отмежеваться от слов папы. Каирские доминиканцы назвали высказывание Бенедикта XVI «неловким и оскорбительным». В Иерусалиме кардинал Мартини решил, что папа «увлекся профессорскими речами». Алжирский кардинал Тесье заявил, что «был поражен использованием цитаты, относящейся к иной эпохе». Полемика свирепствовала даже в недрах самой церкви, многие прелаты которой яростно защищали Его Святейшество, желая тем самым положить конец некоторому лицемерию в отношении ислама, который вновь открыто проявлял свою нетерпимость. Если исламисты хотели продемонстрировать приписываемые папе задние мысли, как перешептывались между собой прелаты, это было самое лучшее, что они смогли придумать!

В конце концов разве Бенедикт XVI не дистанцировался не так давно от своего предшественника Иоанна Павла II, стремление к открытости которого перед лицом мусульманского мира — вспомним его показательный приезд в Касабланку в 1986 году — никоим образом не помешало исламистам обострить свои отношения с остальным миром? Разве в январе того же 2006 года новый папа не представил дипломатическому корпусу «опасность, исходившую от определенных культур и приобретшую еще большую остроту по причине организованного терроризма»? Разве не он перевел на другую должность в феврале

президента папского Совета по межрелигиозному диалогу монсеньора Майкла Фитцжеральда, объединив этот Совет с папским Советом по делам культуры, как будто давая этим понять, что с мусульманами можно попытаться договориться в области культуры, но никак не в области богословия?

Недавнее дело с карикатурами на пророка Мухаммеда, убийство в Турции троих священников, поджог церквей в Пакистане и Нигерии, смертный приговор обращенному в христианство афганцу, усилившееся давление на христиан Святой земли подтолкнули папу и его окружение на бо́льшую критику по отношению к исламу. Бенедикт XVI неоднократно и недвусмысленно заявлял, что с мусульманским миром не будет аутентичного диалога, если этот мир не ответит взаимностью на принятие мусульман западными странами, то есть не начнет аналогичным образом принимать христиан на исламской земле. И когда он говорил о вере и разуме, как в Регенсбурге, он часто подчеркивал, что в исламе Бог обладает трансцендентностью, не уловимой человеческим разумом.

На самом деле, прочитав ранним утром текст в холле отеля Платцл, многие ватиканисты тайно предупредили руководителей пресс-бюро Святого Престола. Они помнили о майском инциденте, произошедшем в Освенциме во время визита Бенедикта XVI в Польшу. Тогда так же точно, журналисты на заре, читая речь, которую папа готовился произнести в концлагере Биркенау, успели заметить директору *Sala Stampa* Иоакиму Наварро-Валлсу, что отсутствие в тексте понятия «Холокост» могло привести к двусмысленности и даже к полемике. Наварро тотчас сообщил об этом папе, и тот в последний момент добавил недостающее слово в свою речь, дважды упомянув его во время своего выступления.

Двадцатилетний опыт работы при Иоанне Павле II, признанный со стороны всей курии авторитет и дружба с экс-кардиналом Ратцингером позволяли Наварро при необходимости лично обращаться к новому папе — новичку в плане коммуникации. Его недавний преемник, сменивший его на посту директора *Sala Stampa*, иезуит Федерико Ломбарди такими привилегиями не обладал. Особенно в отношении текста, который папа написал собственноручно в июле во время отдыха в Валь д'Аосте. Академический текст, в котором «личный богослов» папы, перечитывая во время путешествия все его выступления, не нашел ничего предосудительного.

Озадаченный Федерико Ломбарди был в курсе этих дружеских предупреждений. В то время как папа служил мессу, транслируемую на большом экране в пресс-центре, Ломбарди потихоньку собрал всех журналистов папской свиты, чтобы напомнить им, что в своей послеобеденной речи папа касался лишь отношений между верой и разумом, а не отношений с исламом. Напрасно.

Как потушить пожар?

Папа этого не знал. Кардиналы проявляли недоверчивость. Епископы везде были безоружны, испытывали ужас и угрозы. Папу всюду обвиняли в «невежестве», «провокации», «оскорблении», «ненависти» и «лжи», требуя от него «объяснений» и даже «извинений». Президент могущественной Организации исламской конференции торжественно потребовал от Ватикана «принять необходимые меры для исправления допущенной папой ошибки». Принять меры — но какие именно? Исправить ошибку — но какую? Извиниться — за что?..

Каким образом можно было отнести к папе древнее высказывание, предназначенное лишь для преамбулы его размышлений по поводу отношений религии и насилия? В своем выступлении Бенедикт XVI позаботился о том, чтобы эти размышления стали «второстепенным акцентом» диалога двух средневековых эрудитов, «послужившим отправной точкой» его умозаключений, уточняя при этом, что данная цитата являлась «на удивление резкой» и «малолюбезной». Такие меры предосторожности оказались явно недостаточными, поскольку 9 октября Святой Престол опубликовал странную «окончательную версию» озвученного текста, снабдив ее некоторыми пояснениями. Определение «резкая» было дополнено комментарием «...для нас неприемлемая». По поводу же скандальной цитаты в одном из пояснений папа сам лично уточнил: «...данное высказывание никак не отражает моего собственного отношения к Корану, который я уважаю как святую книгу великой религии». Несколько запоздалое объяснение.

В то время было опубликовано первое разъяснение официального представителя Ватикана отца Ломбарди, которое потерялось во всей этой невероятной планетарной суматохе. В субботу 16 сентября второе лицо Святого Престола кардинал Бертоне опубликовал длинное коммюнике, в котором говорилось о «сожалении» папы. Он подчеркнул, что папа всегда относился с уважением к исламу и что теперь он «очень сожалел», что некоторые моменты его выступления нанесли «оскорбление чувствам мусульманских верующих». Напрасные усилия. Не были услышаны ни новый государственный секретарь, ни новый глава ватиканской дипломатии француз Доминик Мамберти. Все понимали, что катастрофу остановить мог только сам папа.

Из Баварии Бенедикт XVI отправился в свою летнюю резиденцию Кастель-Гандольфо. Удивленный и потрясенный непримиримой реакцией, этот глубоко миролюбивый человек часами следил за чередой протестов, репрессий и насилия в отношении христиан на исламской земле. Начиная с субботы, на Ближнем Востоке были совершены нападения на шесть новых церквей, в церкви Басры в Ираке прогремел взрыв. Как положить конец этому убийственному безумию, но так, чтобы это не стало похоже на уступки слепому и жестокому насилию?

В воскресенье 17 сентября, в полдень, во время молитвы *Angelus*, Бенедикт XVI сообщил, что «очень огорчен» реакцией, последовавшей на «цитирование средневекового текста, никоим образом не отражавшего [его] собственного суждения». В следующую среду в ходе главной аудиенции папа вернулся к тому, что он назвал «недоразумением», вновь заговорил о «глубоком уважении», которое он испытывает к исламу, и напомнил о сути своего высказывания: «Не с насилием вместе выступает религия, а с разумом». Извинений папа не допустил. «Те, кто требует извинений, либо не читали текста выступления, либо не поняли его», — заявил в газете *Le Monde* кардинал Жан-Мари Люстиже. Его пугали «эти толпы, не имевшие ни малейшего представления, о чем шла речь». Не скупился на слова и архиепископ Парижа: «Если все дело заключается в возбуждении толпами преследования преступления по части не понятых ими слов, то ни о каких условиях диалога с исламом речи быть не может...»

Редко напряжение между мусульманами всего мира и главой католической церкви было столь сильным. Не лишне также признать, что редким было и столь упорное молчание со стороны западных политических лидеров,

которые, за исключением канцлера Ангелы Меркель и президента Евросоюза Жозе Мануэля Барроза, казались парализованными исламским гневом, направленным в большинстве своем именно против Запада. Мусульманскому миру было сложно понять это очевидное отсутствие солидарности.

Действия Пупарда

Итак, Ватикан мог рассчитывать только на самого себя. Необходимо было действовать быстро и не поддаваться панике. За дело взялись новый государственный секретарь, богослов, лишенный опыта дипломатической работы Тарчизио Бертоне; неизвестный французский дипломат Доминик Мамберти, который в самый разгар разбушевавшейся бури получил назначение в Министерство иностранных дел Святого Престола; а также «министр культуры» Ватикана Поль Пупард, которому папа недавно доверил бывший папский Совет по межрелигиозному диалогу.

Все они действовали наугад, импровизируя и стараясь найти выход из сложившейся ситуации. Восемнадцатого сентября *L'Osservatore Romano* впервые опубликовала слова сожаления папы на арабском языке. Девятнадцатого сентября кардинал Пупард явился в римскую мэрию, куда помимо него были приглашены главный городской раввин Рикардо Ди Сени и имам главной мечети Сами Салем, не отличавшийся особой чувствительностью в отношении регенсбургского выступления папы. Через несколько дней после этого тот же кардинал Пупард на импровизированной пресс-конференции огласил послание, распространенное Святым Престолом на двадцати языках, в том числе и на арабском, в честь праздника Аид аль Фитр, знаменующего собой окончание Рамадана. Суть послания заключа-

лась в следующем: какая была бы польза от религий, если бы христиане и мусульмане не боролись сообща против насилия и терроризма?

Особая миссия выпала на долю находившихся в мусульманских странах апостольских нунциев, которым, начиная с 20 сентября, была поручена беспрецедентная задача принести извинения политическим и религиозным лидерам этих стран. В то же самое время Пупард распространил по телефону коллективное приглашение всем послам мусульманских держав, работавших при Святом Престоле: Алжира, Бангладеш, Марокко, Нигерии, Пакистана, Сомали, Турции и др. Один за другим, не без формальной сдержанности, дипломаты приглашение приняли. Отклонил его только представитель Судана.

Эта встреча, состоявшаяся в Кастель-Гандольфо в понедельник 25 сентября, стала переломным этапом. В главном швейцарском зале папа принял двадцать двух послов. Были также приглашены и руководители Исламского совета Италии. В своей длинной речи на французском языке папа предложил гостям извлечь выгоду из возникшей полемики для установления диалога между католиками и мусульманами, особенно в плане общих для всех ценностей: солидарности, социальной справедливости, морали, свободы и достоинства человека и пр. Выступление было выразительным, доводы убедительными. Бенедикту XVI горячо аплодировали. Совещание, проигнорированное европейским телевидением, было транслировано на весь мир каналом Аль-Джазира. Десятки миллионов телезрителей от Марокко до Индонезии впервые увидели папу и узнали, что этот немного застенчивый пожилой господин не был тем «богохульником» и «невежей», каким его им представляли на протяжении последних восьми дней.

Среди гостей Бенедикта XVI был и турецкий посол Угур Цигаль, который проявлял особенное внимание к происходящему, поскольку в конце ноября папа планировал поездку в Турцию. Однако несколькими днями ранее все слышали, как главный муфтий Али Бардакоглу, глава религиозных дел при правительстве Турции, публично выразил сомнение по поводу «принятия человека, который имеет подобные убеждения в отношении ислама и его пророка». Не говоря уже о близком к власти депутате Салихе Капузуре, сравнившем Бенедикта XVI с Гитлером и Муссолини! Присутствие в Кастель-Гандольфо Угура Цигаля свидетельствовало о том, что путешествие, несмотря ни на что, может все-таки состояться.

Чудо Голубой мечети

Турецкие власти здраво отнеслись к своему решению. Визит, который папа должен был нанести в две небольшие христианские диаспоры, состоявшие из православных лидеров и нескольких тысяч католиков, не имел для них практически никакого значения. Им не составило бы труда убедить папу перенести поездку из соображений безопасности в столь сложный период. Тот факт, что папу могли заставить заплатить за регенсбургское «оскорбление», мог бы удовлетворить исламистов, как внешних, так и внутренних, особенно перед обещавшими стать неспокойными парламентскими выборами 2007 года.

Но у правительства Турции были и другие приоритеты — такие как вступление страны в ЕС. Еще будучи кардиналом Ратцингером, будущий Бенедикт XVI не скрывал своего личного неприятия такой перспективы, называя ее «серьезным заблуждением». Со времени своего избрания к этой

теме он больше не возвращался. Поддержка визита «президента государства Ватикан» (именно так, на светский манер, называло его турецкое правительство) могла побудить папу отказаться от своего противодействия. Услуга за услугу?

Эту карту в последний момент решил разыграть премьер-министр Турции Эрдоган. Он не планировал встречаться с папой, однако 28 ноября их встреча все же состоялась по прибытии последнего в аэропорт Анкары Эсенбоге, откуда сам Эрдоган должен был вылететь в Ригу для участия в саммите НАТО. Спустя пятнадцать минут после обмена дружескими приветствиями Эрдоган вышел из зала и заявил журналистам: «Папа сказал мне: мы хотим, чтобы Турция стала частью Евросоюза!»

Окружение папы пребывало в полном недоумении. Эрдоган попрал всякую вежливость. Журналисты ничего не понимали. Несчастный Федерико Ломбарди был вынужден объяснять, что да, конечно, папа относится «позитивно» к сближению Турции с Европой, но так как Святой Престол не обладает «политической компетенцией» для вмешательства в подобные вопросы, то такое сближение может рассматриваться только в ракурсе «общих ценностей». А эти общие ценности включали в себя прежде всего свободу вероисповедания.

Стамбул, два дня спустя. Визит в Турцию приближался к своему завершению. Начавшийся в атмосфере политического и полицейского напряжения, он заканчивался в духе межконфессионального и межрелигиозного диалога. Иначе заговорила и турецкая пресса, враждебно встретившая прибытие знаменитого гостя. В четверг 30 ноября в программу папы был добавлен непредвиденный и новый пункт: посещение мечети Султанахмет, так называемой

«Голубой мечети», славящейся своими шестью минаретами и двадцатью тысячами изразцов, — мечети, олицетворяющей самое священное место турецкого ислама. Бенедикт XVI принял приглашение главного муфтия Стамбула Мустафы Кагриси, одного из тех, кто подписал длинное письмо, которое направили папе после Регенсбургского выступления тридцать восемь мусульманских интеллектуалов, пригласивших Бенедикта XVI спокойно обсудить его видение ислама.

Этот визит мог бы носить такой же «культурный» характер, как и посещение собора Святой Софии, совершенное получасом ранее. Что может быть более консенсусное в историческом плане, чем эта бывшая христианская церковь, ставшая мечетью после падения Константинополя в XV веке и превращенная в 1934 году в музей Ататюрком? Конечно, Голубая мечеть является культовым сооружением и, войдя в нее, Бенедикт XVI мог бы ограничиться повторением исторического жеста Иоанна Павла II, переступившего порог мечети Омейядов в Дамаске в 2001 году. Однако, к всеобщему удивлению, папа пошел намного дальше своего предшественника.

Во-первых, войдя в мечеть, Бенедикт XVI разулся. Во-вторых, принявший его главный муфтий пригласил понтифика подойти к михрабу — обращенной к Мекке нише. В нескольких метрах от папы стоял вице-декан Священной Коллегии кардинал Этшегаре, который отчетливо слышал, как главный муфтий, наклонившись к Бенедикту XVI, произнес:

— Если вы желаете, мы можем помолиться.

Этшегаре затаил дыхание. Папа согласился. Повернувшись к Мекке и скрестив на животе руки по мусульманскому обычаю, он начал молиться. Время, казалось, остано-

вилось для этого небольшого, слившегося в едином порыве собрания христиан и мусульман. Мустафа Кагриси произнес краткую молитву. Бенедикт XVI хранил молчание.

— Оставаясь на протяжении нескольких минут в этом молитвенном месте, — признавался позже Святой Отец, — я обратился к Единому Богу, милосердному Отцу всего человечества...

Эта картина облетела весь мир. Молящийся рядом с муфтием в мечети папа с обращенным в сторону Мекки взглядом! Для кардинала Этшегаре этот жест явил «такую же силу, что и молитва Иоанна Павла II возле Стены плача в Иерусалиме в марте 2000 года». Старый французский кардинал вспоминал, что в 1986 году в Ассизе Иоанн Павел II пригласил представителей мировых религий не для «единой молитвы», но для того чтобы ощутить свое «единство в молитве». Тогда префект Конгрегации доктрины веры кардинал Ратцингер недовольно поморщился...

С тех пор минуло двадцать лет. Мир изменился. В тот четверг, 30 ноября 2006 года, Бенедикт XVI призвал христиан, не впадая в теологическое замешательство, сделать большой шаг вперед. Во время своего турецкого путешествия, которое он сам назвал «незабываемым», баварский папа окончательно предал забвению свою регенсбургскую «оплошность».

16 Папа перед проблемой педофилии

Кто скрыл и кто обнародовал преступления педофилов, стоящих у руля церкви?

Не прелюбодействуй.
Седьмая заповедь

«*DER FALL GROER*» («Случай с Гроером» — нем.). Шестнадцатого марта 1995 года взгляды прохожих привлекла обложка журнала «Профиль», красующегося на витринах газетных киосков Вены. Самый известный австрийский новостной журнал возвещал сенсационную новость, прочитав которую многие не поверили своим глазам. Некий Йозеф Хартман, бывший ученик кардинала Гроера, архиепископа Вены, рассказывал, что этот именитый прелат в бытность свою преподавателем в семинарии Холлабрунна в течение нескольких лет принуждал его к сексуальным контактам. Гроер! Первое лицо австрийской католической церкви! Святой человек, назначенный кардиналом Инни-

цером, посвященный кардиналом Кёнигом и ставший кардиналом благодаря самому Иоанну Павлу II! Это казалось невозможным!

Тем не менее, это была правда. Невероятная, скандальная, гнусная правда. Немедленное исключение Гроера из председательства в епископской конференции стало ее первым полупризнанием. Вторым явилось назначение на место Гроера 12 апреля архиепископом коадъютора монсеньора Кристофа Шёнбурна. В августе Гроер был уволен с поста архиепископа Вены, однако вины своей не признал и ни перед кем не извинился. Об ответственности своего предшественника, который умер через несколько лет в тишине и одиночестве, открыто заявил Шёнбурн.

Принесение кардинальского достоинства в жертву истине — вот решение, к которому католическая церковь не приучила свою паству. О подобных делах она на протяжении веков предпочитала хранить молчание. Впрочем, здесь церковь была не одинока: все светские и религиозные институты, сталкивающиеся с таким ужасным преступлением: народное просвещение, комитеты, лагеря отдыха, хоры, спортивные ассоциации, — всегда прибегали к внутреннему урегулированию возникшей проблемы. То есть к тайному урегулированию, причем никогда не интересовались судьбой его жертв.

Тайна и замешательство

В то время в церкви молчание всегда сопровождалось неопределенностью. Справочным документом в таких вопросах выступало письмо *Crimen sollicitationis*[1], написанное

[1] Своеобразная «инструкция» Конгрегации Доктрины Веры, которой необходимо следовать в том случае, когда священники или епископы Католической Церкви обвиняются в использовании таинства покаяния для сексуальных домогательств.

в 1962 году Конгрегацией священной канцелярии и тайно адресованное за несколько недель до открытия II Ватиканского собора главным предстоятелям католической церкви. Подписанный кардиналом Оттавиани текст ссылался на конституцию *Sacramentum Poenitentiae*, датируемую... 1741 годом. Она относилась прежде всего к священникам, использовавшим исповедь как повод для сексуальных домогательств к кающимся грешникам. В письме оговаривалось, что «согласно серьезности совершенного деяния» совершивший сексуальное преступление может быть освобожден от своих пасторских обязанностей и даже лишен сана. На самом деле чаще всего его тихо высылали в какой-нибудь отдаленный приход.

Во всем, что касалось внутренней процедуры, проводимой местным епископом, расследования и приговора, письмо требовало полной секретности. Нарушение данного правила стоило обвиняемому священнику временного отстранения от должности *a divinis*, иначе говоря, он не мог больше ни исповедовать, ни проводить мессу, а судьям — отлучения от церкви *latae sententiae* («просто из-за совершенной ошибки»). Необходимость соблюдения секретности оправдывалась непредвзятостью процесса, а также естественным желанием не предавать скандал огласке.

В 1983 году правила *Crimen sollicitationis* были включены в новый Кодекс канонического права (книга VI, канон 1387). Однако здесь возникала одна неясность. Конечно, по данному вопросу особой властью была наделена наследница Священной Конгрегации римской и вселенской инквизиции Конгрегация доктрины веры, но эту власть ей приходилось делить. К изучению документов допускалась также Конгрегация по делам духовенства, разбиравшая

индивидуальные случаи. В том, что касалось поведения епископов, в разбирательствах участвовала Конгрегация по делам епископов. Но особое участие в деле принимали местные епископаты, чьи епископы как полноправные хозяева своих епархий с трудом переносили огласку случившихся с ними злоключений. Такое распределение власти — добавим к этому еще частое отсутствие юридического формализма склонных к толерантности и милосердию пасторов — влекло за собой вольную или невольную, но полную безответственность.

Девятнадцатого февраля префект Конгрегации доктрины веры Йозеф Ратцингер спросил своего коллегу Кастилло Лару, председателя Комиссии по аутентичному переводу Кодекса канонического права, не пришло ли время для разработки «ускоренной и упрощенной процедуры» по обвинению священнослужителей, уличенных в сексуальных домогательствах по отношению к несовершеннолетним. Вопрос показался неуместным. Во что вмешивался баварский кардинал? Десятого марта кардинал Кастилло Лара ответил ему, что такое предложение «выглядит нежелательным», и ответственность в этом деликатном деле переложил на епископов.

Йозеф Ратцингер на этом не успокоился. Через месяц конституция *Pastor Bonus*[1], произведшая реорганизацию курии, в статье 52 наделила Конгрегацию доктрины веры «эксклюзивной уголовной юрисдикцией» относительно «наиболее тяжких преступлений против морали» и снабдила ее полномочиями «налагать канонические санкции,

---

[1] Лат «Пастырь Добрый» — апостольская конституция, провозглашенная папой римским Иоанном Павлом II 28 июня 1988 года и начавшая ряд реформ в процессе управления центральным правительством Римско-католической Церкви

предусмотренные правом». Этот решительный прогресс, обвинивший будущего папу в «чрезмерном централизме», затронул далеко не все епархии.

Когда же в 1995 году дело Гроера получило огласку, тот же Ратцингер, хорошо знавший Австрию, посоветовал созвать следовательскую комиссию, чтобы пролить свет на все обстоятельства данного преступления. Однако другие преосвященства, такие как председатель Конгрегации по делам духовенства кардинал Кастрильон Ойос и председатель Конгрегации по делам епископов кардинал Ре, от данного предложения отказались. Эти два кардинала были поддержаны курией, благодаря чему смогли убедить всемогущего государственного секретаря кардинала Содано ничего не менять в привычном укладе церкви.

Милосердие по-польски

Содано, Ре и другие знали, что Иоанн Павел II терпеть не мог вмешиваться в подобные дела и всегда поручал епископам решать недостойные препирательства в интересах церкви. Он, бывший архиепископ Кракова, который столько лет боролся против коммунистической власти, не имел привычки выносить грязное белье церкви на обозрение светских властей! В то далекое время, когда коммунистическое правительство хотело дискредитировать какого-нибудь церковного деятеля, оно объявляло его распутником, извращенцем или вором.

В Ватикане прекрасно знали, что обвинение в педофилии было наиболее тяжким, эффективным и губительным из всех обвинений, которое только могли выдвинуть против священника, епископа или церкви в целом. Все помнили, как в ответ на опубликованную весной 1937 года Пием XII

антинацистскую энциклику *Mit brennender Sorge*[1] министр пропаганды Рейха Йозеф Геббельс тут же развернул против католической церкви злобную и хитрую кампанию, наводнив газеты целой серией «доказательств» и «разоблачений» в сексуальных преступлениях, совершенных немецкими монахами и священниками. То было горькое воспоминание.

Руководители курии знали также и о том, что жизненное кредо польского папы зиждилось на прощении. Этот человек всегда и во всем являл безграничное и всеобъемлющее милосердие. Разве не простил он турецкого террориста Али Агджу, стрелявшего в него в 1981 году? Не одарил ли он своим доверием мексиканского священника Марсьяля Масьеля Деголладо, скандального основателя ордена «Легионеры Христа», которого в некоторых кулуарах курии долгое время называли не иначе как законченным извращенцем?

Случай отца Масьеля был не только показательным, но и весьма непростым, поскольку этот прелат-манипулятор, отличавшийся необычайно распутным образом жизни — педофилия была не единственным его пороком, — постоянно ссылался на свои римские связи во избежание каких бы то ни было канонических расследований и подозрений со стороны Пия XII, Иоанна XXIII и Павла VI. Иоанн Павел II, всегда с подозрением относившийся к слухам, особенно исходившим из таких антиклерикальных государств, как Мексика, предпочел лично выслушать прелата, который письменно заверил его: «Клянусь перед Богом, что все это ложь!».

---

[1] В переводе с немецкого — «С огромной обеспокоенностью» — энциклика папы Пия XI, опубликованная 10 марта 1937 года (датирована Страстным Воскресеньем 14 марта).

Следует признать, что масштаб приписываемых отцу Масьелю мерзостей, разоблаченных журналистом Джейсоном Берри в 1997 году, был просто невероятен. Некоторые близкие к Иоанну Павлу II люди, такие как государственный секретарь Содано и личный секретарь папы Станислав Дзивиш, упорно отказывались верить в эти безрассудные обвинения. Кардинал Ратцингер, поднятый по тревоге своей собственной службой в 1998 году, натолкнулся на всеобщий отказ. Только в 2004 году ему удалось ускорить официальное расследование в отношении Масьеля, которое завершилось после избрания Ратцингера на папский престол в апреле 2005 года и подтвердило самые ужасные подозрения. Когда Бенедикт XVI вынес, наконец, старому прелату приговор, было уже слишком поздно: последний предусмотрительно отошел от дел незадолго до смерти Иоанна Павла II.

Неужели все это свидетельствовало о попустительстве папы? Или же он был плохо информирован? А может быть, его старались не вовлекать во внутренние разбирательства из-за его слабого здоровья? Возможно. Все, кто близко знали польского папу, категорично заявляли: никогда он не стал бы покрывать столь явные преступления, однако постарался бы сделать все для того, чтобы это щекотливое дело было рассмотрено исключительно внутри церкви.

Внезапная остановка 2001 года

В начале 2000 года Ватикан охватило беспокойство: поднятая тема оказалась слишком проблемной. В Австрии вся церковь была потрясена отставкой Гроера. В США, где газеты уделяли данному вопросу всё более пристальное внимание, католики были доведены до предела. Во Франции и Германии разоблачения следовали одно за другим.

Даже в Польше, на родине Иоанна Павла II, в конце 1999 года в сексуальных преступлениях против малолетних был обвинен уважаемый архиепископ Познани монсеньор Юлиуш Пец.

Кардинал Ратцингер не опускал руки. Он открыто поделился своими соображениями с папой, к которому был очень близок. Папа высоко ценил долгие пятничные беседы тет-а-тет с баварским кардиналом. Ведь Ратцингер был архиепископом Мюнхена и знал, что перед лицом сексуальных преступлений епископы в большинстве своем безоружны и часто ненадежны. Весной 2001 года Ратцингер добился, наконец, чтобы Иоанн Павел II перешел на его сторону и позволил ему радикально пересмотреть законодательство церкви по данному пункту.

Тридцатого апреля 2001 года папа опубликовал написанный Ратцингером *motu proprio* (декрет) под названием *Sacramentorum sanctitatis tutela*[1], который отныне обязывал всех епископов докладывать обо всем напрямую Конгрегации доктрины веры. Что же касалось административного статуса каждого отдельного человека, он продолжал находиться в ведении соответствующих конгрегаций: Конгрегации по делам епископов (для епископов), Конгрегации по делам духовенства (для священников) и Конгрегации институтов посвященной жизни (для монахов). Несколькими днями позже Ратцингер опубликовал письмо *De delictis gravioribus*, определявшее канонические санкции, предъявляемые виновным в «самых тяжких» преступлениях: предупредительное временное отстранение, запрет на проведение публичной мессы, лишение права исповеди, низведение до светского положения и др.

---

[1] Апостольское послание, предусматривающее санкции для более тяжких правонарушений, не освещенных Конгрегацией доктрины веры

Это стало поворотным моментом и пресечением царившей безответственности. Однако новое постановление имело два основных недостатка: прежде всего церковь не отказалась от традиционной секретности и вдобавок к этому для нее по-прежнему не являлась приоритетом судьба пострадавших. Эти два слабых момента стали обнаруживать себя по мере распространения в современном обществе правового урегулирования и виктимизации, характерных для англосаксонских стран, особенно для США.

По ту сторону Атлантики дела педофилов уже на протяжении нескольких лет не сходили с первых полос всевозможных изданий. В том же 2001 году в Бостоне (штат Массачусетс) разразился крупный скандал вокруг местного архиепископа кардинала Лоу. Семидесятилетнего Бернарда Лоу, выпускника Гарварда и близкого друга Иоанна Павла II, обвиняли в сокрытии серьезных преступлений в области педофилии. И действительно, он долгое время покрывал священников, виновных в домогательствах к несовершеннолетним, таких как преподобный Пол Р. Шенли или аббат Джон Джоган, убитый в тюрьме в августе 2003 года. Бернард Лоу ограничивался тем, что переводил их из одного прихода в другой.

Кошмар американских епископов

В феврале 2007 года, временно отстранив от должности восьмерых священников за сексуальные преступления против несовершеннолетних, архиепископ, наконец, исповедовался в своих «заблуждениях». В мае он попросил Иоанна Павла II об отставке, но тот ему отказал. Американский кардинал некоторое время тайно пробыл в Риме, надеясь, что скандал скоро утихнет. Его надежды не оправдались. «Бостон глоб» поручила это дело двум десяткам журнали-

стов, благодаря которым в прессе не успевали сменять друг друга убийственные откровения. Генеральный прокурор штата Массачусетс Томас Ф. Рейли провел расследование, оказав давление на всех священнослужителей штата. Теперь отставки своего пастора требовали местные епископы, объединенные в ассоциацию *Voice of the Faithful*[1]! Четырнадцатого декабря 2002 года прозвучала ошеломляющая новость: кардинал Бернард Лоу, на протяжении восемнадцати дет являвшийся архиепископом Бостона, отправлен в отставку. В Соединенные Штаты он больше никогда не вернулся. Опечаленный Иоанн Павел II доверил ему пост протоиерея в соборе Святой Марии-Мажор — должность скромную и потому малоприметную.

В США скандал быстро вышел за пределы штата Массачусетс. Определенное замешательство вызвали непонятные, не поддающиеся проверке цифры. Серьезная газета «Нью-Йорк таймс» 12 января 2003 года сообщила, что обвинение коснулось 1 200 американских священников, было подано 4 300 жалоб и что скандал охватил все государства Северной Америки. Такая статистика естественным образом повлекла за собой немалое волнение.

Теперь за «препятствование правосудию», «нарушение гражданских прав» и «преступную халатность» преследованию подверглись сами епископы. Потоком полились жалобы, процессы, расследования и суды. В некоторых случаях улаживание конфликтов стоило церкви десятков миллионов долларов. В общей сложности американские епархии уже истратили к тому времени миллиард долларов

---

[1] Организация прогрессивных католиков, образованная в начале 2002 года в связи с ростом преступлений сексуального характера со стороны католических священников.

на оплату мировых или на возмещение морального ущерба по решению суда.

Двадцать третьего и двадцать четвертого апреля 2002 года Иоанном Павлом II и Ратцингером для долгих и неприятных объяснений в Рим были вызваны тринадцать американских кардиналов и архиепископов. «В священстве и религиозной жизни нет места тем, кто способен причинить детям зло», — бросил им папа. Эти сексуальные преступления «следует назвать общественными преступлениями и ужасным грехом в глазах Господа», — добавил Иоанн Павел II, опровергнув «общую недооценку природы данной проблемы» и призвав тем самым к «искреннему пасторскому милосердию в отношении пострадавших». Эти же тринадцать человек приняли участие в закрытом семинаре по изучению данного вопроса не только с юридической точки зрения, но также в контексте наук медицины и психологии. Это было только начало.

В продолжение необычной, не преданной широкой огласке сессии в Далласе, штат Техас, собравшиеся вместе 285 американских епископов проголосовали за устав, предписывавший «полную нетерпимость», призванную в будущем практически полностью оградить церковь от священников-педофилов. Это решение стало важным поворотным моментом для американского католического сообщества.

Франция на первой полосе

Лурд, ноябрь 2000 года. В ходе ежегодной епископской ассамблеи обсуждение проблемы, с которой также столкнулись и французские епископы, привело к оживленным дебатам. Недавно к восемнадцати годам заключения был приговорен священник епархии Бэйо-Лизье аббат Биссе — за изнасилование одного несовершеннолетнего, сексуальные

домогательства к трем другим и совращение еще семерых. Дело 1996 года наделало много шума. Также к трем месяцам тюрьмы условно за «недонесение о преступлении» был приговорен епископ упомянутой епархии монсеньор Пьер Пикан, считавший себя связанным «тайной исповеди».

В Лурде председатель епископской конференции монсеньор Луи-Мари Бийе заявил, что священники, виновные в преступлениях в области педофилии, непременно должны «ответить за совершенные деяния перед правосудием». Была назначена комиссия, выпустившая брошюру под названием «Борьба с педофилией», вышедшую стотысячным тиражом. Эта брошюра содержала вполне конкретные предписания, в том числе и для церковной иерархии: «Епископ не должен и не может ни проявлять бездействие, ни, тем более, покрывать преступные действия». Данный документ и сегодня определяет непреложные правила поведения во всех французских епархиях.

Однако не все в церкви были согласны со стратегией прозрачности. В своем письме от 8 сентября 2001 года председатель Конгрегации по делам духовенства кардинал Дарио Кастрильон Ойос поздравил монсеньора Пикана с тем, что тот не выдал аббата Биссе светским властям. «Вы поступили правильно, — говорилось в письме, — и я радуюсь, что в епископате у меня есть собрат, который перед лицом истории и всех епископов мира скорее предпочтет тюрьму, чем выдаст своего духовного сына». И Кастрильон Ойос принялся распространяться о том, что разошлет это послание по всем епископским конференциям.

Письмо, напечатанное лионским журналом *Golias*, укрепило французских епископов в их стремлении к твердости и открытости. Это имело успех. Начиная с 2001 года, случаи педофилии во Франции значительно сократились.

Так же случилось и в Германии, где в сентябре 2002 года епископы приняли жесточайшие меры для искоренения священников-педофилов. И в США, где «полная нетерпимость» явила свои плоды: новые случаи сексуальных преступлений против несовершеннолетних стали большой редкостью.

«Сколько же в церкви нечистоты!»

При приближении кончины Иоанна Павла II весной 2005 года кардинал Ратцингер удивил всех необычайно тревожными заявлениями. Во время церемоний на Святой неделе в Колизее он провозгласил: «Сколько же в церкви нечистоты, особенно среди тех, кто, соответственно своему священническому сану, должен всецело ей принадлежать!». «Господи, нас пугают грязные одежды и лицо Твоей церкви! Однако мы сами пачкаем ее! За всеми нашими красивыми словами и красивыми жестами мы постоянно предаем Тебя». «Сколько раз мы сами предпочитали истине свой успех, а правосудию собственную репутацию?»

Тот, кто являлся на тот момент всего-навсего деканом Священной Коллегии, всегда ужасался преступлениям педофилов. В 2002 году он назначил известного своей строгостью мальтийского священника Чарльза Шиклуна прокурором Конгрегации доктрины веры. Уже три года кряду последний изучал омерзительные досье: сотни дел, пришедших главным образом из США. Именно Шиклуна Ратцингер вопреки мнению своих коллег направил в Мексику для расследования неблаговидных поступков Масьеля. Именно благодаря его заключениям он, став папой, отстранил основателя ордена «Легионеры Христа» по причине его «явно ненадлежащего поведения», заставив его жить в раскаянии и одиночестве.

Были введены новые решительные меры. Масьель теперь был лишен возможности кому-либо навредить. На все епископства было наложено правило «полной нетерпимости». Таким образом, благодаря воле и упорству экс-кардинал Ратцингер смог добиться качественных изменений. Во время своего визита в США в апреле 2008 года Бенедикт XVI расставил все точки над «i», исповедав свой «стыд» перед подобными преступлениями, назвав их «жестокими и ужасными». Впервые в Вашингтоне он встретился со многими жертвами священников-педофилов. Несколько недель спустя он сделал то же самое в Австралии. Католическая церковь одновременно явила всем и свое раскаяние, и свое внутреннее преобразование.

Через пять лет после избрания Бенедикта XVI в церкви о сексуальных преступлениях почти не упоминалось. Зло, казалось, было наконец побеждено. В вовлеченных в него странах началась длительная преобразовательная и профилактическая работа. Если преемник Иоанна Павла II и попадал часто в объективы западных телекамер, то по другим причинам: по делу епископа-негациониста Уильямсона; скандала, связанного с абортом девочки из Ресифи; полемики вокруг использования презервативов в Африке; споров по поводу беатификации Пия XII и др.

Однако осенью 2009 года заявили о себе новые разоблачения. В Ирландии два официальных доклада — один принадлежал судье Сину Райану, другой судье Ивону Мерфи — выявили тысячи детей, ставших жертвами священников-педофилов. Первое расследование коснулось всех интернатов страны с момента начала войны, второе — дублинской епархии в период с 1975 по 2004 год. Никакого сомнения не было в том, что данные преступления покрывала епископская иерархия. Огромное возмущение охватило

эту верующую страну, в которой к католической религии, так же как и в Польше, всегда примешивалось сопротивление иностранному давлению.

Лихорадка в СМИ

Февраль 2010 года. Вся эта информация, подогретая такими же откровениями из Германии, особенно о подозрительных случаях, имевших место в престижном иезуитском колледже Канизиуса в Берлине в период с 1970 по 1980 год, стала лихорадить СМИ, некстати поставив церковь в самое неловкое положение, в каком она только могла оказаться в наше время. Перед глазами ее напуганных и беспомощных пасторов развернулась настоящая журналистская лихорадка. Свидетельства, статьи, расследования, форумы, письма, протесты, документы, всевозможные кампании — вся эта лавина с редчайшей свирепостью обрушилась как на саму церковь, так и на священников и папу.

В Ватикане не понимали этой двойной игры, заполонившей собой все первые газетные полосы и телевизионные экраны. С одной стороны, редакции как попало выводили на свет дела последних двадцати-тридцати лет, имевших место в США, Канаде, Австралии, Нидерландах, на Мальте, в Мексике и др., с другой — масштабы скандала подтолкнули некоторых церковнослужителей к признанию прежних ошибок, как, например, епископа Брюгге (Бельгия) монсеньора Вангелюве, а некоторых — к открытому сожалению о своем молчании, как, например, епископа Клойна (Ирландия) монсеньора Джона Маги. Все это вызывало всякий раз новые волны грязных разоблачений и безудержного негодования.

И для церкви, и для папы это стало настоящей катастрофой. Весь христианский мир пребывал в глубоком шоке,

миллионы верующих были возмущены. В тех странах, где принято заявлять о своей конфессиональной принадлежности, как, к примеру, в Германии, о своем уходе из церкви объявили десятки миллионов католиков. Некоторые комментаторы дошли даже до таких заголовков, как «Конец церкви» или «Падение католицизма». Тем не менее, посреди обрушившейся на Ватикан бури критики, поношений и споров стали появляться новые исследования и оригинальная информация, которые мало-помалу начали исправлять всеобщее бедственное положение.

Прежде всего обозревателей заинтересовал тот факт, что бóльшая часть случаев, о которых кричали все мировые газеты, приходилась на 1970–1980-е годы. Незначительный же процент современных случаев доказывал, что новые выработанные церковью правила значительно сократили число сексуальных преступлений против малолетних. Более того, если на долю США отводилось большинство указанных в прессе случаев, то это потому, что англосаксонские страны игнорировали сроки давности сексуальных преступлений, в то время как латинские страны привязали этот срок к десяти годам. Не было сомнений в том, что воскрешение старых дел указывало на основательную защиту прав жертв преступления. Однако можно ли было в столь деликатном вопросе настаивать на обоснованности обвинения или опровержении свидетельств двадцати пяти–тридцатилетней давности?

Массовое воспоминание о 1970-годах навело на мысль о том, что западное общество за сорок лет сильно изменило свои нравы. В ту эпоху, в отличие от сегодняшних дней, педофилию не считали таким уж страшным преступлением, и как в церкви, так и вне ее жалобы рассматривались редко либо и вовсе не получали никакого продолжения.

Судьба жертв никого не интересовала. Нидерландские психиатры распространили моду на отрицание сексуального насилия. В течение нескольких лет наблюдалась даже сильная тенденция к допущению педофилии. Французская газета «Либерасьон» опубликовала несколько статей, посвященных дедемонизации «детских ласк» (20 июня 1981 года). Такие достойные наследники Жида и Монтерлана, как интеллектуалы Роже Пейрефитт, Ги Окангем, Рене Шерер, Тони Дювер и Габриэль Матцнеф, воспевали свободные отношения с детьми «моложе 16 лет» и, по примеру Мишеля Фуко, защищали «сексуальные меньшинства». Газета Сержа Жюли даже гордилась тем, что в 1975 году поместила на своих страницах интервью Фронта освобождения педофилов. Оглядываясь назад, мы видим, что дело достигло своего апогея, когда некий Даниэль Кон-Бендит, похвалявшийся «ласками пятилетней девочки» на съемочной площадке передачи «Апостроф» в 1982 году, принялся обвинять религию в ее «несомненной авторитарности».

Снижение показателей

Через тридцать лет «репрессии» обрушились на саму церковь. Однако лихорадка СМИ встречала на своем пути не одни лишь препоны, побудив некоторых журналистов взять интервью у редких специалистов по данному делу, таких как американский социолог Филипп Дженкинс, который в течение двадцати лет проводил расследование в епархии Чикаго, или исследователей колледжа уголовного правосудия Нью-Йоркского университета. Их зачастую неожиданные ответы заставили пересмотреть приводимые наугад цифры. Сперва необходимо было дифференцировать во всех странах многочисленные жалобы и весьма немногочисленные обвинения. Потом нужно было сделать

выборку между зафиксированными доказанными и недоказанными случаями сексуальных преступлений против несовершеннолетних, составлявшими главным образом второстепенные правонарушения (коллекционирование фотографий, публичное обнажение), и очень малым количеством собственно преступлений сексуального характера (ласки, изнасилования).

Другое исследование, проведенное нью-йоркским колледжем уголовного правосудия, обнаружило, что из общего числа совершенных священниками «сексуальных преступлений против несовершеннолетних» около 78% приходились на подростков, достигших половой зрелости. Эти данные передал в Рим отец Сикулина, тщательно изучивший 3 тысячи досье, прибранных к рукам Конгрегацией доктрины веры в период с 2001 по 2010 год. Они показывали, что бóльшая часть обвинений восходила, согласно римской терминологии, к «эфебофилии», т.е. влечению к подросткам, чей возраст был близок к половой зрелости, которая варьируется в зависимости от стран и континентов. И только 10% зафиксированных преступлений и правонарушений относились к мальчикам, не достигшим половой зрелости, и поэтому могли расцениваться как «педофилия».

Новое волнение породило новые дебаты: не были ли вызваны такие отклонения у священников целибатом? Выступившие в средствах массовой информации специалисты в один голос это мнение опровергли. В США Дженкинс не нашел никакого различия между одинокими католическими священниками и женатыми протестантскими. Европейские эксперты со своей стороны также пришли к единому мнению: более 95% случаев сексуального насилия над малолетними совершаются в семье, в то время как

неженатые педофилы, в том числе и священники, составляют ничтожное меньшинство.

Западная пресса как в США, так и Европе также выявила явную диспропорцию между актами педофилии, совершенными священниками и не священниками. Согласно Филиппу Дженкинсу, на 100 американских священников, обвиненных в сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних и представших перед правосудием, приходилось 6 тысяч воспитателей, преподавателей, учителей физкультуры, спортивных тренеров и т.п. Согласно другим данным, приведенным профессором Стэнфордского университета Томасом Планте, только два из 5% священников имели сексуальные отношения с несовершеннолетними, что является ниже общего мужского показателя, восходящего примерно к 8%.

Проведенные во Франции два исследования показали, что и в этой стране церковь не является горнилом педофилии. Первое исследование, опубликованное в августе 2010 года на интернет-сайте газеты «Либерасьон», представляло собой секретный доклад, подготовленный в 1997–1998 годах главной инспекцией народного образования и обнаруживший ужасающую круговую поруку по поводу сексуального насилия, царившую среди преподавателей, директоров и инспекторов академий. Второе исследование явило собой длинный репортаж, опубликованный в «Экип» в июне 2011 года, о сексуальном насилии над детьми в спортивном мире. Тщательно проведенный анализ, над которым исследователи трудились несколько месяцев, выявил признание примерно 3% спортсменов в том, что они подвергались сексуальному насилию со стороны своих тренеров, однако подавляющее большинство таких жертв о своих несчастьях никому не рассказывали. Расследование не нашло отклика ни в одной газете.

Раздражение католиков

В некоторых христианских кругах громогласно звучал один и тот же вопрос: почему западные средства массовой информации клеймили одних лишь священников? Почему они обходили стороной национальное образование, детские лагеря, спортивные ассоциации, детские хоры и т.п.? Конечно, на церковнослужителе лежит большая вина за подобные действия, ибо он является воплощением Божественной благости и всеобъемлющего милосердия. Однако неужели эта позиция освобождает от позора светских воспитателей, совершающих такие же преступления?

Раздражение католиков, охватившее различные ассоциации, конфессиональную прессу и интернет-сайты, через неистовство некоторых СМИ с марта 2010 года обрушилось на самого Бенедикта XVI. Были перерыты все архивы архиепископства Мюнхена, в котором с 1977 по 1982 год Йозеф Ратцингер исполнял обязанности архиепископа; вынесены на всеобщее обозрение очевидные факты, касавшиеся Конгрегации доктрины веры, которой он руководил; возвращены из небытия старые жалобы из архивов *Regensburger Domspatzen*[1], хора Регенсбургского собора, которым длительное время руководил брат папы. Итак, сезон охоты за сенсациями был открыт, и всеобщего успокоения он не обещал...

Так, с большей или меньшей очевидностью, нескольким атакам подвергли папу американские адвокаты Джефф Андерсон из Миннесоты, Марси Хэмилтон из Миссури, Уильям Макмарри из Кентукки. Они способствовали вовлечению максимального числа жертв в воинственные ассоциации, снабжали крупные издания вроде «Нью-Йорк

---

[1] Хор Регенсбургского собора.

таймс» взрывными документами и использовали все правовые инструменты, в том числе и в Европе, для привлечения папы к правосудию. Целью этих адвокатов, по-видимому, являлось получение для своих клиентов — и для себя — максимально крупной компенсации со стороны растерянной церкви, которой подобные процедуры уже стоили в США более миллиарда долларов.

В Ватикане многие кардиналы были удручены и подавлены, но панике не поддавались. То, что папу хотели обвинить в «преступлениях против человечности», им казалось неправдоподобным. Столь сильное замешательство породило неожиданную и подозрительную полемику, предположившую, что сомнения в твердости Иоанна Павла II перед лицом сексуальных преступлений могли отрицательно сказаться на его грядущей беатификации. Кардинал Кастрильон Ойос утверждал, что на свое знаменитое защитительное письмо в адрес монсеньора Пикана в 2001 году он получил личное разрешение папы. Одна неловкость следовала за другой: декан Священной Коллегии кардинал Содано публично назвал все эти дебаты «болтовней»; проповедник папского дома отец Канталамесса сравнил эти нападки с антисемитизмом недавнего прошлого; государственный секретарь кардинал Бертоне во время своего выступления в Чили спутал понятия «гомосексуальность» и «педофилия», чем навлек на себя громы и молнии всякого рода меньшинств: геев, лесбиянок, би- и транссексуалов со всей планеты.

Внутренний враг

Бенедикт XVI, по словам его окружения, также пребывал в волнении и «печали», однако хладнокровия не терял. В конце концов обвинителям пришлось признать его пра-

воту. Несомненно, церковь должна была намного раньше отреагировать на постигшее ее бедствие. Не слишком ли долго она оставалась сторонницей примиренчества и безответственности? Достаточно ли сегодня она трудится над искоренением зла? На вопрос журналиста в самолете по дороге в Фатиму, Португалия, 11 мая 2010 года папа ответил:

— Сегодня атаки против папы, против церкви и страдания церкви рождаются не только извне, но и изнутри, из-за греха самой церкви. Сильнее всего церкви вредят не внешние ее враги, а внутренние!

При этом папа вовсе не собирался объявлять себя жертвой антиклерикального заговора. Двадцатого марта 2010 года он адресовал торжественное письмо ирландским католикам, которое касалось далеко не одной только Ирландии. В этом письме он говорил о «стыде» и «угрызениях совести» всей церкви в целом, своем сочувствии жертвам преступлений, «серьезных судебных ошибках» епископов, своей надежде на «обновление» верхушки ирландской церкви и «конкретных мерах» для оздоровления ситуации. Это необычное живое письмо определило стратегию будущих лет. Во время следующих поездок, в том числе в Лондон и на Мальту, Бенедикт XVI неоднократно возвращался к содержанию своего послания.

В Ватикане была объявлена всеобщая мобилизация. Большинство ведомств работали не покладая рук. На повестку дня были вынесены: обеспечение лучшей подготовки семинаристов, слишком часто отличавшихся «незрелым» образованием; шлифовка канонического законодательства; усиление позиции «непримиримости» в епископствах; помощь епископам в сотрудничестве с гражданским правосудием; а также улучшение системы работы отдела

по связям с общественностью Святого Престола. С этого момента президент Папского совета по социальным коммуникациям монсеньор Клаудио Челли, директор Ватиканского Радио и *Sala Stampa* отец Ломбарди и директор *L'Osservatore Romano* историк Джованни Мария Виан перестали быть пятым колесом в апостольской телеге.

В феврале 2012 года в Риме Папский Грегорианский университет подготовил настоящее международное «заседание», собравшее порядка двухсот епископов, руководителей, врачей и юристов... В мае 2012 года на епископские конференции была возложена задача доработать, с учетом национальных законодательств, механизмы предупреждения педофилии и борьбы с ней. В это же время многоязыковой центр *e-learning*[1], связанный с 2 700 епархиями всей планеты, начал оказывать епископам всю возможную помощь по волнующему вопросу, особенно в области юриспруденции и психиатрии.

Значимый парадокс огромного скандала: вопреки всему папа Бенедикт XVI постарался сделать все от него зависящее, чтобы католическая церковь стала примером для тех, кому в будущем также придется столкнуться с этим ужасным бедствием.

---

[1] Англ *E-learning*, сокращение от англ *Electronic Learning* — система электронного обучения, обучение при помощи информационных, электронных технологий

Библиография

1. Могила Святого Петра

Аполони-Гетти, Ферруа, Жози, Киршбаум. Esplorazioni sotto la Confessione di San Pietro in Vaticano eseguite negli anni 1940–1949. — Cité du Vatican, 1951.

Каркопино, Жером. Раскопки в соборе Святого Петра и традиция. — Albin Michel, 1953 (переизд. 1963).

Гуардуччи, Маргарита. Найденный Святой Петр. — Saint-Paul, 1974.

Киршбаум, Энгельберт. Раскопки в Римском соборе Святого Петра. — Plon, 1974.

2. Непогрешим ли папа?

Обер, Роже. Понтификат Пия IX. — Bloud & Gay, 1952.

Кристоф, Поль. I Ватиканский собор. — Le Cerf, 2000.

Гадий, Жак. Альберт дю Боис — воспоминания о Ватиканском соборе 1869–1870. — Publication universitaires de Louvain, 1968.

Мэннинг (кардинал). Подлинная история о Ватиканском соборе. — Baltenweck, 1877.

Минрат, Ролан. История Соборов. — колл. «Что я знаю?», PUF. 1996.

Нобили-Вителлечи, Франческо. Il papa infaillibile: cronaca del Concilio ecumenico vaticano. — Giordano, 1963.

Вейо, Луи. Рим времен Собора (тт. I и II). — Victor Palme, 1872.

3. Молчание Бенедикта XV

Альварес, Давид. Шпионы Ватикана. — Nouveau Monde, 2006.

Кольвиль (граф). Бенедикт XV: Ватикан и война. — Editions pratiques et documentaires, 1915.

Пишон, Франсис. Бенедикт XV. — Spes, 1940.

Ренотон-Бен, Натали. Голубь и окопы. — Le Cerf, 2004.

4. Тень Братства Пия X

Альварес, Давид. Шпионы Ватикана. — Nouveau Monde, 2006.

Пула, Эмиль. Интегризм и интегральный католицизм. — колл. «Религия и общества», Castermann, 1996.

Пула, Эмиль. Католицизм, демократия и социализм. — колл. «Религия и общества», Castermann, 1977.

5. «Папесса» Паскалина

Ленерт, Паскалина. Моей привилегией было служение Пию XII. — Téqui, 2009.

Мерфи, Поль, Арлингтон Рене. Папесса. — Lieu commun, 1983.

Шад, Марта. La Signora del Sacro Palazzo. — San Paolo, 2008.

Серру, Роббер. Папа-король Пий XII. — Perrin, 1992.

6. Нацистский след

Аарон, Марк, Лофтус Джон. Нацисты в Ватикане. — Olivier Orban, 1991.

Бле, Пьер, Грэм Роберт, Мартини Анжело, Шнайдер Буркхарт. Святой Престол и жертвы войны: январь 1944 — июль 1945: акты и документы Святого Престола времен Второй мировой войны (т. 10). — Libreria Editrice Vaticana, 1980.

Альварес, Давид, Грэм, Роберт. Папство и нацистский шпионаж. — Beauchesne, 1999.

Лакруа-Риц Анни. Ватикан, Европа и Рейх. — Armand Colin, 1996.

7. Пий XII против де Голля

Барди, Жерар. Шарль католический: де Голль и церковь. — Plon, 2001.

Бле, Пьер. Пий XII и Вторая мировая война в архивах Ватикана. — Perrin, 1997.

Фуйу, Этьен. Эжен, кардинал Тиссеран (1894?1972) — биография. — Desclée de Brouwer, 2011.

Голль, Шарль. Военные мемуары. Т. 3: Спасение (1944–1946). — Pocket, 2011.

Хебблетуайт, Питер. Иоанн XXIII, папа Собора. — Bayard, 2000.

Латрей, Андре. Де Голль, освобождение и католическая церковь. — Le Cerf, 1978.

Мартен, Жак. Мои шесть пап. — Mame, 1993.

Ронкалли, Анжело Джузеппе. Французский дневник. Т. I (1945–1948). — Le Cerf, 2006.

8. Мария — царица мира

Конгар, Ив. Мой соборный дневник. — Le Cerf, 2002.

Лорентен, Рене. Воспоминания — путь к Свету. — Fayard, 2005.

Лорентен, Рене. Дева Собора. — Lethielleux, 1965.

9. Иоанн XXIII между двумя гигантами

Казинс, Норман. The Improbable Triumvirate. — Norton & Co, 1972.

Дрейфус, Поль. Иоанн XXIII. — Fayard, 1979.

Хебблетуайт. Иоанн XXIII, папа Собора. — Bayard, 2000.

Штеле, Ганс-Якоб. Die Ostpolitik des Vatikans, 1917–1975. — Piper Verlag, 1975.

Тразатти, Серджио. Ватикан — Кремль: тайны дебатов «лицом к лицу». — Payot, 1993.

10. Прогрессист по имени Ратцингер

Колонж, Шанталь и Поль. Бенедикт XVI. Радость веры. — колл. «Живая история», Le Cerf, 2011.

Кюнг, Ганс. Моя битва за свободу: Воспоминания. — Novalis/Le Cerf, 2006.

Леконт, Бернар. Бенедикт XVI. — Perrin, 2011.

Николс, Эдда. Размышления Бенедикта XVI. Введение в богословие Йозефа Ратцингера. — Ad Solem, 2008.

Ратцингер, Йозеф. Моя жизнь. Воспоминания 1927–1977. — Fayard, 1998.

Ратцингер, Йозеф. Мой II Ватиканский собор. — Artège, 2011.

11. Церковь и ложи

Феррер-Бенимелли, Жозе-Антонио. Секретные архивы Ватикана и франкмасонство — история папского осуждения. — Dervy, 1989.

Жариж, Мишель. Церковь и франкмасонство — история подозрений и заговоров. — Jean-Cyrille Godefroy, 2010.

Нефонтен, Люк. Церковь и франкмасонство. — Edition du Chalet, 1990.

Рей, Доминик (монсеньор). Можно ли быть и христианином, и франкмасоном? — Salvator, 2007.

Рус-Лакордер, Жером. Рим и франкмасоны: история конфликта. — Berg International, 1996.

12. «Наместник»

Бле, Пьер. Пий XII и Вторая мировая война в архивах Ватикана. — Perrin, 1997.

Эспозито, Розарио. Процесс по «Наместнику». — Editions Paulines, 1964.

Хоххут Рольф. Наместник. — Le Seuil, 1963.

Лекомт Бернар. Почему у папы плохая пресса: беседа с Марком Лебушером. — Desclée de Brouzers, 2009.

Нобекур, Жак. «Наместник» и история. — Le Seuil, 1964.

13. Дело Эстермана

Импозимато Фердинанд. Ватикан, государственное дело. — колл. «Расследования и свидетельства», Sélection du Reader's Digest, 2004.

Личные архивы.

14. Встреча в верхах двух славян

Горбачев, Михаил. Предисловие к мемуарам. — Odile Jacob, 1993.

Горбачев, Михаил. Мемуары. — Le Rocher, 1995.

Карлов, Юрий. Parlando con il Spirali. — 1998.

Леконт, Бернар. Папа, сбросивший Ленина. — CLDM, 2007.

Вайгель, Георг. Иоанн Павел II, свидетель надежды. — J.-C. Lattès, 1998.

15. Регенсбургская «оплошность»

Окант, Винсен. Бенедикт XVI и ислам. — Parole et Silence, 2008.

Боллак, Жан, Жамбе Кристиан, Меддеб Абдель Вахаб. Регенсбургская конференция — цели и споры. — Bayard, 2007.

Яну, Эрве. Регенсбургское препирательство: личные записи.

16. Папа перед лицом педофилии

Личные архивы.

Глоссарий

Апостольский — обозначает все, что относится к наследию апостола Петра.

Апостольский нунций — официальный представитель папы в иностранном государстве.

Архиепископ — епископ, надзирающий над несколькими епархиями.

Богослужение совместное — месса, проводимая несколькими священниками.

Булла — торжественное папское послание.

Визит ad lamina — епископский визит на «могилы апостолов», т.е. в Ватикан.

Викарий — церковная должность, связанная с исполнением обязанностей заместителя или помощника (папу называют «викарием Христа»).

Генерал — главный настоятель в религиозном ордене.

Дикастерия — название различных куриальных ведомств (конгрегаций, советов, судов).

Духовенство — служители религиозного культа.

Дьякон — служитель церкви, не имеющий священнического сана.

Евангелия — свидетельства о земной жизни Иисуса Христа, написанные четырьмя апостолами: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном.

Евхаристия (Святое Причастие) — хлеб и вино, символизирующие тело и кровь Христа.

Епархия — подчиненная епископу территория.

Епископская конференция — собрание епископов той или иной страны.

Индекс — список произведений, запрещенных папой (термин вышел из употребления в 1966 году).

Камерлинг — кардинал, ответственный за преемственность усопшего понтифика.

Кардинал — наиболее значимый титул в католической церкви; присваивается папой во время консистории.

Конгрегация — общество священников или прихожан, живущих по единым правилам (может также обозначать «собрание», например перед конклавом).

Конклав — собрание кардиналов, созываемое для избрания нового папы.

Конкордат — соглашение, имевшее место в прошлом между Ватиканом и каким-либо государством.

Консистория — собрание кардиналов.

Кредо — молитва, посредством которой человек заявляет о своей вере («Я верую в Бога...»).

Крещение — церемония, посредством которой человек заключает завет с Господом.

Культ — совокупность религиозных действий, через которые происходит поклонение Богу.

Курия — главный административный орган католической церкви.

Литургия — совокупность торжественных обрядов главного христианского богослужения.

Митра — головной убор, часть облачения христианского священнослужителя.

Митрополит — в восточных церквях почетное звание, следующее за титулом «архиепископ».

Монастырь — церковное учреждение, в котором проживает монашеская община.

Motu Prorio — апостольское послание папы.

Патриарх — наивысший сан предстоятеля христианской церкви.

Прелат (монсеньор) — сан членов духовенства, трудящихся при Ватикане.

Преосвященство — почетный кардинальский титул.

Пресвитерия — жилище приходского кюре.

Приход — наиболее мелкая единица церкви.

Прихожане — совокупность верующих, не входящих в духовенство.

Провинциал — местный настоятель (для религиозных орденов).

Проповедь — объяснение текста, прочитанного в начале мессы.

Пятидесятница — воспоминание о даре Святого Духа, данного апостолам после вознесения Иисуса Христа.

Рукоположение — церемония посвящения в священнослужители.

Святая неделя — последняя неделя перед Пасхой, на которой вспоминаются страдания, смерть и воскресение Иисуса Христа.

Святое Причастие — вкушение просвиры, символизирующей тело Христа.

Святой Дух — третье лицо Божественной Троицы (наряду с Отцом и Сыном).

Священная Коллегия — собрание кардиналов католической церкви.

Синод — собрание епископов, совещательный орган при папе.

Собор — собрание епископов, созываемое папой и представляющее собой саму церковь.

Собор (здание) — главная церковь епархии, в которой пребывает епископ.

Таинства — основополагающие обряды христианской церкви (крещение, причастие, покаяние, венчание и др.).

Тиара — парадный головной убор папы (замененный при Павле VI митрой).

Urbi et Orbi — латинское выражение, переводимое дословно «к городу и к миру» (произносится, например, в качестве благословения).

Глоссарий

Фидеизм — учение, согласно которому истина постигается исключительно верой, а не разумом.

Церковный — определение, относящееся ко всему, что связано с церковью.

Экуменизм — сближение различных христианских конфессий.

Энциклика — торжественное послание папы, адресованное всем христианам.

Популярное издание

Для детей старше 16 лет

Леконт Бернар

ПОСЛЕДНИЕ ТАЙНЫ ВАТИКАНА

Ответственный редактор *Д. Бондаревский*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Ответственный за выпуск *Ю. Давыдова*
Компьютерная верстка: *А. Патулова*
Макет обложки: *М. Сафиуллина*

Сдано в набор 7.05.2013 г.
Подписано в печать 28.05.2013 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Тираж 3000. Заказ № 478.

ООО «Феникс»
344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.
Тел. (863) 261-89-59, тел./факс 261-89-50
Сайт издательства: www.phoenixrostov.ru
Интернет-магазин: www.phoenixbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга».
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

344082, г. Ростов-на-Дону,
пер. Халтуринский, 80
Тел.: (863) 261-89-50
www.phoenixrostov.ru

Региональные представительства

Начальник отдела по работе с представительствами
Цукерман Марк Валерьевич (доб. 186) mark_fenix@mail.ru

МОСКВА

Моисеенко Сергей Николаевич
г. Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, стр. 3
(м. «Дмитровская»)
Тел.: (499) 558-03-09, (499) 558-03-11
E-mail: fenix-m@yandex.ru; fenix-mos@mail.ru

Мячин Виталий Васильевич
г. Москва, Шоссе Фрезер, 17 (м. «Авиамоторная»)
Тел.: (495) 517-32-95, (495) 789-83-17.
E-mail: mosfen@pochta.ru, mosfen@bk.ru

ЕКАТЕРИНБУРГ

Швидков Александр Владимирович
Тел.: (343) 382-43-01, 8-922-154-01-81
E-mail: fenix-ekb@mail.ru
ICQ 396-869-385

САМАРА (НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ)

Митрохин Андрей Михайлович
Самара, ул. Товарная, 7«Е» (территория базы «Учебник»)
Тел.: (846) 951-24-76, 8-917-112-96-85.
E-mail: fenixma@mail.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Орлов Дмитрий Сергеевич
г. Санкт-Петербург, ул. Стрельбищенская, д. 15, к. 2
Тел.: 8-812-600-47-41, 8-952-248-49-38
E-mail: orlov@fx-spb.ru

ISBN 978-5-222-21558-6

9 785222 215586